~~J XXXV. 36 – 77~~ Mit Atlas in Folio

Europa
Griechenland

Fuß

It.
g. 41/1.

Geogr.

A Monsieur
Monsieur le Docteur Schönlein

ПУТЕВЫЯ

de la part de l'auteur

ЗАПИСКИ,

ВЕДЕННЫЯ

ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНІЯ

НА ІОНИЧЕСКИХЪ ОСТРОВАХЪ, ВЪ ГРЕЦІИ, МАЛОЙ АЗІИ И ТУРЦІИ ВЪ 1835 ГОДУ,

Владиміромъ Давыдовымъ.

ЧАСТЬ I.

Санктпетербургъ.
Въ типографіи Эдуарда Праца и К°.
1839.

ПУТЕВЫЯ

ЗАПИСКИ.

ПУТЕВЫЯ
ЗАПИСКИ,

ВЕДЕННЫЯ

ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНІЯ

НА ІОНИЧЕСКИХЪ ОСТРОВАХЪ, ВЪ ГРЕЦІИ, МАЛОЙ АЗІИ И ТУРЦІИ ВЪ 1835 ГОДУ,

Владиміромъ Давыдовымъ.

ЧАСТЬ I.

Клотъ

Санктпетербургъ.

Въ типографіи Эдуарда Праца и Ко.

1839.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ 1 Ноября 1838 года.

Цензоръ *П. Корсаковъ*.

Staats-Bibliothek Bamberg

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

Князю

ЮРІЮ АЛЕКСѢЕВИЧУ

ДОЛГОРУКОМУ.

Любезный другъ!

Ты, можетъ быть, удивишься, когда увидишь свое имя на первой страницѣ этой книги; но наша дружба объяснитъ тебѣ, почему я желалъ посвятить ее тебѣ.

Въ то время, когда ты занимался государственной службой, которая не могла, однако, отвлечь тебя отъ любимой мысли: содѣйствовать благу всѣхъ, тебя окружающихъ, и въ городѣ и въ деревнѣ, я скитался по Европѣ и Азіи. Но я льщу себя надеждой, что и мои труды не были совершенно безполезны. Я желалъ сообщить моимъ соотечественникамъ виды прелестныхъ странъ и памятниковъ Греціи, снятые кистью нашихъ лучшихъ художниковъ. Ихъ труды будутъ, можетъ быть, оцѣнены, когда вѣкъ нашъ, совершенно ремесленный, приметъ характеръ не столь непріязненный

художественнымъ созданіямъ. Что же относится до этихъ слабыхъ трудовъ моихъ, позволь имъ быть памятникомъ счастливыхъ лѣтъ, проведенныхъ нами вмѣстѣ, и частыхъ разговоровъ о предметахъ, для насъ обоихъ равно занимательныхъ.— Позволь мнѣ также надѣяться, что ты не будешь всегда довольствоваться одной бесѣдой съ друзьями, хотя она составляетъ самое большое наслажденіе въ жизни, и что рѣшишься когда нибудь напечатать нѣкоторыя изъ твоихъ мыслей, заслуживающихъ гораздо болѣе моихъ быть извѣстными свѣту.

Владиміръ Давыдовъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
22-го марта, 1838 года.

РИМЪ. *Суббота, $^4/_{16}$ мая 1835 года.* — Давно уже безпокоило меня желаніе посѣтить Востокъ. Въ надеждѣ увидѣть Грецію, Турцію, Малую Азію и Святую Землю, я уже три мѣсяца занимаюсь приготовленіями къ отъѣзду; наконецъ, сегодня окончилъ ихъ и отправляюсь изъ Рима. Спутниками моими будутъ знаменитый художникъ Брюлловъ, архитекторъ и членъ Петербургской Академіи Художествъ, г. Ефимовъ и Прусскій антикварій докторъ Крамеръ, которые вмѣстѣ со мною возвратятся въ Римъ. Двое первыхъ обязываются снять виды съ мѣстъ и строеній, которыя мы будемъ осматривать, а послѣдній списывать надписи на развалинахъ, которыя намъ встрѣтятся. Я самъ, чтобъ лучше запечатлѣть въ своей памяти новыя мѣста, намѣренъ вести краткій журналъ всему путешествію. Привычка записывать всѣ встрѣчающіеся въ жизни

случаи полезна во всякое время, но особенно во время путешествія, которое можно называть усиленною жизнію потому-что, путешествуя, въ одинъ день видишь, узнаешь и трудишься болѣе, чѣмъ на мѣстѣ въ цѣлую недѣлю.

Я начинаю съ Рима, изъ котораго отправляюсь въ полной увѣренности, что не найду другаго мѣста, которое бы столько говорило душѣ и сердцу, какъ онъ. Каждая площадь его, каждый древній столбъ, каждая новая церковь говорятъ или о прошедшемъ обладаніи его цѣлыми царствами, или о настоящей его власти надъ душами. Кто не былъ въ Римѣ не знаетъ, какая важность и какое достоинство царствуютъ въ этомъ городѣ, восходившемъ два раза на высшую степень между всѣми городами земли, сперва посредствомъ своего оружія, потомъ своей религіи. У меня нѣтъ времени разбирать поименно всѣ площади и кварталы, изъ которыхъ у каждаго и у каждой есть свой характеръ, своя мысль. Для меня самой памятной улицей будетъ Ripetta, которая, касаясь Тибра, ведетъ ко дворцу Полиціи. Она дорогà для меня, ибо я жилъ въ ней и слыхалъ, предъ разсвѣтомъ, какъ Zamponiari*, которыхъ я осмѣ-

* Крестьяне, приходящіе ежегодно за мѣсяцъ до Рождества въ Римъ съ Апеннинскихъ горъ, и промышляющіе игрою на

люсь назвать нынѣшними представителями восточныхъ царей и волхвовъ, играютъ на своихъ волынкахъ и дудкахъ молитву передъ иконой Богородицы. Впрочемъ главные, большіе кварталы не говорятъ столько воображенію, какъ малые. Посѣтите заброшенныя всѣми, кромѣ антикваріевъ, части Велабра, гдѣ нынѣ стоятъ анбары; загляните на площадь Весты, гдѣ поселяне безпечно лежатъ на возахъ сѣна; посмотрите на различныя части Трастевера *, или въ какую хотите другую часть города — повсюду найдете что̀ замѣтить, или лучше сказать, вездѣ встрѣтите нѣчто такое, что̀ невольно запечатлѣется въ душѣ на всю жизнь. Со всѣхъ сторонъ видѣнъ высокій куполъ, будто самимъ Богомъ воздвигнутый надъ мощами перваго апостола.

Сколько ни есть путешественниковъ (а въ этотъ годъ ихъ было довольно и Русскихъ и другихъ), у каждаго должно быть свое собственное воспоминаніе о Римѣ; ибо въ Римѣ найдется для каждой души нѣчто, особенно могущее занять ее. Но окрестности Campagna di Roma произвели на меня болѣе впечатлѣнія, чѣмъ какая либо часть

особомъ инструментѣ, похожемъ на нашу волынку. Они обыкновенно играютъ молитвы передъ всѣми образами въ Римѣ.

* Часть Рима, лежащая за Тибромъ.

самого города. Когда ѣдешь верхомъ около Aqua Cettosa или изъ Porta San Giovanni, эти длинныя, плоскія линіи, ограниченныя только весьма отдаленными лиловыми полосами Аппениновъ, какъ-то не удовлетворяютъ ни взора, ни души.

На обширномъ пространствѣ видишь на берегахъ Тибра только цуги буйволовъ, влекущихъ лодку, или поселянина, скачущаго верхомъ со стороны Неаполя. Отчего, спрашиваешь самого себя, отчего вблизи Рима такъ пусто? Кажется, здѣсь невольно чувствуешь, что, въ нѣдрахъ этой тишины, готовится для вѣчнаго города какая-то новая судьба, и, можетъ-быть, второе его паденіе; т. е. что и нравственная его сила скоро исчезнетъ совершенно, какъ исчезло могущество политическое. Я простился вчера ночью съ уединеннымъ Колизеемъ. Полная луна освѣщала одну сторону амфитеатра и проглядывала сквозь трещины и развалины другой. Нѣсколько лампадъ теплилось внизу, въ этомъ мѣстѣ, освященномъ кровію первыхъ мучениковъ христіанства. Сегодня, около одиннадцати часовъ ночи, я долженъ сѣсть въ Болонскій почтовый дилижансъ, который довезетъ меня до Фолиньо, а оттуда до Анконы доберусь я въ другомъ дилижансѣ.

АНКОНА. *Середа* 8/20. — Отправившись изъ Рима въ субботу ночью, въ весьма тѣсной и безпокойной каретѣ, съ Брюлловымъ и съ какимъ-то начальникомъ папскихъ жандармовъ, я очутился въ слѣдующее утро въ окрестностяхъ Civita Castellana. Погода прекрасная; весна во всемъ блескѣ. Мнѣ говорили, что это не время путешествовать по Востоку, и что я пріѣду къ самымъ жарамъ въ самую жаркую часть Европы; но дѣлать было нечего, потому-что не отъ меня зависѣло располагать временемъ. По крайней мѣрѣ трудно было выбрать болѣе пріятную пору года для путешествія по Италіи. Зелень самая свѣжая покрываетъ горы и узкія долины, въ которыя взоръ спѣшитъ углубиться прежде, чѣмъ пролетитъ карета. Часто, когда мы останавливались, былъ слышенъ голосъ соловья. Тамъ, гдѣ расширялся горизонтъ, являлись сельскіе доми-

ки, отдаленные города и безчисленныя деревни. Какая веселая, свѣтлая, блаженная земля! Въ воскресенье ночью я вылѣзъ изъ Болонскаго дилижанса въ Фолиньѣ, а въ понедѣльникъ, до разсвѣта, отправился уже въ другомъ, болѣе просторномъ, въ родѣ линѣйки, открытой съ боковъ. Въ немъ находились, кромѣ художниковъ, ѣдущихъ со мною, одна женщина съ ребенкомъ, молодой монахъ Бенедиктинскаго ордена, ѣдущій въ Анкону, для свиданія съ матерью, и еще два аббата. Не обошлось безъ того, чтобъ рѣчь не коснулась религіи, и молодой монахъ защищалъ очень искусно и убѣдительно то, во что̀, можетъ быть, самъ не вѣрилъ. Впрочемъ, всѣ Католическіе духовные, особенно высшаго сана, похожи болѣе на дипломатовъ, чѣмъ на священниковъ; главное ихъ стараніе, кажется, состоитъ въ томъ, чтобъ наблюдать формы и удалять изслѣдованія, касающіяся до оснований ихъ власти.

Ночью на вторникъ мы проѣхали черезъ Лоретто, и потому, какъ ни осматривали при свѣтѣ фонарей, какъ ни ощупывали бронзовыхъ дверей часовни, не могли однако жь составить себѣ никакого понятія о домѣ Богородицы, принесенномъ сюда, по преданію, изъ Палестины на плечахъ ангеловъ, и обогащенномъ дарами благоче-

стивыхъ поклонниковъ. Можетъ-быть я увижу на обратномъ пути этотъ любопытный памятникъ. Впрочемъ не должно полагаться на будущее, особенно, когда оно такъ отдаленно: чтò не исполнено въ свое время, вѣроятно никогда исполнено не будетъ. Сколько промаховъ дѣлаемъ мы, надѣясь на будущее и потомъ сами же жалуемся на скоротечность жизни.

Вчера, во вторникъ, рано поутру, я прiѣхалъ въ Анкону и занялъ веселую квартиру въ трактирѣ della Pace. Изъ оконъ моихъ прекрасный видъ на море. За обѣдомъ у Русскаго консула, стараго моего знакомца, который, кромѣ другихъ кушаньевъ, угостилъ насъ пятью родами *фритюровъ* *, я познакомился съ здѣшними властями и консулами, съ губернаторомъ, тонкимъ monsignore, который находитъ очень смѣшнымъ и справедливымъ все, чтò ни говорите ему. Съ генераломъ Cubières, командующимъ Французскимъ гарнизономъ, я уже былъ знакомъ въ Римѣ. Онъ человѣкъ скромный и весьма прiятный, какъ по разговору, такъ и вообще по обхожденiю. Вечеромъ давали оперу, одну изъ лучшихъ, если не самую лучшую изъ всѣхъ, слышанныхъ мною въ Италiи. Весьма хорошая труп-

* Жареная рыба, или жареная зелень.

па представляла Беллиніеву «Норму». Мадамъ Унгеръ играла роль Нормы превосходно. Всѣ движенія ея такъ страстны и исполнены такой прелести, что она едва ли болѣе могла бы интересовать насъ своей ролью и тогда даже, когда бы была прекраснѣе. Жители Анконы очень гордятся своей Оперой, и цѣлый годъ копятъ деньги, чтобъ имѣть ложи или кресла на одинъ мѣсяцъ, въ продолженіе котораго у нихъ она открыта. Нельзя нигдѣ лучше разстаться съ Италіей, какъ въ Оперѣ. Въ ней изображены и нѣжный характеръ Италіи, и прежнія ея доблести, которыя теперь видишь здѣсь только на сценѣ. Городъ, только слегка мною осмотрѣнный, интересенъ. Онъ сохранилъ на себѣ отпечатокъ древности; но весь его характеръ, какъ и вообще характеръ малыхъ городовъ Италіанскихъ, отзывается средними вѣками. Болѣе всего замѣчательны остатки древней пристани, временъ императоровъ; стѣны ея, хотя уже обрушились и покрыты моремъ, но еще видны подъ водою. Равно замѣчательны тріумфальная арка императора Траяна, узкая и высокая, съ Латинскою надписью, и соборъ, который, какъ говорятъ жители, не знаю только основательно ли, стоитъ на мѣстѣ древняго храма Венеры. Хотя Анкона и ведетъ торговлю съ Востокомъ, но въ ней не замѣтно ни

восточныхъ нравовъ, ни восточнаго вкуса. Это не Венеція, которая имѣла и, вѣроятно, еще будетъ имѣть большое вліяніе на Востокъ, и которая сама много отъ него заимствовала. Анкона, не пользовавшись никогда тою силой, ни независимостью и богатствомъ, которыми наслаждалась Венеція, не могла, ни во время крестовыхъ походовъ, ни послѣ ихъ, дѣйствовать оружіемъ на восточныя страны, и не нуждалась столько въ произведеніяхъ Востока, сколько та владычица Адріатическаго моря, которую можно бы назвать посредникомъ между грознымъ Сѣверомъ и пышнымъ Востокомъ.

Въ числѣ рѣдкостей Анконскихъ достоинъ замѣчанія одинъ переулокъ, изъ котораго, какъ сказывали мнѣ, нельзя выйдти безъ драки съ любезными его обитательницами, продающими тамъ разные шерстяные и другіе товары. Я хотѣлъ испытать это на себѣ и вошелъ въ этотъ узкій переулокъ. Вдругъ справа и слѣва кинулись на меня торговки, всѣ преуродливыя созданія, и начали тащить меня кто за платье, кто за руку въ свою лавку. Я спасся только тѣмъ, что одна отрывала меня отъ другой и такимъ-образомъ я прошелъ по всей улицѣ, не нуждаясь въ собственной оборонѣ.

По приглашенію генерала Кюбьера, былъ я сегодня поутру на смотрѣ Французскихъ войскъ, числомъ до 4000. Войско, ожидавшее насъ на сборномъ мѣстѣ построено было въ каре, котораго каждый фасъ обращался лицемъ внутрь. По прибытіи генерала, ему отдали честь съ барабаннымъ боемъ. Обошедъ ряды, мы остановились въ срединѣ каре, и генералъ приказалъ начать ученіе. Сперва производились ружейные пріемы, потомъ пальба рядами и шеренгами, и въ заключеніе, войско, построившись повзводно на право, прошло мимо насъ церемоніальнымъ маршемъ, сперва на взводной дистанціи, а потомъ сомкнутыми колоннами. Я нашелъ, что они дѣлали ружейные пріемы съ большою точностію и чистотою. Но не могу того же сказать объ ихъ искусствѣ маршировать; оно далеко отстоитъ отъ того совершенства, которымъ отличается Русская и Англійская пѣхота. Правда, что выправка ихъ развязна и шагъ свободенъ; но они не умѣютъ равняться на большомъ разстояніи. Я просилъ генерала приказать войскамъ пройдти нѣкоторое пространство развернутымъ фронтомъ; но онъ отвѣчалъ мнѣ, что Французская пѣхота къ этому не пріучена, и что вообще въ ихъ боевыхъ построеніяхъ развернутый строй не употребляется. Вѣроятно пылкому, необузданно-

му характеру Французскихъ солдатъ должно приписать неспособность ихъ къ развернутому строю, который оказалъ Веллингтону столь важныя услуги.

Дисциплина соблюдается у Французовъ только во фронтѣ: часовой не отдаетъ чести даже офицеру своего полка, ежели послѣдній не имѣетъ на себѣ мундира. Солдаты удивили меня своею молодостію и малымъ ростомъ. Одежда ихъ, въ которой синій мундиръ рѣзко отличается отъ малиноваго исподняго платья, причиною, что ростъ ихъ кажется еще менѣе.

Способъ, употребленный Французами для завладѣнія Анконой, будетъ памятенъ въ исторіи этого города. Французская эскадра явилась въ портъ и отправила адьютанта на берегъ къ мѣстному начальству съ объявленіемъ, что завтра въ такой-то часъ Французскіе корабли будутъ салютовать крѣпости; между-тѣмъ эскадра проситъ сдать ей и самую крѣпость, которую она пришла занять и будетъ держать въ своей власти, для защиты выгодъ его святѣйшества, Папы. — Монсиньоре далъ посланному отвѣтъ двусмысленный, и ночью Французскія войска сошли на берегъ съ лѣстницами, чтобъ взлѣзать на крѣпостныя стѣны въ случаѣ защищенія ихъ.

Самые Анконскіе жители, встрѣтившіе на пути солдатъ, понесли на плечахъ лѣстницы, чтобъ облегчить Французамъ трудъ; но это вниманіе съ ихъ стороны вышло совершенно лишнее, потому-что гарнизонъ, по первому требованію, отперъ ворота. И съ того времени донынѣ Французы остаются спокойными хозяевами въ Анконѣ. Не знаю, какъ дѣло обошлось съ салютомъ. Вѣроятно сами Французскіе солдаты отсалютовали кораблямъ, въ которыхъ прибыли.

Пароходъ, принадлежащій Іоническимъ Островамъ, и который долженъ отвезти меня въ другую страну, прибылъ изъ Тріеста и, вмѣсто того, чтобы, какъ было объявлено, отправиться въ Корфу завтра, онъ теперь же готовится къ отплытію. Виновникомъ этой поспѣшности Англійскій курьеръ, пріѣхавшій изъ Лондона въ 7 дней, и торопящійся въ Аѳины, къ торжественному дню восшествія на престолъ Короля Оттона, или, какъ произносятъ его имя Греки, «Оѳона.»

Пароходъ. Въ шестомъ часу пополудни лодка привезла меня изъ города въ лазаретъ. Я вошелъ въ такъ называемый parlatorio, и перешелъ за рѣшетку, отдѣляющую чистыхъ отъ нечистыхъ. Эта минута уже отдаляетъ отправляющагося на Востокъ четырнадцатью днями отъ Анконы! Дру-

гая лодка перевезла меня изъ лазарета на пароходъ, мимо брандвахты, весьма скромной шкуны, на которой вывѣшенъ Папскій флагъ, бѣлый съ изображеніемъ Богородицы. Анкона, со стороны моря, представляетъ живописную картину. Городъ, расположенный около пристани, углубленъ въ срединѣ, а оба бока его подымаются на возвышенія. На восточномъ стоитъ соборъ, господствующій надъ всѣмъ городомъ.

Начиная съ пристани, берегъ Италіи идетъ къ Югу крутыми мѣловыми провалами, и со стороны моря кажется, будто бы онъ былъ приведенъ въ настоящій свой видъ разрушеніемъ. Его провалы не очень высоки близь Анконы, но постепенно поднимаются къ Monte Comero, и потомъ опять спускаются къ югу длинными волнистыми линіями, съ небольшими возвышеніями. Далѣе, внутрь земли, рисуются на пламенномъ небѣ запада смѣлыя вершины Аппениновъ. Высокая цѣпь, идущая къ сѣверу, прерывается вдругъ къ югу одной высокою и круто спадающею горою; это вѣроятно цѣпи Catria, Monte Nerone и проч. Потомъ начинаются горы средней Италіи, а къ югу бѣлѣется въ облакахъ гора, которая соотвѣтствуетъ мѣстоположенію — Gran Sasso.

На обширномъ и весьма спокойномъ пароходѣ я

нашелъ только трехъ пассажировъ. Одинъ — офицеръ Англійскаго гарнизона въ Корфу. Два другіе ѣдутъ, повидимому, для преобразованія Востока, каждый на свой ладъ и по своимъ собственнымъ понятіямъ: изъ нихъ одинъ Англичанинъ, капитанъ Лайонсъ, именно тотъ, котораго въ Корфу называли курьеромъ; но онъ не простой курьеръ. По словамъ его можно было подумать, что онъ ѣдетъ смѣнить теперешняго Англійскаго уполномоченнаго въ Аѳинахъ. Мы нашли въ немъ человѣка пріятнаго. Третій пассажиръ, ѣдущій также въ Корфу, и оттуда далѣе — Американецъ и членъ общества воздержности. Онъ худъ, какъ и слѣдуетъ быть въ его званіи, не пьетъ вина, не куритъ, и, сколько я могъ замѣтить, не смѣется никогда громко вмѣстѣ съ прочими, но часто улыбается, и какъ будто хочетъ доказать, что *въ среднемъ* состояніи души и тѣла находится самая высокая степень человѣческаго счастія.

Четвергъ $^{9}/_{21}$. — Продолжая путь нашъ всю ночь и весь этотъ день по совершенно спокойному морю, мы потеряли изъ виду берега Италіи. Въ небольшомъ разстояніи замѣтны малые и, по-видимому, каменистые острова, подымающіеся круто изъ моря: Pomo, S. Andrea Buzo (ненаселенный) и Lissa, въ которомъ, говорятъ, есть хорошія пристани. Вдали слабо виднѣется часть берега Далмаціи, вѣроятно полуостровъ Sabioncello. Земля съ этой стороны исчезла къ вечеру, а съ правой руки отъ насъ показался островокъ Pelagosa, очертаніемъ формъ своихъ весьма похожій на Капри. До-сихъ-поръ замѣтно очень мало судовъ.

Пятница $^{10}/_{22}$. — Земли не было видно поутру ни съ одной стороны. Но къ полудню показались горы Акрокеравнскія (Acroceгauni, т. е. съ громовыми вершинами), возноса круто къ облакомъ свои снѣжныя вершины позади небольшаго и, повидимому, необработаннаго острова Sassano. Далѣе полуостровъ Linguetta (язычокъ) выставляетъ свои голыя, разрѣзанныя оврагами горы. Берегъ здѣсь не очень возвышается надъ моремъ. Около этого пункта, въ направленіи къ юго-востоку, дѣлается примѣтнымъ островъ Корфу, а съ правой каменистый островокъ Fano.

Около 7 часовъ вечера. Мы плывемъ въ разстояніи трехъ верстъ отъ твердой земли. На горахъ примѣтна бѣлая черта потока Химара (Chimarra) или Химера, впадающаго въ море. Начиная съ этого пункта, берегъ не подымается круто, но отдѣльныя отъ него горы видны сзади и поражаютъ

взоръ своею высотою. Страна кажется лѣсистою; кое-гдѣ видны деревни. Она населена народомъ крѣпкимъ и отважнымъ. Отсюда около 60 верстъ до Корфу. Мы прибыли въ заливъ Корфіотской около полуночи.

Весь этотъ берегъ, начиная отъ границъ Иллиріи до самой Арты, кажется мнѣ вообще очень мало извѣстенъ; но я не знаю, можетъ ли какая-нибудь другая часть Европы быть для насъ интереснѣе въ географическомъ и нравственномъ отношеніяхъ? Здѣсь, такъ сказать, сливается Востокъ съ Западомъ, и народъ Славянскаго происхожденія какъ бы переходитъ изъ Германіи въ Албанію и Турцію. Полагаютъ, что изъ этого края, богатаго племенами, Пелазги, таинственные предки Римлянъ и Грековъ, разсыпались по странамъ, лежащимъ по берегамъ Іоническаго моря. Около этихъ мѣстъ была прежде граница между двумя Римскими Имперіями; наконецъ, въ этомъ мѣстѣ сосредоточивается нынѣ вліяніе четырехъ державъ, во многихъ отношеніяхъ другъ другу противоположныхъ: Австріи, Турціи, Италіи и Англіи. Воинственный духъ жителей и невѣжество Турецкаго правительства были, вѣроятно, причиной, что, кромѣ Рагузы, нѣтъ никакихъ большихъ торговыхъ городовъ на этомъ берегу, бога·

томъ пристанями и естественными произведеніями. Но съ будущимъ, неминуемымъ образованіемъ Востока здѣсь возникнетъ когда-нибудь городъ, который достойно замѣнитъ прошедшую власть Венеціи на Адріатическомъ морѣ. Народъ, населяющій сѣверную часть этихъ странъ, говоритъ языкомъ Славянскимъ, вѣроятно нѣсколько испорченнымъ, исповѣдуетъ вѣру Католическую, носитъ платье полу-Италіанское, полу-Греческое, торгуетъ съѣстными копчеными припасами и виномъ, которое вывозитъ на своихъ собственныхъ судахъ. Албанцы, граничащіе съ ними къ югу, составляютъ народъ отдѣльный и говорятъ своимъ природнымъ языкомъ, вовсе неизвѣстномъ нашимъ ученымъ, потому-что у Албанцевъ нѣтъ письменъ.

Я полагаю, что около трехъ четвертей народонаселенія христіане, прочіе же мусульмане, которые первенствуютъ и господствуютъ во всѣхъ городахъ и деревняхъ.

КОРФУ. *Суббота* $^{10}/_{22}$. — Вышедъ сегодня утромъ на палубу парохода, бросившаго якорь противъ малой крѣпости Vido, я впервые увидѣлъ обширный заливъ, на краю котораго стоитъ городъ Корфу. Далеко на западѣ гора San Salvatore поднимается въ видѣ такой огромной и высокой массы, что, кажется, будто она стоитъ не на островѣ, а на твердой землѣ. Съ трудомъ, особенно при утреннемъ туманѣ, видишь съ этого пункта мѣсто, гдѣ проходитъ морской проливъ.

Горы острова и твердая земля, кажется, сливаются и превращаютъ море въ величественное озеро. Городъ, пользующійся этимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ, не отличается особенною красотою. Онъ выстроенъ худо, на крутыхъ холмахъ, и, кромѣ дворцоваго квартала, состоитъ большею частію изъ тѣсныхъ и кривыхъ переулковъ; но онъ дѣлается весьма занимательнымъ отъ живо-

писнаго разнообразія костюмовъ, племенъ, языковъ и обычаевъ своего народонаселенія. Этотъ островъ былъ нѣкогда подъ властію Венеціанъ. Изъ рукъ Французовъ онъ перешелъ въ наши въ царствованіе покойнаго Государя Павла I, и нынѣ находится, вмѣстѣ съ прочими Іоническими островами, подъ покровительствомъ Англіи, которая здѣсь содержитъ лорда коммиссара и гарнизонъ. Греки составляютъ въ немъ основное народонаселеніе и отличаются смуглыми лицами и босыми ногами. На улицахъ и базарахъ встрѣчается много Албанцевъ. Они носятъ богатый нарядъ, узкій около груди, широкій въ низу, который вообще очень идетъ къ ихъ гордой, свободной осанкѣ. Подобно обитателямъ гористой части Шотландіи, они носятъ, вмѣсто мужскаго исподняго платья, юбку или фустанель, которая спускается множествомъ складокъ съ таліи до колѣнъ.

Я бы назвалъ ихъ, по ихъ независимому воинскому духу и характеру самой земли, Тирольцами Востока.

Многихъ привлекаетъ на этотъ островъ торговля. Здѣсь Албанцы болѣе обезпечены относительно имущества, чѣмъ въ собственномъ своемъ отечествѣ, а Суліоты и Паргіоты по необходимости оставили навсегда свою родину и, продавъ

свои имѣнія Туркамъ, поселились здѣсь. Кромѣ Грековъ и Албанцевъ, здѣсь есть еще много Италіанцевъ, и вообще Италіанскій языкъ господствуетъ въ низшихъ классахъ, какъ Англійскій въ высшемъ.

Правительство, введенное на Іоническихъ островахъ Англичанами, по образцу ихъ собственнаго, состоитъ изъ сената, или верховной палаты, имѣющей шесть членовъ, законодательнаго или нижняго собранія, въ которомъ около пятнадцати членовъ, и избраннаго на время верховнаго лица или князя. Черезъ каждые пять лѣтъ приступаютъ къ новому выбору. Но Англичане предоставили себѣ высшую власть, удержавъ за собою вліяніе на выборы членовъ обѣихъ собраній и назначая лица, изъ которыхъ сенатъ долженъ выбрать князя. Исполнительная власть, какъ мнѣ кажется, совершенно въ ихъ рукахъ. Лордъ коммиссаръ затмѣваетъ этикетомъ и пышностію своею всѣ мѣстныя власти въ Корфу, и назначенные имъ, на прочихъ островахъ, резиденты, окружаютъ себя также подобіемъ двора.

Англичане, при всемъ своемъ вліяніи, претерпѣли однако же недавно непріятность отъ здѣшняго правительства, за слишкомъ нескромное требованіе денегъ. Жители уже давно ропщутъ на

повинности, на нихъ наложенныя, для построенія шоссе по островамъ, и мнѣ говорили съ негодованіемъ, что одинъ островъ платитъ теперь правительству 50,000 талеровъ или 250,000 рублями болѣе, чѣмъ всѣ семь островов вмѣстѣ платили во время владычества Венеціянъ. Но вотъ въ этомъ году является предписаніе изъ Лондона отъ министра, управляющаго колоніями, о томъ, чтобъ предложить Іонійскимъ палатамъ новые налоги, для содержанія, на счетъ островов, Англійскаго гарнизона и правительства. Надо было начать уничтоженіемъ конституціи, учрежденной самими Англичанами, или вовсе не предлагать мѣру, которую невозможно иначе ввести, какъ насиліемъ. Предложеніе однако было сдѣлано, и охотниковъ для выдачи денегъ изъ своего кармана не оказалось; но дѣйствіе, произведенное на весь народъ этимъ вопросомъ, очень невыгодно для Англичанъ.

Воскресенье 12/24. — Здѣсь находятъ изрѣдка древности, скульптурные обломки и надписи; но самыя любопытныя вещи всегда отправляютъ въ Англію, а здѣсь я не видалъ ничего, достойнаго замѣчанія. Удивленіе путешественника возбуждаютъ всего болѣе окрестности города. Я ѣздилъ къ сторонѣ Потамо, на сѣверозападъ отъ города. Англійское шоссе проведено по прекрасной, плодоносной долинѣ, гдѣ мало видно слѣдовъ человѣческой работы, но зелень самая тучная и роскошная. Деревья здѣсь несравненно роскошнѣе чѣмъ въ Италіи. Оливковыя деревья могутъ сравняться обиліемъ зелени и толщиной пня съ самыми прекрасными деревьями Англіи. Но тамъ это происходитъ единственно отъ влажности; а здѣсь и при палящемъ солнцѣ точно такая же зелень, и не на липахъ, а на оливѣ, самомъ сухомъ и тощемъ деревѣ. Дорога, извивающаяся по этой прелест-

ной долинѣ, довела меня, послѣ полутора-часовой прогулки, до рѣчки, не очень значительной, но расширяющейся по мѣрѣ приближенія ея къ морю. Каменный мостъ ведетъ чрезъ нее къ деревнѣ, расположенной прекрасно между оливами и кипарисами на противоположной горѣ. Имя деревни и рѣчки: Потамо. Первая очень красива. Поселяне были въ праздничномъ платьѣ; но здѣсь примѣтна серіозность Англійскаго воскресенья. Женщинъ почти не видать. Пунктъ, гдѣ рѣчка впадаетъ въ море, можетъ-быть тотъ самый, на которомъ, по словамъ Гомера, сошелъ Улиссъ, по прибытіи въ землю Ѳеаковъ; по-крайней-мѣрѣ онъ совершенно соотвѣтствуетъ описанію въ Одиссеѣ. Когда я сталъ перечитывать этотъ прекрасный эпизодъ, мнѣ показалось, что онъ, можетъ-быть, подалъ Байрону первую мысль къ его удивительной картинѣ Донъ-Жуана и Хайды. Въ той и другой поэмѣ, герой брошенъ бурею на неизвѣстный островъ. Дочь царя острова находитъ его, состраданіе къ его участи западаетъ ей въ сердце: она даетъ ему покрывало и приноситъ пищу. Но здѣсь все сходство прекращается. Въ Гомерѣ представлена дѣвица, въ минуту того перваго, можетъ-быть самаго прекраснаго, движенія чувствъ, когда она только удивляется мужчинѣ,

достойному уваженія и состраданія, и готовится только любить его. Не теряя скромности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, своей гордости, островитянка не страшится пришельца, какъ другія дѣвы, но привѣтствуетъ его и помогаетъ ему. Нельзя вообразить себѣ ничего вѣжливѣе, ничего болѣе *рыцарскаго,* какъ рѣчь Улисса, который, стыдясь своего собственнаго положенія, и удивляясь красотѣ Навзикаи, не знаетъ, считать ли ее богиней или смертной. И что̀ можетъ быть въ одно время и добрѣе, и благопристойнѣе поведенія Навзикаи, которая, указавъ ему дорогу въ родительскій домъ, возвращается безъ него, чтобъ не подать повода къ глупымъ толкамъ! Картина уже кончена, когда еще чувства читателя едва только были встревожены. Напротивъ, въ Байронѣ, съ самаго начала, сердце бьется и дыханіе занимается. Дѣва, рожденная любить страстно и быть страстно любимой, находитъ на берегу моря юношу, лежащаго въ обморокѣ; она кладетъ на свои колѣна его прекрасную голову и посѣщаетъ его ежедневно въ пещерѣ, скрывая отъ своего грознаго отца. Какая минута, когда два любовника, созерцая небо и землю, усматриваютъ себя въ глазахъ другъ друга и обнимаются! Кончается тѣмъ, что Донъ-Жуанъ, полумертвый, увезенъ на отдален-

ный берегъ, и Хайда въ сумасшествіи умираетъ; но такъ тихо, что только по блѣдности лица можно догадаться, что жизнь уже оставила ее. Между поэтомъ, жившимъ за три тысячи лѣтъ, и поэтомъ нашего столѣтія, такая же разница, какъ между солнцемъ, восходящимъ надъ природой, покрытой еще росою ночи, и солнцемъ, которое, оканчивая дневный путь свой, воспаляетъ землю, уже истощенную продолжительнымъ зноемъ. Не пройдетъ ли это время лихорадочнаго страданія какъ прошло утро?

Понедѣльникъ $^{13}/_{25}$. — Нанято было судно, которое должно отвезти меня въ Санту-Мавру, ближайшій изъ прочихъ острововъ, мимо которыхъ лежитъ путь мой въ Грецію. Но вѣтеръ не попутный, и я долженъ, по этой причинѣ, остаться еще одинъ день въ Корфу. Я поѣхалъ въ коляскѣ по тому же направленію, куда ходилъ вчера, но, не останавливаясь у рѣчки Потамо, продолжалъ путь свой во внутренность острова долиной Пантелеймона у подошвы цѣпи Сан-Сальваторе. Проѣхавъ около семи верстъ отъ города, самою прелестною миѳологической страною, я началъ подыматься отъ деревни Скриперо (Scripero) на гору, по извилистой дорогѣ, и съ каждою минутой открывался предо мною все болѣе и болѣе обширный видъ на югъ, во внутренность острова. Домà въ группахъ, или поодиначкѣ, разсыпаны на пространной долинѣ между кипарисами, оливами и

виноградниками. Глубокое спокойствіе и счастіе, кажется, царствуютъ въ этихъ мѣстахъ. Начинало уже смеркаться, когда я дошелъ до самого высокаго пункта этой горы, съ которой море видно по обѣимъ сторонамъ, и которая, склоняясь къ западному берегу острова, соединяется съ цѣпью Сан-Сальваторе. Я могъ однако жь еще любоваться прекраснымъ видомъ моря съ островами Фано, Мерлера и другими меньшими, а также разнообразіемъ горъ, хотя онѣ уже не освѣщались солнцемъ. Въ разстояніи какихъ-нибудь десяти верстъ, горы повидимому пресѣкаются совершенно глубокимъ оврагомъ, и оттуда начинается широкая долина, идущая къ востоку и названная *Λιβαδὸ τȣ Ροτια* (Ливадо ту Ротіа). Она засѣяна рожью и маисомъ. По ту сторону долины горы вновь постепенно подымаются до высокой горы, занимающей средину острова и названной Агіосъ Дена. За нею онѣ опять опускаются и далѣе къ югу не видно уже никакой значительной возвышенности. Самыя высокія изъ этихъ горъ каменисты и голы. Мой ученый спутникъ, докторъ Крамеръ, далъ намъ замѣтить, что камень, ихъ составляющій, совершенно такой же, какъ въ Аппенинахъ.

Я возвратился, когда уже совершенно стемнѣло,

но фосфорическія мухи «метеоры земли» сверкали вокругъ меня, а овраги съ деревьями представлялисъ цѣльными, нераздѣльными массами.

Главное произведеніе острова оливковое масло. Большая часть земли принадлежитъ крестьянамъ, а остальная помѣщикамъ. Послѣдніе отдаютъ свои участки на обработку, и заключаютъ контрактъ съ арендаторомъ, по которому онъ долженъ, смотря по состоянію, въ какомъ беретъ землю, дать имъ треть, половину или двѣ трети плодовъ. Когда оливы начинаютъ поспѣвать, оцѣнщики, назначенные частію господиномъ, частію арендаторомъ, обходятъ каждое дерево, оцѣниваютъ всю жатву по взаимному согласію, и утверждаютъ присягой свой приговоръ, сообразно съ которымъ арендаторъ платитъ господину натурою или деньгами. Мнѣ кажется, что это весьма благоразумная мѣра, отстраняющая взаимный убытокъ и обезпечивающая справедливую выгоду обѣихъ сторонъ. Но часто здѣсь даже нѣтъ надобности въ присягѣ; нужно только, чтобъ были съ обѣихъ сторонъ свидѣтели, когда дѣлаютъ замолотъ. Масло, собираемое на островѣ, составляетъ также главный предметъ его торговли, и главный источникъ доходовъ правительства, которое учредило огромный налогъ — $19^1/_2$ процен-

товъ — на его вывозъ. Здѣсь есть и виноградъ, а также апельсинныя и лимонныя деревья, но они служатъ только для внутренняго продовольствія. Хлѣба, произрастающаго на островѣ, достаетъ жителямъ только на 3 или 4 мѣсяца. Они получаютъ изъ Италіи и Венеціи маисъ, коренную ихъ пищу, а хлѣбъ наиболѣе изъ Россіи.

САНТА-МАВРА. *Четверкъ* $^{16}/_{28}$. — Во вторникъ, около 4 часовъ пополудни, подулъ попутный вѣтеръ. Все утро провелъ я въ Англійской *гарнизонной библіотекѣ*. Она очень хороша, составлена наиболѣе изъ географическихъ и историческихъ книгъ, и походитъ на библіотеки, принадлежащія Англійскимъ клубамъ. Лодка моя, изъ тѣхъ, которыя приходятъ въ Корфу съ виномъ, была довольно обширна, но очень нечиста. Подулъ слабый вѣтерокъ, и мы пошли на югъ по Корфіотскому проливу. На правой сторонѣ островъ Корфу простирается во всю свою длину къ югу, не отличаясь особенными возвышенностями и сохраняя тотъ же видъ плодородія, какимъ замѣчателенъ въ своей внутренности. — Напротивъ Албанскій берегъ, совершенно голый и необработанный, подымается круто съ моря. Большая Турецкая деревня, названная по-Грече-

ски Конисполисъ, стоитъ на возвышенности, нѣсколько входящей во внутренность края. Въ ней около 800 домовъ, разсыпанныхъ врозь другъ отъ друга, и между ними есть довольно значительные по своей величинѣ. Вся Албанія теперь въ открытомъ возмущеніи противъ султана за его нововведенія. Говорятъ, что онъ болѣе не Турокъ. Всѣ умы здѣсь очень заняты недавнимъ появленіемъ Турецкаго флота, который удалился, однако, чрезъ нѣсколько дней, не сдѣлавъ ничего. Но и то хорошо, что Турецкіе корабли не разбились о берегъ, чего должно всегда опасаться по невѣжеству и дурной дисциплинѣ ихъ экипажей. Революція Албанцевъ прекратится вѣроятно тогда только, когда надоѣстъ самимъ жителямъ. Впрочемъ, я сомнѣваюсь, чтобъ власть султана когда либо прочно водворилась въ этой дикой и гористой странѣ. Къ ночи вѣтеръ утихъ и въ слѣдующее утро, т. е. вчера, мы были почти на томъ самомъ пунктѣ, на которомъ уснули наканунѣ, имѣя еще передъ собою южный конецъ Корфу и островокъ Паксо, знаменитый своимъ оливковымъ масломъ. Штиль на морѣ есть одно изъ самыхъ непріятныхъ событій, которыя случаются на морѣ. Опытный путешественникъ всегда предпочтетъ землю морю, а если море неминуемо, то дастъ пароходамъ

преимущество предъ парусными ладьями; но въ этихъ странахъ нѣтъ выбора. Къ полудню повѣялъ вѣтерокъ. Самый замѣчательный пунктъ Албанскаго берега городъ Парга, который величественно стоитъ на скалѣ, подымающейся круто съ моря. Съ этой стороны виднѣе всего крѣпость, которая, кажется, наполнена жилыми домами. Слуга, нанятый мною въ Корфу, для путешествія, уроженецъ этого мѣста, и, какъ всѣ Паргіоты, на вѣкъ лишенный родины, говоритъ объ ней съ восхищеніемъ. По словамъ его «Парга неприступна и не была бы никогда взята Турками, еслибъ Англичане ее не продали». Къ югу, во внутренности земли, горы все болѣе и болѣе возвышаются. Мнѣ показали на одной изъ нихъ городокъ Сули, который теперь также оставленъ жителями, зачинщиками Греческой революціи. Они много лѣтъ сражались противъ знаменитаго Али-паши; но подъ конецъ присоединились къ нему и стали драться за него, когда онъ самъ возсталъ противъ султана.

Еще до покоренія своего союзника, они были осаждены султанскими войсками; а сдались, наконецъ, только съ тѣмъ, чтобъ имъ оставили оружіе и деньги, которыхъ у нихъ накопилось въ ту пору довольно, и свободу отплыть на Іоническіе

острова. Въ обезпеченіе исполненія этихъ условій взяли они у Турокъ двѣнадцать аманатовъ, и такимъ образомъ вышли изъ города, который защищали такъ упорно. Ихъ было около 1000 человѣкъ подъ ружьемъ; но съ женами и дѣтьми до 3000. Они отправились на островъ Кефалонію; но не остались тамъ долго, и малыми отрядами пошли на защиту Мисолунги, подъ стѣнами которой многіе изъ нихъ пали. Остатокъ этихъ храбрыхъ сражался въ Мореѣ противъ Ибрагима-паши, съ которымъ они теперь, вѣроятно, также бы помирились, потому-что и онъ возсталъ противъ султана. Наконецъ, по приказанію Кокрена, желавшаго обогатиться насчетъ Грековъ, нѣсколько сотъ изъ нихъ были высажены на Пирей, для освобожденія Аѳинъ, осажденныхъ Турками, и всѣ они были здѣсь убиты. Изъ первыхъ защитниковъ Сулія теперь немногіе остались въ живыхъ, и только дѣти ихъ сохранятъ въ своей памяти тотъ день, въ который они, оставляя мѣсто своей родины, должны были за своими матерями тащить къ морскому берегу свое имущество.

Высокій берегъ Албаніи вдругъ понижается у залива Арты (*Амвракійскаго*) и оттуда тянется длинными и низменными линіями къ югу. Этотъ об-

ширный заливъ, совершенно закрытый съ моря, замѣчателенъ сраженіемъ, происходившимъ между двумя соперниками, спорившими объ обладаніи міромъ и сердцемъ женщины. Какъ ужасно измѣнила она своему любовнику, и какъ легко простилъ онъ ее!

У самого залива находится граница между древнимъ Эпиромъ и Акарнаніей, и между новою Албаніей и Греціей. Къ десяти часамъ вечера мы достигли крайняго укрѣпленія Санта-Мавры, давно уже намъ видной по высокимъ своимъ горамъ; но меня не пустили на берегъ, и я долженъ былъ провести на баркѣ вторую ночь.

Сегодня, рано по утру, наша лодка подъѣхала близко къ городу между лагунами, чрезъ которые, по причинѣ мелководія, даже небольшое судно едва можетъ пройдти. Лагуны простираются на значительное пространство къ сѣверу и западу. Къ западу стоитъ крѣпость, соединявшаяся прежде съ берегомъ длиннымъ мостомъ, разрушеннымъ нынѣ отъ землетрясенія. Городъ имѣетъ видъ самый бѣдный. Онъ былъ также, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разрушенъ землетрясеніемъ, и перестроенныя дома, по большой части, не выше одного этажа. По случаю праздника Вознесенія Господня (въ этотъ день праздновалось также те-

зоименитство короля Англійскаго), нельзя достать безъ большихъ хлопотъ бумагъ для дальнѣйшаго моего путешествія. Но къ счастію Французскій консулъ въ Корфу, по особенно благосклонной рекомендаціи генерала Кюбьера, о которой мнѣ даже до пріѣзда туда не было извѣстно, далъ мнѣ рекомендательныя письма на всѣ острова, лежащіе на моемъ пути, и тѣмъ облегчилъ выдачу нужныхъ мнѣ бумагъ. Благодаря этому вниманію, былъ я принятъ въ С. Маврѣ однимъ изъ первыхъ жителей и угощенъ въ его домѣ. Отецъ, почтенный старикъ и четверо сыновей, которые уже всѣ въ лѣтахъ, сѣли со мной завтракать (женщинъ не было ни одной), и начали разговоръ о своемъ островѣ и о графѣ Каподистріи, памятью котораго здѣсь вообще очень дорожатъ. Онъ былъ родомъ изъ Корфу. Мнѣ разсказали между прочимъ, что одинъ Англійскій министръ, по имени Меттернихъ, увидѣвъ одну бумагу, написанную Каподистріемъ, былъ такъ удивленъ искусствомъ, съ какимъ было изложено ея содержаніе, и почувствовалъ такую зависть, что сошелъ съ ума и застрѣлился. Можно судить по этому изложенію исторіи Кастелрея, въ какомъ видѣ доходятъ политическія вѣсти до этого острова! Послѣ чаю былъ я у обѣдни, въ Греческой церкви,

гдѣ пѣвчіе тянули безъ всякаго милосердія напѣвъ, самый несносный для нашихъ ушей, и самыя дикія рулады, тогда какъ всѣ присутствующіе подтягивали басомъ. Все это производило какой-то странный эффектъ, похожій на гулъ колокола. Впрочемъ, между ихъ пѣньемъ и суровой живописью иконъ, есть что̀-то симпатическое, и одно идетъ къ другому какъ нельзя лучше. Получивъ отъ Англійскаго резидента нужныя бумаги, я имѣлъ, до отправленія, довольно времени слегка осмотрѣть мѣстоположеніе города. Равнина, на которой онъ стоитъ, не велика, но очень плодородна. За нею постепенно подымаются къ югу горы, покрытыя, у подошвы, свѣжею зеленью, но голыя и каменистыя на вершинахъ.

По словамъ жителей, весьма гордящихся своимъ островомъ, земля и климатъ его такъ хороши, что могутъ производить всѣ растенія. Народонаселеніе доходитъ до 30,000. Здѣсь примѣшиваютъ къ вину смолу, для лучшаго его сохраненія; но мнѣ кажется, что отъ этого, напротивъ, оно только портится еще скорѣе. Къ югу отъ нынѣшняго города, на мѣстѣ, которое называютъ *σπασμενη βρυοι*, попадаются иногда въ землѣ древніе обломки.

Бѣлыя скалы, съ которыхъ Сафо бросилась въ

море, и отъ которыхъ этотъ островъ названъ древними, *Λευκας* (Левкасъ), или Бѣлый, возвышаются на противоположной сторонѣ, и, говорятъ, на нихъ есть еще остатки храма; но мнѣ показали ихъ съ моря, когда я приближался къ острову Итакѣ, и я могъ только видѣть берегъ, круто спускающійся въ море. Мы вышли вечеромъ изъ Санта-Мавры, и свѣжій вѣтерокъ быстро понесъ нашу лодку къ югу. Проливъ между островомъ и твердой землей сначала не шире ста саженъ, и хотя онъ постепенно расширяется, но множество островов, разсыпанныхъ по немъ, не позволяетъ вамъ терять изъ виду землю. Исторія говоритъ, что этотъ проливъ былъ выкопанъ Коринѳскими поселенцами, и что, дотого, Левкадія былъ полуостровомъ, принадлежавшимъ къ твердой землѣ Акарнаніи.

Наше плаваніе было прелестной прогулкой, особенно рѣдкой на морѣ, гдѣ единообразіе неизмѣримаго пространства утомляетъ наконецъ взоръ и чувства. Здѣсь, напротивъ, земля развертываетъ, передъ глазами плывущаго, свои прекрасныя страницы. Утесистая родина Улисса скоро открылась передъ нами, и мы приблизились къ ней до заката солнца. Къ ночи поднялся вѣтеръ и мы, не безъ труда, вошли въ темнотѣ въ узкій и, какъ гово-

рятъ, опасный для судовъ заливъ Вати. Барку мою остановили было у таможни, но матросы закричали, что ѣдутъ Русскіе милорды и насъ пропустили. Должно отдать справедливость Англійскимъ таможнямъ: я, по-крайней-мѣрѣ, вездѣ находилъ ихъ гораздо учтивѣе всѣхъ прочихъ. Не заботясь о трактирѣ, по выходѣ на берегъ я спросилъ о господинѣ Ѳемистоклѣ Дзамбелли, адвокатѣ, къ которому имѣлъ письмо. Этотъ Ѳемистоклъ, по разовору и обращенію, былъ совершенный Французъ. Онъ воспитывался во Франціи и соединяетъ въ себѣ вѣжливость Парижанина съ гостепріимствомъ Англичанъ.

ИТАКА. *Пятница* 17/29. — Мѣстоположенiе города Вати, нынѣшней столицы острова, очень мило. Вати стоитъ частью на южномъ краю, частью на западномъ берегу большой овальной бухты, окруженной съ обѣихъ сторонъ горами. Онъ круче на западной сторонѣ и веселѣе и плодороднѣе на восточной. Отъ края этой бухты вдается долина, богатая виноградомъ, во внутренность острова. Съ одной изъ сосѣднихъ горъ открывается прекрасный видъ. Около 10 часовъ утра отправился я въ лодкѣ съ четырмя дюжими гребцами, для обозрѣнiя мѣста, извѣстнаго здѣсь подъ именемъ школы Гомера. Мы плыли большею частью той самой дорогой, по которой пробирались накапунѣ въ темнотѣ.

Изъ бухты, собственно Вати, мы вошли сперва въ другой, обширнѣйшiй заливъ, раздѣляющiй весь островъ на двѣ половины, и окруженный съ

обѣихъ сторонъ дикими, безплодными скалами, которыя съ вершины Анoя спускаются къ сѣверу круто въ море. Заливъ замыкается къ западу высокой горою, на которой видны развалины такъ называемаго города Одиссеи — мѣстоположеніе, истинно достойное владычествовать надъ всѣмъ островомъ. Видъ съ этой вершины долженъ обнимать, съ одной стороны, Кефалонію, съ другой берегъ Акарнаніи; съ самаго моря примѣтны развалины и между ними можно замѣтить стѣну, составленную, какъ мнѣ разсказывали, изъ огромнѣйшихъ камней (вѣроятно циклопскихъ) и безъ сомнѣнія принадлежащихъ къ временамъ хитраго Улисса. Цицеронъ весьма хорошо изобразилъ характеръ этого мѣста, говоря о любви Улисса къ его отечественному городу, который виситъ, какъ гнѣздышко, на самыхъ крутыхъ и дикихъ горахъ.

Вышедъ изъ залива, мы поворотили на сѣверъ, прошли мимо мѣстечка *Маврока*, которое, точно гнѣздышко, притаилось въ глубинѣ маленькой бухты, и часа черезъ два или три доплыли до другой бухты, съ которой должно пѣшкомъ подниматься на мѣсто, названное *Ексой*.

Я шелъ сперва долиной, засѣянною рожью и украшенной виноградомъ и деревьями разнаго

рода; потомъ сталъ взбираться на гору, довольно крутую, окруженную другими горами со всѣхъ сторонъ, кромѣ сѣверной, совершенно открытой и обращенной къ морю. Вдоль каменистой дороги течетъ ручеекъ. Я дошелъ до того мѣста, гдѣ онъ почти по каплѣ падаетъ со скалы, обросшей зеленью, и узналъ, что имя этого мѣста Меланидросъ (черная вода). Мой проводникъ сказалъ мнѣ, что есть преданіе, будто бы Гомеръ, пришедъ однажды къ этому потоку, изъ школы, гдѣ училъ юношей, умылъ глаза и получилъ зрѣніе, и что отъ этого событія вода съ того времени досихъ-поръ называется черной. Не знаю, есть ли въ исторіи какое нибудь основаніе этому преданію, и говорятъ ли о немъ путешественники? Нѣсколько шаговъ еще выше, и мы очутились у такъ-называемой школы Гомера, небольшаго строенія, имѣющаго видъ храма циклопскаго рода. Рисунокъ, начатый Брюлловымъ, даетъ понятіе какъ о прелестномъ видѣ моря, врѣзывающагося многими заливами съ обѣихъ сторонъ острова, и отдаленной Сан-Мавры, такъ и объ этомъ древнѣйшемъ и массивномъ родѣ архитектуры, сооружавшей зданія изъ огромныхъ камней, многоугольной или четвероугольной формы, ничѣмъ между собою не связанныхъ. Наименованіе

циклопскаго произошло отъ преданія, что циклопы выстроили въ Тиринтѣ стѣны, совершенно подобныя этимъ, наваливая каменья одинъ на другой, безъ всякой связи, кромѣ собственной тяжести ихъ. Немного выше этого мѣста есть нѣсколько крестьянскихъ домовъ, и между ними обрушившаяся церковь. Поселяне находятъ здѣсь камни съ старинными надписями, по большой части надгробными. Погода прекрасна, но жары, не смотря на вѣтерокъ, дующій съ моря, несносны. Мы только къ 7 часамъ вечера возвратились въ Вати къ *monsieur* Ѳемистоклу, который ждалъ насъ къ обѣду.

Суббота 18/30. — Я воспользовался свѣжестью утра, чтобы посѣтить источникъ Аретузы, на южной сторонѣ восточнаго берега острова. Дорога проведена вдоль горъ, которыя тянутся къ югу; онѣ вообще невоздѣланы (кромѣ нѣкоторыхъ изъ ближайшихъ къ Вати) и даже неудобны для земледѣлія. Признаться, Одиссей владѣлъ страною неплодородною, но за то чрезвычайно красивой.

На дорогѣ къ источнику представляются прекрасные виды. Проѣхавъ на ослѣ около пяти верстъ, я долженъ былъ слѣзть, оставить дорогу и сойдти по крутому берегу, спускающемуся къ морю. Я дошелъ до весьма страннаго и живописнаго углубленія въ горѣ Карака, изъ котораго вытекаетъ источникъ Аретузы. Красота этого мѣста состоитъ не въ одной свѣжести и роскошной зелени, но и въ чудесномъ видѣ моря и противоположнаго

берега. Во время умѣренныхъ жаровъ источникъ тихо вытекаетъ изъ земли, въ небольшой пещерѣ, обвѣшанной зеленью, и мелкимъ ручьемъ пробирается по долинѣ въ море; но слѣды опустошенія на скалахъ, висящихъ надъ этою пещерою, показываютъ, что въ другія времена года здѣсь бываютъ сильные потоки. Видъ этой долины долженъ быть тогда совершенно иной.

Къ полудню я возвратился въ Вати, а въ 5 часовъ простился съ моимъ гостепріимнымъ хозяиномъ. Около полусотни или болѣе зрителей собралось на берегу: такъ велико было удивленіе, произведенное на ихъ островѣ пріѣздомъ Русскаго путешественника. Сколько я могъ замѣтить, здѣшній народъ, кажется, очень къ намъ расположенъ; но это такой вопросъ, на который мудрено отвѣчать рѣшительно. Говорятъ, что въ прошедшую Пасху, военное судно, подъ Русскимъ флагомъ, бросило якорь близь одного изъ здѣшнихъ островъ, и что видъ флага съ Андреевскимъ крестомъ такъ понравился жителямъ, что они плавали до корабля, касались его и кричали матросамъ «Христосъ воскресе».

Штиль захватила насъ скоро по выходѣ изъ залива Итаки.

Восточный берегъ южной половины острова

такъ же сухъ и дикъ, какъ сѣверный. Луна поднялась надъ моремъ, совершенно спокойнымъ. Лодка колыхалась только отъ движенiй матросовъ.

ЗАНТЕ. *Воскресенье* $^{19}/_{31}$. — Я проснулся сегодня на лодкѣ, еще въ значительномъ разстояніи отъ мѣста, куда направлялъ свой путь. Итака осталась довольно далеко за нами и исполинскія горы Кефалоніи придавали ей какой-то миніатюрный видъ. Съ какою быстротою одна картина истребляетъ изъ памяти другую! Я еще не доплылъ до послѣдняго изъ острововъ Іонійскихъ, какъ уже показался берегъ Пелопоннеса. Отсюда взоръ достигаетъ, хотя и съ трудомъ, до стѣнъ Мисолунги, гдѣ скончался Байронъ.

Занте представляется путешественнику длинной, однообразной массою горъ, идущихъ по самой большой части острова, съ сѣвера на югъ. Гора Montescopa, отдѣляясь отъ нихъ, выдается довольно далеко въ море, въ юговосточномъ направленіи. Противоположный берегъ Пелопоннеса невысоко поднимается съ моря.

Городъ Занте, съ возвышающимся надъ нимъ укрѣпленіемъ, имѣетъ, для пріѣзжающихъ съ моря, довольно величественный видъ. Я вышелъ на берегъ около полудня и нанялъ комнаты въ порядочномъ трактирѣ. Городъ довольно обширенъ и правиленъ и можетъ быть поставленъ на ряду съ Корфу; ибо С. Мавра и Вати, т. е. Итака, слишкомъ малы, чтобъ могли называться городами. Но онъ не такъ замѣчателенъ, какъ послѣдній изъ нихъ, и не имѣетъ того разнообразія костюмовъ, какое встрѣчается въ Корфу; здѣсь всѣ носятъ Италіанское платье. Однако же, не смотря на это, здѣшніе обычаи походятъ на восточные; женщинъ на улицахъ видно очень мало; молодыя же вовсе не показываются.

Родители запираютъ дочерей своихъ на десять мѣсяцевъ въ своемъ зимнемъ жилищѣ, не выпуская ихъ даже на улицу, и только на два мѣсяца вывозятъ за городъ и дозволяютъ имъ пользоваться сельскимъ воздухомъ. Когда же вздумается молодому человѣку жениться, и онъ знаетъ, что дочь такого-то богата, или воображаетъ, что она можетъ быть красива, то проситъ чрезъ своихъ родственниковъ свиданія съ нею, и родители невѣсты, если они расположены сочетать съ нимъ дочь свою, соглашаются на это. Я только

не понимаю, какъ молодой человѣкъ можетъ развязаться съ дѣвицей, если она ему не приглянется. Какіе съ одной стороны будутъ приготовлены наряды и пріятныя улыбки, чтобъ взять сердце штурмомъ, и какіе съ другой стороны критичискіе взоры нужно длятого, чтобы разобрать разныя нравственныя и физическія *статьи* невѣсты. Каково должно быть послѣ этого свиданія положеніе дѣвицы, когда она возвращается въ свою тюрьму, и снимаетъ всѣ безполезные наряды, не доставившіе ей побѣду; и какое поле для размышленія молодому человѣку, если онъ слишкомъ скоро далъ слово и раскаевается!

Островъ на всемъ своемъ протяженіи отличается длинною цѣпью горъ, которая издалека представляется взору съ запада, какъ высокая плотина. Я гулялъ по окрестностямъ города и долго любовался обширной равниной, которая вся обращена въ виноградные сады. Впрочемъ этотъ видъ не имѣетъ довольно разнообразія и потому не кажется живописнымъ. Растущій на этой долинѣ виноградъ принадлежитъ къ роду такъ называемой коринки, и его употребляютъ исключительно на ромъ. Это главный источникъ богатства жителей и важнѣйшій предметъ ихъ торговли, хотя вывозъ его обложенъ чрезмѣрною пошлиной въ

65%. Хлѣбопашества и скотоводства нѣтъ почти вовсе. Занте со временъ Геродота знаменитъ прудами, въ которыхъ находятъ деготь.

Около полудня я перешелъ чрезъ вторую карантинную линію, ибо Іоническіе острова содержатъ полу-карантинъ для всѣхъ судовъ, приходящихъ съ Востока. Они подвержены подобному карантину въ своихъ сношеніяхъ съ Италіей и всѣмъ Западомъ вообще. Такимъ образомъ я удалился еще на пятнадцать дней отъ Италіи. Сильный вѣтеръ понесъ меня къ берегамъ Греціи; но прежде, чѣмъ перейдти къ этому новому періоду моего путешествія, я брошу бѣглый взглядъ на Іоническіе острова.

Они особенно замѣчательны тѣмъ, что кромѣ своей внутренней важности и природной красоты, составляютъ, нѣкоторымъ образомъ, рубежъ, на которомъ сливается западная Европа съ Востокомъ и гдѣ господствуетъ особенно вліяніе Англіи, распространившей, на самой границѣ Греціи, свое просвѣщеніе и роскошь. Потому-то путешественнику кажется, что онъ не разстался еще съ городскою жизнію, и что всѣ окружающіе его предметы слишкомъ обыкновенны.

Острова эти стоятъ Англіи очень дорого и не приносятъ ей никакой пользы, за исключеніемъ

только острова Корфу, который важенъ тѣмъ, что служитъ пунктомъ, съ котораго можно наблюдать за Адріатическимъ моремъ; сверхъ-того онъ весьма полезенъ для флота въ военное, а для торговли во всякое время. Но острова С. Мавра, Итака, Занте, Кефалонія и Чериго рѣшительно не доставляютъ никакой выгоды.

Удивительно, какъ при всѣхъ средствахъ узнавать и обнародовать пользу каждой издержки, палаты не рѣшаются сдать всѣ эти острова, кромѣ Корфу, жителямъ; но я не сомнѣваюсь, что они это когда-нибудь сдѣлаютъ и выиграютъ чрезъ то конечно очень много. Они, можетъ быть, сохранятъ только Чериго и Занте длятого, чтобъ не лишиться средствъ стѣснить Грецію, если это будетъ нужно ихъ политикѣ, и отдадутъ всѣ остальные.

Какая участь ожидаетъ тогда эти острова? Присоединятся ли они къ Греціи, или останутся независимыми? Этотъ вопросъ гораздо важнѣе для сосѣднихъ земель, чѣмъ для самихъ Іоническихъ островов, потому-что они всегда останутся тѣмъ, что они нынѣ, т. е. полу-Италіанскими и полу-Греческими.

Понедѣльникъ $^1/_{13}$ *іюня.* — Палубная лодка, на которой я отправился въ Морею, принадлежала къ разряду судовъ порядочной величины. Около полчаса спустя послѣ того, какъ мы заняли ее собою и своими вещами, какъ то: рисовальными припасами, инструментами, одѣялами и проч. и проч., явился капитанъ высокій, толстый и самой суровой наружности. Не поклонившись никому, но взглянувъ на насъ, какъ на товаръ, онъ велѣлъ поднять якоръ, и, поставивъ всѣ паруса, самъ закурилъ трубку. Свѣжій вѣтеръ сдѣлалъ остальное, и мы часовъ черезъ пять примчались къ берегу Греціи. Я хотѣлъ ѣхать въ Пиргосъ; но такъ какъ тамъ нѣтъ пристани, то насъ высадили на берегъ близь Катасоло — залива, открытаго на югъ и прикрытаго съ сѣверной стороны полосою земли, выдающейся въ море въ направленіи къ югу. Въ нѣкоторомъ разстояніи съ моря при–

мѣтна гостинница у подошвы горы, а на самой горѣ развалины зàмка Подико-Кастро (зàмокъ мышей). Передъ корчмой кружилось около тридцати человѣкъ, по большой части стариковъ, которые плясали самымъ смѣшнымъ образомъ въ присядку, и кто какъ умѣлъ. Цыгане составляли оркестръ изъ барабана и флейты, которая пищала безъ милосердія. На балконѣ корчмы былъ вензель съ королевской короной, вырѣзанный на листѣ бумаги, а сзади стояла лампада, которую хотѣли зажечь вечеромъ. Причиною такого празднества на самомъ краю новаго, бѣднаго королевства, было торжество восшествія на престолъ короля Оттона, который сегодня достигаетъ совершеннолѣтія.

По невозможности достать надлежащее число муловъ я провелъ цѣлый вечеръ и ночь въ этомъ мѣстѣ, и воспользовался свободнымъ временемъ, чтобъ, до заката солнца, осмотрѣть развалины зàмка, стоящаго на горѣ. Выстроенный въ средніе вѣка, какъ доказываютъ его остатки, онъ вообще расположенъ очень удобно и мѣстоположеніе его такъ выгодно, что онъ могъ служить для наблюденія и защиты прилегающей къ нему части моря. Пригорокъ, на которомъ стоитъ этотъ зàмокъ (безъ сомнѣнія памятникъ Венеціанъ), воз-

вышается совершенно отдѣльно, не соединяясь съ горами, которыя тянутся къ сѣверу, — новая выгода для укрѣпленія.

Вторникъ $^{2}/_{14}$ *іюня.* — Я провелъ всю ночь на лодкѣ довольно безпокойно, потому-что цыганская музыка на берегу продолжалась до совершеннаго истощенія силъ плясуновъ, или, можетъ быть, до тѣхъ поръ, пока они всѣ опьянѣли.

Сегодня поутру проснулись мы въ шестомъ часу при новомъ боѣ барабана, и стали выгружать наши вещи на берегъ Мореи. Около семи часовъ весь караванъ расположился на мулахъ, которыхъ мой служитель съ острова Корфу нанялъ до Паргоса. Эти животныя пошли сначала самымъ медленнымъ шагомъ, а наши провожатые, одинъ старикъ и трое молодыхъ мужчинъ, всѣ въ національномъ Греческомъ одѣяніи, шли или впереди или посреди нашей цѣпи, для придерживанія вещей и даже ѣздоковъ. По этому началу убѣдились мы уже, что въ Греціи нельзя путешествовать скоро. Проводники въ этомъ не

виноваты: они часто ходятъ гораздо скорѣе муловъ; красоты природы также не заставляютъ васъ останавливаться, ибо отъ Катаколо до Паргоса нѣтъ ничего замѣчательнаго; но медленность эта происходитъ отъ муловъ, часто измученныхъ и истощенныхъ работой, и отъ самихъ путешественниковъ. Сѣдла здѣшнія чрезвычайно безпокойны; они состоятъ изъ двухъ поперечныхъ деревянныхъ брусьевъ, соединяющихъ двѣ рамы, которыя служатъ основою сѣдлу. Можно вообразить, каково сидѣть на этихъ перекладинахъ, врѣзывающихся въ тѣло. Для человѣка низкаго роста мученія эти еще ужаснѣе, по чрезвычайно широкому размѣру сѣделъ: ноги принимаютъ почти горизонтальное положеніе, высовываясь въ обѣ стороны. Это странное положеніе причиняетъ боль даже и тогда, когда ѣдешь шагомъ; рысью же ѣхать совсѣмъ невозможно. Чтобы не натереть спину мула, сѣдло обыкновенно подбивается войлокомъ, а сверху наваливаютъ всѣ одѣяла и шинели, которыя только можетъ набрать путешественникъ; отъ этой предосторожности, предохраняющей его отъ злодѣйскихъ деревянныхъ брусьевъ — онъ сидитъ такъ высоко, какъ на верблюдѣ, и не можетъ, ни подъ какимъ видомъ, погонять своего мула. Вмѣсто узды

онъ держитъ въ рукахъ веревку, которая обвязана вокругъ головы животнаго. Посредствомъ этой веревки можно поворачивать мула, но и то въ одну только сторону, а остановить его нѣтъ никакой возможности. Я очень сожалѣлъ, что не зналъ о такихъ неудобствахъ при выѣздѣ изъ Рима, а то запасся бы сѣдлами для всего моего каравана.

Путь нашъ лежалъ на юговостокъ; съ правой стороны было море, въ небольшомъ отъ насъ разстояніи, а съ лѣвой виднѣлось незначительное возвышеніе, бывшее прежде, вѣроятно, берегомъ. — Впрочемъ равнина вообще печальна и только кое-гдѣ обработана очень небрежно. Вотъ картина, представившаяся мнѣ въ Греціи, въ странѣ, извѣстной нѣкогда подъ именемъ Эллады! У первой деревни, *Агіани*, равнина показалась мнѣ лучше обработанною. Нѣсколько тутовыхъ деревъ красовались на ней и поля были покрыты длинноколосистою пшеницей.

Съ этой деревни дорога удаляется отъ морскаго берега. Возвышенности на лѣвой рукѣ становятся значительнѣе, и соединяются тутъ съ цѣпью горъ, идущею къ морю. Около половины десятаго часа мы въѣхали въ Пиргосъ, столичный городъ этой провинціи, и мѣстопребываніе эпар-

ха или губернатора. Столица эта небольшое мѣстечко, состоящее изъ маленькихъ деревянныхъ домовъ и, по своей бѣдности, хуже всякаго уѣзднаго города въ Россіи. Главная его улица — базаръ, крытый по обѣимъ сторонамъ деревянной крышей, подобно галлереямъ или проходамъ передъ лавками на нѣкоторыхъ изъ нашихъ базаровъ. Я отправился къ эпарху, чтобъ получить отъ него видъ для проѣзда по его области, и засталъ его посреди весьма наряднаго общества, сидѣвшаго въ глубокомъ молчаніи. Лица, находившіяся тутъ, повидимому не имѣли никакого сообщенія другъ съ другомъ. Здѣсь еще праздновали восшествіе на престолъ. Въ этомъ обществѣ была всего только одна дама, не очень красивая собою и въ голубомъ чепцѣ преогромнаго размѣра. Печать съ двуглавымъ орломъ, приложенная къ моему пашпорту, доставила мнѣ всевозможное уваженіе со стороны городскаго начальства и оно откомандировало нарочнаго чиновника для нужныхъ приготовленій къ моему дальнѣйшему путешествію.

По контракту, написанному и засвидѣтельствованному въ городской полиціи, мулы были наняты нами до Триполицы; они должны были доставить насъ туда въ 7 дней по дорогѣ, мною избранной.

Мы пообѣдали въ трактирѣ, въ которомъ остановились, и въ четвертомъ часу отправились далѣе. — Путешествуя по Греціи, считаешь какъ бы обязанностію не пропускать безъ вниманія ни малѣйшей бездѣлицы; это доказывается тѣми подробностями, которыми наполнены всѣ сочиненія путешественниковъ, посѣщавшихъ эту страну. По отъѣздѣ изъ Пиргоса, я самъ, проникнутый подобнымъ рвеніемъ, не давалъ ни глазамъ своимъ, ни себѣ ни минуты покоя, и, повертываясь то въ ту, то въ другую сторону, искалъ какихъ нибудь примѣтъ, оставленныхъ прежними путешественниками. Скоро однакоже убѣдился я, что трудъ мой былъ совершенно безполезенъ и что я мучуся только напрасно. Вниманіе утомляется мелочами, и общій характеръ теряется изъ вида. Замѣчанія Джелла еще болѣе затрудняютъ совѣстливаго путешественника. Джеллъ раздѣлилъ каждую поѣздку свою на дистанціи часовъ, получасовъ и даже десяти минутъ, и замѣчаетъ нетолько ручьи, но и молотильные дворы и тропинки, почти непримѣтныя. Но, по нерегулярности ли моего шага, или по мелочности его наблюденій, только я никакъ не могъ видѣть замѣченной имъ вещи, и запутывался въ исчисленіи моихъ поворотовъ на право и на лѣво дотого, что

рѣшился слѣдовать впредь одному свидѣтельству моихъ глазъ. Предоставляю другимъ рѣшить: имѣютъ ли хоть малѣйшую вѣрность замѣчанія Джелла подъ № 1 и 2; скажу только, что я на дѣлѣ не нашелъ рѣшительно ничего. По моему мнѣнію такія мелочныя описанія ровно ни къ чему не служатъ и бываютъ всегда преисполнены ошибокъ.

Первый взглядъ на Грецію производитъ совершенно иное впечатлѣніе, нежели первый взглядъ на Италію. При такомъ же чистомъ и ясномъ небѣ и при всѣхъ возможныхъ красотахъ природы, Греція не представляетъ того благоденствія, той кипучей живости, которая столько украшаетъ Италію. Вмѣсто многочисленныхъ городовъ, разсыпанныхъ, какъ бѣлыя точки, на Аппенинахъ, здѣсь и самыя убогія сельскія жилища рѣдки. Душа путешествующаго по Италіи какъ будто растворяется при видѣ благоденствующей природы; все располагаетъ ее къ веселію и наслажденію. Въ Греціи, напротивъ, чувствуешь, что надобно учиться и непремѣнно перенестись къ временамъ древнихъ, къ Нестору и Эпаминонду. Когда мало людей живыхъ и тѣ бѣдны, то намъ остается вспоминать только объ умершихъ. Человѣкъ всегда необходимъ, чтобъ дать возможность

чувствовать цѣну нашему существованію. Скажу болѣе: сколько я могу предугадывать все путешествіе по первому дню, мнѣ кажется, что страны эти очень интересны для людей, любящихъ исторію, но что онѣ утомительны для большой части путешественниковъ, гоняющихся за мыльными пузырями удовольствія. Впрочемъ долина Алфея, въ которую мы вступили послѣ одного часа ѣзды отъ Пиргоса, понравится всякому. Она сначала довольно широка, и хотя известковыя горы, окружающія ее, невысоки, однакоже весьма живописны. Въ отдаленіи, на право, видны горы нѣсколько выше. По соображенію съ картою Лапи, которая, кажется, довольно вѣрна, гора Ѳмерна должна быть между ними. Часа черезъ два по въѣздѣ въ долину, мы увидѣли самую рѣку Алфей, которая будетъ не шире Москвы рѣки; но, судя по песку, оставляемому на берегахъ, она разливается на довольно большое пространство, не имѣя постояннаго теченія, какъ то бываетъ всегда въ малонаселенныхъ странахъ. Удивительная тишина царствуетъ въ этой долинѣ, гдѣ нѣтъ разительныхъ мѣстностей, но зелень самая роскошная и свѣжая. Гора, которая съ лѣвой стороны поднимается круто и обвиваетъ ея окружность, такъ, что долина кажется совсѣмъ запертою,

отдѣляетъ ее отъ долины Олимпіи. — Мы перешли черезъ гору и увидѣли, при послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца, знаменитую и прекрасную долину, служившую нѣкогда поприщемъ, куда собиралось юношество со всѣхъ концевъ Эллады. Какъ перемѣнилась она съ тѣхъ поръ, когда Дарій, могущественный царь Персовъ, восклицалъ съ негодованіемъ: «Что̀ можно дѣлать противъ такихъ людей, которые рискуютъ жизнію, чтобъ пріобрѣсть масличный вѣнокъ?» Теперь долина эта замолкла; въ ней не раздается болѣе стукъ колесницъ и ржаніе коней; юноши не собираются, какъ прежде, толпами, чтобъ испытать свои силы въ борьбѣ или перещеголять другъ друга въ быстротѣ бѣга; теперь умолкли голоса ораторовъ и витій, исторгавшихъ нѣкогда слезы и рукоплесканія у восторженныхъ слушателей. Люди умираютъ, но воспоминанія остаются! Бѣги и бои также прекратились; но дикія оливковыя деревья спокойно ростутъ еще тамъ, гдѣ они прежде возбуждали дѣятельное честолюбіе! Я видѣлъ множество ихъ между прочими деревьями, покрывающими гору. Они теперь всѣ покрыты бѣлымъ цвѣтомъ, который очень красивъ. Впрочемъ, хотя это дерево обращаетъ на себя болѣе вниманія чѣмъ другія, по

классическимъ воспоминаніямъ, связанныхъ съ нимъ, — есть однакоже много другихъ. Дикія груши, а еще болѣе мастиковыя деревья, такъ названныя потому-что изъ нихъ извлекаютъ мастику, употребляемую въ кушаньѣ, изобильно встрѣчаются въ сѣверной части Пелопонеса. Это послѣднее дерево бываетъ вообще невысоко и, подобно миртовому, всегда покрыто зеленью. Лавровыя деревья — эта аристократія лѣсовъ — также встрѣчаются здѣсь часто, вмѣстѣ съ розовымъ лавромъ (nerium oleander) котораго прекрасные розовые цвѣты украшаютъ густую, темную зелень. Оба эти дерева, изображающіе вмѣстѣ любовь и славу, заключаютъ въ себѣ ядъ — какъ бы въ доказательство, что въ природѣ, для удовольствія, не надобно глубоко проникать ни во что, а наслаждаться одной наружностью и удивительной гармоніей красокъ. — До-сихъ-поръ, сколько я могъ замѣтить, здѣсь болѣе кустовъ, чѣмъ деревьевъ, и это вѣроятно происходитъ отъ песчанаго грунта земли. На скатѣ долины, противъ горы, съ которой мы сошли, расположена деревня Мокризія, мѣстечко, довольно значительное въ странѣ, гдѣ домы и люди такъ рѣдки. Мы съѣхали съ горы въ самую долину Олимпіи, которая, расширяясь въ рединѣ, обра-

зуетъ родъ амфитеатра. Рѣчка Кладей вливается въ нее съ лѣвой стороны; она мала, но очень красива прозрачностію водъ своихъ и живописными берегами. Прилегающія къ ней поля засѣяны пшеницей, и кажется довольно небрежно, судя по множеству травъ, растущихъ между колосьями. Прекрасныя деревья разсыпаны по полямъ. Миновавъ рѣчку, мы нашли развалины; это древнія, почти покрытыя землею зданія, воздвигнутыя, вѣроятно, въ средніе вѣка. Кажется, что одно изъ нихъ было церковью во времена Венеціанъ. Остановившись нѣсколько минутъ, чтобъ осмотрѣть эти полуотрытые остатки, мы продолжали путь свой по горѣ, вдающейся въ долину и дошли до весьма бѣдной деревни Мирака. Здѣсь расположились мы ночевать, чтобъ на слѣдующій день осмотрѣть на досугѣ остатки храма Юпитера Олимпійскаго. — Деревень, столь бѣдныхъ какъ Мирака, нѣтъ у насъ въ Россіи; избы выстроены не вмѣстѣ, но разсыпаны по горѣ, между камнями и деревьями. Онѣ безъ оконъ и печей, и даже выстроены не изъ бревенъ, а изъ плетня. Несмотря на это, каждый дворъ сторожитъ множество собакъ, которыя бросаются съ такимъ остервенѣніемъ на проѣзжихъ, что необходимо нужно имѣть добрую плеть, чтобъ спастись

отъ нихъ. Наконецъ мы добрались до первой избы, или, лучше сказать, большой круглой корзины, посреди которой Греческая семья сидѣла вокругъ огня и варила кушанье, не безпокоясь объ изобиліи насѣкомыхъ, окружавшихъ ее. Намъ предложили рогожки близь огня, для ночлега; но мы предпочли, не смотря на свѣжесть вечера, раскинуть наши постели на открытомъ воздухѣ подъ древесными вѣтьвями.

Середа $^{3}/_{15}$ *іюня.* — Я проснулся около пяти часовъ утра отъ шума, который уже нѣсколько времени тревожилъ мой сонъ. Открывъ глаза, я увидѣлъ, что шумъ этотъ происходилъ отъ стоящаго подъ деревомъ ткацкаго станка, за которымъ сидѣла одна молодая женщина и ткала. Рядомъ съ нею сидѣла старуха и разматывала красную и бѣлую шерсть; прочіе члены семейства, и мужчины, и женщины, пользуясь свѣжимъ, прекраснымъ утромъ, и оставивъ свое воронье гнѣздо, въ которомъ огонь еще горѣлъ, были также заняты работой; собаки проходили тихо и угрюмо между мѣшками путешественниковъ. Видно, что здѣсь надѣятся на постоянно-хорошую погоду, ибо все, принадлежащее къ домашнему хозяйству семьи, было расположено на открытомъ воздухѣ; а ткацкій станокъ укрѣпленъ камнемъ подъ деревомъ. Между-тѣмъ какъ приготовляли завтракъ и пока товарищи мои собирались

посѣтить развалины Олимпійскаго храма, я не могъ оторвать своихъ взоровъ отъ этой семьи, представляющей картину совершеннаго домашняго счастія. Женщина, которая ткала, была еще молода и находилась въ *благословенныхъ обстоятельствахъ*. Но младшая сестра ея, пришедшая позже, была одна изъ красивѣйшихъ дѣвушекъ, которыхъ я когда либо видѣлъ. Она могла бы достойно представлять собою прекрасный полъ Греціи, всегда славившійся красотой; только ея красота выше и трогательнѣе миѳологической. Ея высокій станъ и благородная, безъ всякаго жеманства, осанка, отличали ее отъ старшей сестры, которой черты не такъ прекрасны и не имѣютъ той кротости во взорахъ. Она сѣла возлѣ станка сестры своей; наблюдала за всѣми ея движеніями, чтобъ помогать ей и не допустить ее изнурить себя. Трогательно было видѣть, какъ она ей прислуживала. Она, кажется, принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ созданій, которыя никогда о себѣ не думаютъ, а заботятся только о другихъ, и часто проходятъ поприще жизни, не обративъ на себя вниманія и не насладясь дарами земнаго счастія. Но для такихъ душъ и не должно желать счастія, которымъ наслаждаются характеры менѣе чистые и совершенные.

*

Когда женщина унеслась душою выше земли, мужчина недостоинъ ея и можетъ только разрушить ея внутреннее блаженство. Правда, что въ несчастіи она, какъ радуга, показываетъ всѣ прекрасные цвѣтà, которые таила въ себѣ прежде, и которые никогда не были бы примѣтны, если бъ гроза печали миновала, не раздробивъ ихъ. Тогда только видимъ мы ея самоотверженіе, ея терпѣніе, ея стараніе скрыть свои страданія. Но не лучше ли, чтобъ люди не видѣли радуги, и чтобъ чистый лучь, неопороченный, непомраченный страстнымъ дыханіемъ земли, возвратился въ свое природное жилище — небо? Въ первую минуту, когда я увидѣлъ эту дѣву Мираки, я могъ пожелать ей земнаго счастія, мужа и проч. Но, глядя на нее пристальнѣе, я только могъ желать, чтобы она всегда пользовалась свободой птички (образа безсмертія), влетѣвшей въ одно окно и вылетѣвшей въ другое.

Проѣхавъ нѣсколько верстъ обратно по долинѣ, пройденной нами наканунѣ, мы нашли, съ помощію нашихъ провожатыхъ, остатки знаменитаго храма Юпитера Олимпійскаго. Они лежатъ посреди поля, засѣяннаго рожью и въ углубленіи земли, такъ что съ нѣкотораго разстоянія вовсе непримѣтны, хотя состоятъ изъ

большихъ массъ. Храмъ этотъ, по свидѣтельству Павзанія, былъ построенъ около 500 лѣтъ до Р. Х. и отличался между Греческими храмами своею пышностію и богатствомъ. Павзаній могъ самъ удостовѣриться въ томъ, хотя видѣлъ этотъ храмъ спустя 600 лѣтъ послѣ его сооруженія; ибо Римляне, покорившіе Грецію, не отняли у храма, но еще прибавили къ нему статуи и другія украшенія. Юпитеръ Фидіаса, знаменитѣйшая изъ статуй древности, какъ по богатству матеріаловъ, такъ и по славѣ творца ея, находился въ этомъ храмѣ. Эта статуя, столь огромнаго размѣра, была сдѣлана изъ драгоцѣнныхъ металловъ и слоновой кости; издержки, употребленныя на этотъ памятникъ и на сооруженіе всего храма, были покрыты добычей, полученной повелителями этой страны Эллеянами (Eleï) въ войнѣ съ Пизеями и другими сосѣдними племенами. По подробному описанію Павзанія, Олимпія, подобно другимъ мѣстамъ, посвященнымъ атлетическимъ играмъ, состояла изъ священной рощи (*Ἄλτις* или *Ἄλσος*), стадіума, или мѣста для боевъ и бѣга людей и лошадей, и ипподрома, или мѣста для бѣга лошадей и колесницъ. Въ первой, т. е. въ рощѣ, находились: 1. храмъ Юпитера; 2. храмъ Юноны, самый древнѣйшій изъ всѣхъ,

существовавшихъ въ Олимпіи; 3. метроумъ, посвященный матери боговъ; разныя огражденныя и усаженныя деревьями площади, посвященныя другимъ божествамъ; олтари, изящно украшенные и множество статуй боговъ или атлетовъ, одержавшихъ побѣды. Другой, весьма интересный предметъ въ этой рощѣ составляло оливковое дерево, прозванное *καλιςεφανος* (красиво-вѣнчающее), изъ вѣтвей котораго обыкновенно плелись вѣнки для побѣдителей. Трудно вообразить себѣ такое соединеніе сокровищъ, какое Павзаній описываетъ въ Олимпіи. Кромѣ колоссальной статуи Юпитера и множества другихъ древнѣйшихъ статуй, также криселефантныхъ, т. е. сдѣланныхъ изъ золота и слоновой кости, которыхъ въ одномъ храмѣ Юноны было до двадцати-двухъ, вѣроятно расхищенныхъ, по причинѣ цѣнности матеріала, Павзаній упоминаетъ о множествѣ произведеній бронзовыхъ и мраморныхъ, изъ которыхъ большая часть, можетъ-быть, и теперь еще лежитъ въ землѣ. Отъ 40 до 50 колоссальныхъ статуй украшали фронтонъ храма Юпитера; 57 статуй этого бога стояли въ разныхъ мѣстахъ сверхъ находящихся въ храмахъ; слишкомъ сто другихъ священныхъ даровъ, состоявшихъ иногда изъ нѣ-

скольких фигуръ, и 200 статуй атлетовъ, частью съ лошадьми и колесницами. Всѣ эти произведенія не стояли по сторонамъ длинной, холодной галлереи, но были разсыпаны посреди густой рощи. Самый храмъ, и все, окружавшее его, внушалъ какое-то особенное чувство благоговѣнія. Вступавшіе въ эту дубраву пользовались тѣнію боговъ, и забывали земныя удовольствія, помышляя только о славѣ тѣхъ, которые удостоены были памятниковъ въ этомъ священномъ пріютѣ, и придумывая средства, какъ бы послѣдовать высокому ихъ примѣру. Въ нашъ вѣкъ очень мудрено нетолько перенестись къ образу мыслей того времени, но и къ самому виду роскошнаго соединенія скульптуры, живописи, зодчества и деревьевъ. Видъ Олимпійской долины въ теперешнемъ положеніи не помогаетъ воображенію, но, напротивъ, отнимаетъ у него силы, ибо всѣ прежнія черты изгладились, закрылись землей и заросли деревьями. Пиндаръ, при воззваніи своемъ къ Олимпійской долинѣ, восклицаетъ въ своей 8-ой одѣ: *Ματερ ω Χρυσοστεφανων αεθλων, Ουλυμπια Δεσποιν' ἀλαθειας.* — «Олимпія! мать златовѣнчанныхъ героевъ, владычица истины!» Нынѣ болѣе чѣмъ въ его время выраженіе «владычица истины!» принадлежитъ этому очаровательному мѣсту, потому-что нигдѣ

не видимъ мы такого разительнаго доказательства, что все на землѣ тлѣнно и переходчиво. Ликъ издалъ подробный и весьма интересный планъ нетолько священной рощи, но и всей долины. Онъ воспользовался холмами, можетъ быть естественными, но по-крайней-мѣрѣ паралельными между собой, чтобъ назначить между ними мѣсто стадіума. Такимъ-образомъ назначены и другія мѣста колоссальныхъ остатковъ, которыхъ теперь не видать даже и слѣдовъ, но которые обозначены по соображенію древняго описанія и возвышенностей земли. Все это не иное что, какъ предположенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ также что-то общее съ войною; ибо въ день битвы самые незначущіе холмы принимаютъ въ глазахъ полководца, приготовляющагося располагать на нихъ свои войска, ту же важность, какъ въ глазахъ антикварія, котораго воображеніе выкраиваетъ изъ нихъ стѣны, храмы и театры. Чтобъ точнѣе узнать мѣстоположеніе по описаніямъ Павзанія, должно бы нетолько провести нѣсколько недѣль на этомъ занимательномъ пунктѣ, но и много здѣсь порыться. Признаюсь, я успѣлъ замѣтить только одинъ храмъ изъ всего того, что описано на планѣ, и то благодаря разрытіямъ, сдѣланнымъ Французами. Цѣлый храмъ

однако же не открытъ, а одинъ только пронаосъ и опистодомосъ; изъ прочихъ же частей столько, сколько было нужно, чтобъ смѣрить длину и ширину зданiя. — Впрочемъ между обломками находятся куски почти всѣхъ частей строенiя, но всего болѣе колоннъ. — Кажется, будто бы сильныя и частыя землетрясенiя привели ихъ въ настоящее положенiе. Ничего не осталось на мѣстѣ, кромѣ основанiя. Все прочее обрушилось и обломки такъ перемѣшались, что капители лежатъ иногда ниже пьедесталя. — Приложенный рисунокъ Брюллова дастъ точное понятiе о положенiи этого полуотрытаго храма: прочiя части погребены въ землѣ.

Камень, изъ котораго храмъ былъ построенъ, принадлежитъ къ роду известковаго (tuffo) и заключаетъ въ себѣ множество окаменѣлыхъ раковинъ. Слѣды штукатурки примѣтны на многихъ обломкахъ; но нельзя видѣть, были ли они, какъ полагаютъ, покрыты краской. Видны также остатки мраморнаго пола, и, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, грубая мозаика. Но остатки эти вообще не соотвѣтствуютъ описанiямъ Французскихъ художниковъ, которые, повидимому, хотѣли вознаградить вымысломъ дѣйствительныя замѣчанiя, которыя они должны были бы сдѣлать. По многимъ при-

чинамъ желательно бы, чтобъ здѣсь продолжали дѣлать разъисканія и разрытія, нетолько для точнѣйшаго узнанія мѣстъ, но и въ надеждѣ найдти значительное число прекрасныхъ произведеній, описанныхъ Павзаніемъ. Отъ разлитія рѣчки по всей долинѣ, почва современемъ возвысилась на нѣсколько саженей, отчего почти невозможно узнать мѣсто ипподрома и прочихъ памятниковъ этой долины, если не будутъ сдѣланы тщательнѣйшія разъисканія. Видно, что мѣсто, бывшее, слишкомъ одиннадцать столѣтій, поприщемъ славы и увеселеній Грековъ, похоронено навсегда подъ слоями земли, и что спокойствіе, которому обречена теперь долина Олимпійская, никогда уже не будетъ нарушено. Ликъ описалъ ее прекрасно въ слѣдующихъ словахъ. «Вся долина теперь ничто иное, какъ прекрасная пустыня, имѣющая 3 мили въ длину. Только кое-гдѣ видны засѣянныя мѣста и нѣтъ вовсе никакаго людскаго жилища. Какая противоположность съ тѣмъ зрѣлищемъ, которое представляла эта долина впродолженіи одиннадцати или двѣнадцати вѣковъ, особенно же по окончаніи каждыхъ четырехъ лѣтъ, когда въ ней производились тѣ торжественныя игры, которымъ Греки наиболѣе были обязаны первенствомъ своимъ въ художествахъ и въ тѣлесной силѣ, — ког-

да прекраснѣйшіе памятники украшали ее; когда со всѣхъ сторонъ толпились на нее колесницы, лошади, люди въ живѣйшемъ раздраженіи, и когда палатки, сносимыя изъ всѣхъ краевъ просвѣщенной Греціи, покрывали всю окрестность *.»

Мы возвратились въ Мираку той же дорогой, которой выѣхали утромъ и которая, какъ полагать должно, отдѣляетъ храмъ Юпитера отъ горы Хроніонъ, одинаковой высоты съ прочими горами, но замѣчательной тѣмъ, что на ней стояли статуи Юпитера (Ζηνες), воздвигнутыя на деньги, взятыя въ пеню съ недобросовѣстныхъ атлетовъ. Подъ ногами муловъ нашихъ былъ храмъ матери боговъ; на правой рукѣ ипподромъ, обращенный теперь въ поле; на лѣвой стадіумъ, теперь оврагъ, въ которомъ антикваріи стараются найдти слѣды регулярности и человѣческаго искусства. Мы возвратились въ Мираку около часа

* Прилагаемый здѣсь рисунокъ (равно какъ и описаніе, помѣщенное въ концѣ сей книги), представляющій реставрацію Олимпійской рощи, былъ сдѣланъ не во время моего путешествія по Греціи, а по прибытіи въ Берлинъ, гдѣ знаменитый тамошній архитекторъ, Шинкель, исполнилъ его по документамъ, мною ему даннымъ. Ученые не должны ожидать отъ него самой строгой точности; но, по моему мнѣнію, нѣтъ драгоцѣннѣйшаго памятника, который бы, подобно этому рисунку, посвящалъ насъ въ таинства миѳологическаго духа, преобладавшаго надъ этою страною.

пополудни, когда солнце сіяло во всемъ своемъ блескѣ, и провели тамъ два часа. Пообѣдавъ и простившись съ семействомъ, принявшимъ насъ такъ радушно, мы, около трехъ часовъ, оставили плетеные шалаши Мираки.

Тѣмъ же порядкомъ, какъ и прежде, наши провожатые пошли впередъ, а мы верхомъ начали спускаться за ними съ возвышенности въ долину. Тропинки, по которымъ мы ѣхали, такъ узки и завалены каменьями, что только съ большимъ трудомъ можно подвигаться впередъ; кусты по разнымъ сторонамъ дороги такъ крѣпко соединены вѣтвями между собою, что, продираясь сквозь нихъ, надобно наблюдать большія предосторожности для сбереженія глазъ. Видно, что въ этой странѣ нетолько неизвѣстны кареты, но что даже ѣздоковъ верхомъ и пѣшеходцевъ очень мало, иначе дорога была бы гораздо лучше. Въ одной изъ прекраснѣйшихъ частей свѣта не видно слѣдовъ человѣческихъ! Дорога извивается близь берега Альфея посреди лѣса, составленнаго изъ вѣчно-зеленыхъ деревъ, которыя, вдругъ обхватывая со всѣхъ сторонъ путешественника, позволяютъ ему только видѣть ясное голубое небо и зеленую мураву, и, вдругъ растворяясь, открываютъ то впереди, то на правой сторонѣ видъ противоположныхъ бере-

говъ, также покрытыхъ зеленью, и вмѣстѣ съ тѣмъ украшенныхъ лучами заходящаго солнца. Брюлловъ былъ въ восхищеніи и находилъ, что яркость красокъ въ природѣ здѣсь несравненно блистательнѣе чѣмъ въ Италіи. Разнообразіе зелени очаровательно; одно растеніе особенно напоминаетъ времена миѳологическія. Между вѣчно-зеленѣющими дикими лаврами, миртами, масличными и оливковыми деревьями, олеандръ болѣе всѣхъ радуетъ взоръ. Вездѣ, гдѣ протекаетъ ручей — а здѣсь ихъ множество и всѣ они стремятся съ шумомъ по каменистому дну — вездѣ цѣлая нить этихъ деревьевъ, покрытыхъ розовыми цвѣтами, увивается вокругъ рѣчки и съ нею исчезаетъ посреди темной зелени каштановыхъ, грушевыхъ и другихъ деревъ. Глядя на эту картину, нетолько веселую, но даже смѣющуюся, нельзя не вспомнить двухъ Овидіевыхъ любовниковъ, превращенныхъ въ ручей и въ олеандръ. Гдѣ въ цѣломъ свѣтѣ можно найдти такихъ вѣрныхъ любовниковъ? Олеандръ постоянно провожаетъ, сторожитъ, украшаетъ свою убѣгающую невѣсту. Какъ счастливъ Овидій! при каждомъ ручейкѣ въ Греціи невольно вспоминаешь объ немъ, дотого поразительны его поэтическія сравненія! Но кстати объ олеандрѣ, котораго я назвалъ живымъ памятникомъ

*

Греческой миөологiи, я прибавлю, что нигдѣ столько, какъ здѣсь и, можетъ-быть, въ Египтѣ, воображенiе не обращается такъ свободно къ древнѣйшимъ временамъ. Возьмите классическую Италiю. Память среднихъ вѣковъ занимаетъ васъ почти столько же, какъ и вѣкъ древней Римской республики. Въ Венецiи воспоминанiя о Византiи, о Марино Фалiери, о республикѣ и дожахъ; во Флоренцiи Медичисы; въ Неаполѣ Норманны; даже въ Римѣ папство и пышность церкви христiанской отвлекаютъ васъ отъ воспоминанiя о народѣ, владѣвшемъ цѣлымъ мiромъ. Самый Iерусалимъ, котораго древняя исторiя такъ тѣсно связана съ нашей душой, по своей святости и по живымъ воспоминанiямъ нашего дѣтства, не можетъ, въ настоящемъ своемъ видѣ, столь быстро перенести насъ къ временамъ своей славы, потому-что онъ измѣнился. Есть въ немъ памятники крестовыхъ походовъ, есть и мечети—памятники позднѣйшей эпохи; но въ Грецiи память прежнихъ временъ живѣе, потому-что нѣтъ ничего новаго, что̀ бы заставило васъ забыть старое. Нѣтъ новыхъ городовъ; нѣтъ почти новыхъ людей; видны одни храмы и олеандръ, свидѣтельствующiй о вкусѣ бывшихъ поколѣнiй и о духѣ неизмѣнной природы. Хотя зелень долины Аль-

фея роскошна, но грунтъ ея песчаный. Она широка, и горы, простирающіяся по южной ея сторонѣ, не образуютъ плотнаго берега, но, растворяясь, открываютъ поперечныя долины, гдѣ взоръ теряется въ отдаленіи. Одна изъ этихъ долинъ, названная *Алвена*, оканчивается горою *Смерна*. Самъ Альфей рѣка быстрая, но мелкая и часто перемѣняющая свое теченіе. Ширина долины, разнообразность и яркость цвѣтовъ, отсутствіе людей, прозрачность воздуха и густота зелени придаютъ долинѣ особенный характеръ. Долина Рейнская какъ ни прекрасна, но ее нельзя сравнить съ Альфейскою, и хотя рѣка Альфей гораздо мельче Рейна, однако вся природа здѣсь великолѣпнѣе и, несмотря на недостатокъ населенности, несравненно веселѣе для глазъ.

Мы переѣхали двѣ рѣчки, стремящіяся быстро въ долину. Первая изъ нихъ называется Доана (древній и, подвигомъ Геркулеса, славный Эримантъ); такъ какъ она не очень глубока, то мы переѣхали ее въ бродъ, а наши провожатые вскочили на спину муловъ и расположились сзади насъ. Вторая рѣка Руфія, дающая свое имя всей окрестности, древній Альфей, немного шире первой, но еще быстрѣе и глубже, такъ что нельзя черезъ нее переѣхать иначе какъ на паромѣ.

Между двумя рѣками мы увидѣли лугъ, покрытый цвѣтами, на которомъ паслось стадо овецъ и козъ. Рогатаго скота мы тамъ не видали, только замѣтили нѣсколько быковъ, весьма мелкихъ, съ помощію которыхъ крестьяне воздѣлываютъ свои поля. Я замѣтилъ, что поле было, по всему пространству, пересѣчено ручьями, отведенными отъ сосѣднихъ ключей — мѣра, полезная по здѣшней почвѣ. Главное произведеніе здѣшняго края маисъ, который собираютъ два раза въ годъ съ одного и того же поля, и пшеница. — Сегодняшнее наше путешествіе, развернувшись предъ нами какъ картина съ начала до конца, довело насъ вечеромъ до деревни *Агiани* (*Αγιος Ιοαννης*), расположенной на одномъ изъ пригорковъ Эштиморской горной цѣпи, и на мѣстѣ древней Хереи. Остатки послѣдней видны на поляхъ между рожью, около этой деревни. Дома почти такіе же, какъ въ Миракѣ; поэтому мы опять расположились ночлегомъ на открытомъ воздухѣ и проснулись утромъ, промоченные росою.

Четверкъ $^{4}/_{16}$. — Мы выѣхали изъ деревни около 8 часовъ утра. Переѣхавъ въ бродъ черезъ рѣку, которую, по моему мнѣнію, должно почитать Альфеемъ, хотя ее болѣе не называютъ здѣсь Руфіею, а Леондари, потому-что она прямѣе прочихъ рѣкъ впадаетъ въ такъ-называемый Альфей, мы направили путь на югъ, подымаясь постепенно на горы, которыя около рѣки не очень высоки, и наслаждались видомъ болѣе возвышенной цѣпи горъ средней Аркадіи. Брюлловъ находитъ, что эти горы еще разнообразнѣе своими формами чѣмъ Аппенины, и что ничего нельзя сравнить съ яркостью здѣшняго освѣщенія. Мы видѣли сегодня группы деревьевъ, удивляющія своею пышностью; отдаленные виды становились все болѣе и болѣе великолѣпными. Къ югу гора Палеокастро превосходитъ прочія, а сзади насъ, къ сѣверу, видны бѣлоснѣжныя вершины

горъ Калаврита въ сѣверной Аркадіи. Дорога наша, какъ съ перваго дня нашего путешествія въ Греціи, состоитъ изъ узкихъ, каменистыхъ тропинокъ, которыя иногда совершенно исчезаютъ изъ глазъ между деревьями или скалами. Заборы и воздѣланныя поля часто пересѣкаютъ ихъ такъ, что безъ провожатаго невозможно путешествовать въ этомъ краю.

Хотя во все утро солнце свѣтило ярко, мы не страдали однакоже отъ жара, потому-что находились на возвышенныхъ мѣстахъ и продолжали подниматься до часа пополудни. Около этого времени увидѣли мы Андрицену, городокъ, расположенный по правую отъ насъ руку на скатѣ горы, совершенно зеленой, хотя на ней не было деревьевъ, и обращенной на лѣво къ длинной долинѣ, окруженной почти со всѣхъ сторонъ горами. Мѣстоположеніе пріятно и обработка виноградныхъ садовъ еще болѣе его украшаетъ. — Мы остановились на нѣсколько часовъ въ плохомъ трактирѣ, и мой слуга Дмитрій сбѣгалъ на рынокъ, чтобъ купить и зарѣзать тутъ же барана, часть котораго мы съѣли на мѣстѣ, а остальное сохранили на дорогу. Не понимаю, какимъ-образомъ наша комната, которая тряслась при всякомъ движеніи, не развалилась отъ множества

любопытныхъ Грековъ, распрашивавшихъ меня о Россіи, напримѣръ: родятся ли въ ней двуглавые орлы и проч. и проч. Священникъ, опредѣленный Каподистріемъ въ званіи учителя этого мѣстечка, повелъ меня въ древнюю здѣшнюю церковь. Она бѣдна и въ ней нѣтъ ничего замѣчательнаго, кромѣ узенькаго сосноваго трона, поставленнаго для короля Оттона и еще оставшагося на мѣстѣ; этотъ тронъ, обвѣшанный самыми простыми и ветхими тканями, мало походитъ на царское сѣдалище. Но здѣшній вкусъ не довольно образованъ, чтобъ видѣть, какъ неприлично для церкви такое украшеніе; потому-то и оставляютъ его тамъ, какъ памятникъ, свидѣтельствующій о посѣщеніи сего мѣста королемъ.

Около 5 часовъ мы оставили Андрицену и отправились въ *Стилосъ* (столбы), нынѣшнее названіе развалинъ храма Аполлона Эпикурейскаго. Мы тянулись по высямъ горъ то вверхъ то внизъ, сначала между деревьями, а потомъ по голымъ камнямъ. Къ сумеркамъ, когда мы начали опять приближаться къ странѣ, болѣе лѣсистой, я увидѣлъ вдругъ на лѣвой сторонѣ, на возвышенности и очень близко, рядъ колоннъ, осыпанныхъ множествомъ разбросанныхъ обломковъ и окруженныхъ старыми дубами. То были развалины

знаменитаго храма, а дряхлые дубы, окружавшіе ихъ, такъ ветхи, что можно причесть ихъ къ разряду деревъ, составлявшихъ прежде священный лѣсъ. Съ возвышенности, на которой стоитъ храмъ, долина открывается въ правую сторону для пріѣзжающихъ изъ Андрицены. Видъ самаго храма прекрасенъ и великолѣпенъ къ югу и западу, съ прочихъ сторонъ онъ закрывается высокими горами. Нельзя было избрать счастливѣйшаго мѣста для постройки его. Онъ стоитъ на дикомъ камнѣ, и, хотя землетрясенія не пощадили его, онъ могъ по-крайней-мѣрѣ держаться много столѣтій и не претерпѣть такого совершеннаго разрушенія, какъ храмъ Олимпійскій. Глядя на эти сѣрые остатки храма, одного изъ самыхъ знаменитыхъ въ Греціи, на дубы, его окружающіе, на отдаленное море и близкія горы, невольно вспомнишь стихъ нашего поэта:

«Прошедшее для сердца вѣчно!»

Наступившая ночь не позволила моимъ ученымъ товарищамъ обозрѣть храмъ, какъ должно, и потому, отложивъ это дѣло до слѣдующаго дня, мы углубились еще на нѣсколько шаговъ въ самую внутренность долины, чтобъ выбрать себѣ ночлегъ, не въ деревнѣ, ни даже въ сосѣдствѣ

самой бѣдной хижины, но въ лѣсу, близь фонтана. Здѣсь часто встрѣчаются фонтаны, въ которые вода проведена чрезъ низкую стѣну, оканчивающуюся къ верху дугой, и протекаетъ въ четвероугольную чашу, или прямо въ ручей. Они просты, но живописны и напоминаютъ о древнихъ восточныхъ преданіяхъ, въ которыхъ фонтаны всегда играютъ значительную роль. Наши провожатые, снявъ съ муловъ поклажу, пустили ихъ пастись свободно по зеленой долинѣ и развели большой огонь, вокругъ котораго и они и мы расположились ужинать холодными остатками нашего обѣда, а послѣ того легли спать.

Пятница $^{5}/_{17}$. — До-сихъ-поръ жары, которыми меня пугали въ Римѣ, вовсе насъ не безпокоили. Напротивъ того, мы очень зябли ночью и потому старались быть какъ можно ближе къ огню, приносили сухія вѣтви для поддержанія теплоты и потомъ располагались опять на травѣ, протянувъ къ костру наши ноги. Между-тѣмъ наши бѣдные провожатые храпѣли кто кого громче; мы часто спотыкались о нихъ, но это не разстроивало ихъ блаженства. Я записываю эти мелочи потому-что мнѣ будетъ пріятно вспоминать ихъ, когда я опять пущусь въ искусственную жизнь общества. Сегодня поутру не было болѣе девяти градусовъ тепла. Всѣ покрывала наши промокли отъ росы, но никто не простудился. Видно, что только тѣ, которые боятся ввѣриться природѣ, страдаютъ отъ ея щедротъ, и что мы начинаемъ прывыкать къ нимъ. —Нынѣшній день для

меня весьма памятенъ по дѣятельности моихъ спутниковъ. Приложенные рисунки покажутъ, чѣмъ они занимались, а докторъ Крамеръ сдѣлалъ разныя замѣчанія на счетъ храма, которыя я переведу здѣсь.

«Трудно опредѣлить навѣрное причины, побудившія жителей Фигаліи построить столь богатый храмъ, подъ руководствомъ знаменитаго зодчаго Пароенона, въ значительномъ разстояніи отъ своего города и за высокими горами; но кажется, будто основаніемъ тому была святость всей этой горной страны. И, въ самомъ дѣлѣ, мѣсто, по своей красотѣ и уединенію, соотвѣтствуетъ совершенно назначенію храма, построеннаго въ лучшемъ Греческомъ вкусѣ. Къ югу и къ юговостоку открывается дальный видъ на горы и на равнины Мессеніи до самаго моря, къ Мессенскому заливу. Между горами всѣхъ замѣчательнѣе Итома, возвышающаяся въ равнинѣ и присоединяющаяся къ прочимъ горамъ. На югозападъ глазъ, подобнымъ образомъ, проникаетъ между многими массами горъ до залива Кипарійскаго. Это даетъ общія черты мѣстоположенію храма; что̀ же касается до подробностей его, то никакое изъ извѣстныхъ описаній не даетъ надлежащаго понятія о теперешнемъ его положеніи. Онъ

былъ *περίπτερος, окруженъ портикомъ* изъ шести колоннъ спереди, и пятнадцати на каждой сторонѣ (считая два раза угольныя). Колонны дорическаго ордена и самаго чистаго стиля, безъ базы и съ двадцатью канелюрами, которыя, проходя за три впадины или шнурка, теряются въ линіи Ехинуса, т. е. въ самой капители. Онѣ не изъ цѣльнаго куска, но изъ шести или семи кусковъ, изъ которыхъ верхніе имѣютъ дыры для деревянныхъ свай, чтобъ соединяться крѣпче. Всѣ наружныя колонны южной стороны, за исключеніемъ двухъ угольныхъ, стоятъ на мѣстахъ своихъ. На западной сторонѣ онѣ нѣсколько наклонились дѣйствіемъ землетрясенія. Архитравъ также почти совсѣмъ сохранился, только на сѣверномъ концѣ недостаетъ его на средней колоннѣ, а на южномъ онъ остался только на двухъ западныхъ. Отъ фризы не осталось ничего на мѣстѣ. Многіе куски триглифовъ лежатъ между развалинами; на нѣкоторыхъ изъ нихъ мраморныя доски съ рельефами были вставлены въ метопы; въ другихъ это не встрѣчается, изъ чего можно заключить, что не всѣ метопы были украшены скульптурной рѣзьбой. Вообще на обломкахъ архитрава видны всѣ *капли*; переднее и заднее пространство между колоннами портика вдвое шире боко-

ваго. Целла такъ хорошо сохранилась, что ея части распознаются ясно. Входъ въ нее былъ съ сѣверной стороны, чрезъ пронаосъ или переднюю часть храма, съ антами и двумя колоннами между антъ. Впадины въ боковыхъ стѣнахъ пронаоса, кажется, были сдѣланы для укрѣпленія рѣшетки, чтобъ закрыть пронаосъ. Изъ пронаоса въ целлу входъ чрезъ широкую дверь.

Целла весьма замѣчательна. Зодчій поставилъ въ ней на каждой сторонѣ 5 полуколоннъ, но не вплоть къ стѣнѣ, а такъ, что онѣ выступаютъ изъ нее на нѣсколько футовъ и соединяются малыми простѣнками изъ одной и той же массы камня со стѣною целлы. Такимъ образомъ четвероугольныя ниши образовались между ними. Эти полуколонны, не совершенно Дорическія, имѣютъ основаніе весьма толстое въ діаметрѣ, между-тѣмъ какъ подымаются къ верху самыми легкими линіями. Онѣ канелюрованы, но очень плоско и съ промежутками или дорожками, которыя, по немногу стѣсняясь, совершенно исчезаютъ около средины колонны. О капителяхъ этихъ полуколоннъ судить можно только по обломкамъ; онѣ весьма походятъ характеромъ своимъ на базу, но не принадлежатъ, такъ сказать, ни къ какому ордену: ихъ нельзя причислить къ Іоническому, а между-

тѣмъ онѣ богаче Дорическихъ. Только одна изъ этихъ полуколоннъ стоитъ на своемъ мѣстѣ, и та, какъ можно видѣть по приложенному рисунку, очень потрясена и состоитъ изъ двѣнадцати кусковъ. Четыре первыя изъ этихъ полуколоннъ составляли прямой уголъ со стѣной целлы, а послѣдняя выходитъ по обѣимъ сторонамъ острымъ угломъ къ стѣнѣ. Причину этого отклоненія угадать очень мудрено. Къ мѣсту, заключенному стѣною целлы и полуколоннами, присоединяется другое, какъ можно ясно видѣть по положенію камней, составляющихъ полъ; вѣроятно на этомъ мѣстѣ находилась сокровищница бога, передъ которою стояла его статуя. Это мѣсто, такъ какъ и вся целла, было окружено стѣной, которая потомъ обрушилась; основные на ней камни стоятъ до-сихъ-поръ рядомъ одинъ возлѣ другаго. Къ этой стѣнѣ примыкаетъ съ южной стороны, въ мѣстѣ, во всемъ соотвѣтствующемъ пронаосу, опистодомосъ, или задняя часть храма, которая совершенно отдѣлена отъ целлы этою стѣной, въ которой нѣтъ двери.

Въ мѣстѣ, назначенномъ для статуи, лежатъ два обломка колонны, которые не могли принадлежать ни къ колоннамъ портика, ни къ полуколоннамъ. Діаметръ ихъ меньше прочихъ колоннъ,

и болѣе полуколоннъ, а канелюры ея очень плоски и теряются къ верху. Къ этой колоннѣ принадлежалъ, повидимому, обломокъ Коринѳскаго капителя, высѣченнаго изъ мрамора; но гдѣ было его мѣсто, никакъ нельзя опредѣлить навѣрно.

Софитовъ можно различить четыре рода, тщательно и со вкусомъ украшенныхъ коробками (caissons); самые большіе и средніе сдѣланы изъ того же камня, какъ и весь храмъ, а малые изъ бѣлаго мрамора.

Камень, изъ котораго выстроенъ весь храмъ, принадлежитъ къ роду крѣпкаго мѣла, весьма похожаго на тотъ, который находится въ Аппенинахъ. Онъ имѣетъ цвѣтъ желтоватый и очень способенъ къ обработкѣ. Отъ долгаго времени показалось на поверхности множество неглубокихъ дыръ, и вся развалина отъ тонкаго моха, покрывающаго камни, имѣетъ сѣрый видъ: на ней не примѣтно слѣдовъ ни штукатурки, ни красокъ*.»

Между-тѣмъ какъ мы занимались разсматриваніемъ храма, наши провожатые (изъ которыхъ

* Я прочелъ это описаніе въ Берлинѣ г. Шинкелю, который во всѣхъ отношеніяхъ согласенъ съ нимъ. Впрочемъ, это дѣло не новое. Въ книгѣ Штакельберга описанъ весь храмъ и гораздо подробнѣе, тогда какъ мы говоримъ только о своихъ собственныхъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ на мѣстѣ.

одинъ старикъ, почти слѣпой, напомнилъ намъ Эдипа), купили барана и сжарили его цѣликомъ, частію для насъ, а частію и для самихъ себя. Вечеромъ возобновили мы прежнія свои занятія и продолжали ихъ до ночи. Тогда мои товарищи начали ужинать, развели огромный огонь на двухъ мѣстахъ, разговаривали о храмѣ и прельщались простотою этого рода жизни, который нравился и предшественнику нашему, Лику, и наконецъ заснули вокругъ огней.

Суббота $^{6}/_{18}$. — Занятія художниковъ задержали насъ до трехъ часовъ. Между-тѣмъ проливной дождь привелъ насъ всѣхъ въ большое затрудненіе, потому-что всѣ наши вещи, платье, бумаги и прочее, были разложены на травѣ; но мы еще во время успѣли снести все подъ дерево и сами отобѣдали подъ его вѣтвями. Дурная погода не помѣшала намъ продолжать свой путь: оставаясь на мѣстѣ, мы точно такъ же подверглись бы дождю, какъ ѣдучи верхомъ, и потому мы рѣшились разстаться съ этой прекрасной долиной, въ которой пожили какъ Аркадскіе пастухи и провели два такихъ дня, какихъ намъ, вѣроятно, никогда уже не удастся провести въ обыкновенной жизни. Мы проѣхали мимо сѣраго храма, котораго глубокое уединеніе потревожили на время и простились съ нимъ, какъ бы съ отшельникомъ, который, испытавъ и блескъ и несчастія

свѣта, давно удалился изъ него и не хочетъ удерживать у себѣ надолго гостей, изрѣдка его посѣщающихъ. Дорога, которою мы шли, извивается на краю глубокой каменистой долины, покрытой однако мелкими, вѣчно-зелеными дубами, которые здѣсь называютъ *пурнари.* Передъ нами была гора *Діафорти,* древній Лукаіосъ, которую Аркадійцы почитали жилищемъ Юпитера. Она явилась намъ, окруженная всѣми аттрибутами царя боговъ. Тучи клубились около ея вершины и придавали свинцовый видъ всей этой прекрасной, но дикой долинѣ Ампеліоны и Хагіосъ-Сости. Мы слышали отдаленный громъ и видѣли орла, парящаго надъ горою. Такіе случаи, и въ такомъ мѣстѣ, сильно дѣйствуютъ на воображеніе. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: древніе Аркадійцы вѣроятно выбрали эту гору жилищемъ Юпитера потому что часто замѣчали на ней натуральные аттрибуты этого бога: тучи, громъ и орловъ; а какъ природа рѣдко измѣняется, то и намъ удалось видѣть все это. Дождь накрапывалъ и туманъ сталъ подниматься вокругъ насъ. Два или три раза сбивались мы на горахъ съ дороги и шли съ большимъ трудомъ между огромными каменьями, скатившимися съ вершины горы. Изъ двухъ рисунковъ Брюллова одинъ даетъ понятіе

о горѣ Діафорти и о странномъ отемнѣніи ея, а другой объ удивительномъ переходѣ красокъ, когда погода стала проясняться. То поднимаясь вверхъ, то опускаясь внизъ, мы въ седьмомъ часу доѣхали до вершины Діафорти. Мы нашли тамъ стадо овецъ подъ охраненіемъ огромныхъ собакъ, которыя съ лаемъ бросились на встрѣчу нашимъ муламъ. Пастухи, одѣтые въ овчины, скрывались отъ непогоды подъ кровомъ, сдѣланнымъ изъ вѣтвей и утвержденнымъ на кольяхъ, такъ, что не было даже плетеныхъ боковыхъ стѣнъ. Возлѣ этого бѣднаго убѣжища, которое называютъ здѣсь *мандри*, былъ разложенъ огонь; надъ нимъ висѣлъ большой котелъ, который употребляютъ для дѣланія сыра. Древніе Аркадійцы не могли имѣть жилища проще. Здѣшняя природа и нравы жителей имѣютъ много общаго съ Швейцарскими. Они жили въ горахъ, занимались болѣе скотоводствомъ, чѣмъ хлѣбопашествомъ, питались молокомъ и были самымъ независимымъ народомъ во всемъ Пелопонезѣ; наконецъ, чтобъ довершить сравненіе чертой сходства, болѣе разительнаго, скажемъ, что они также вступали по найму въ военную службу. Купивъ ягненка и отдохнувъ нѣсколько у огня, мы начали спускаться съ горы, какъ скоро стало нѣсколько яснѣе, и пріѣхали на ночь

въ деревню *Карiесъ*, изъ которой открывается пространный видъ на долину. Здѣсь былъ праздникъ. Дѣвицы плясали на лугу, держась за руки и распѣвая пѣсни. Эта деревня показалась мнѣ болѣе Мираки. Въ ней много новыхъ каменныхъ *хатъ*; домами ихъ назвать нельзя, потому-что онѣ безъ дверей и оконъ, а на мѣсто ихъ имѣютъ только пустыя отверстiя. Намъ отвели такую хату для ночлега, и мы провели ночь очень хорошо, и теплѣе, чѣмъ въ долинѣ Аполлона.

Воскресенье $^{7}/_{19}$.—Деревня Каріесъ расположена на горѣ, и хотя она стоитъ не на самой ея вершинѣ, однако изъ нея открывается прекрасный видъ на равнину древняго Мегалополиса.

Такъ какъ дорога здѣсь очень крута, то намъ пришлось идти пѣшкомъ; прекраснѣйшая панорама разстилалась передъ нами. Впереди равнина, орошенная Альфеемъ; по обѣимъ сторонамъ ея тянутся горы, покрытыя на лѣво свѣжей зеленью; на право онѣ представляютъ амфитеатръ, постепенно возвышающійся отъ перваго плана, занятаго темнымъ лѣсомъ, до снѣжныхъ вершинъ Тайгета. Когда мы спустились ниже, видъ этотъ скрылся отъ насъ; но мы были вознаграждены другимъ, хотя не столь величественнымъ, однако не менѣе замѣчательнымъ и совершенно характеризировавшимъ Греческую и особенно Аркадійскую природу. Между острыми камнями и скалами, чрезъ которые лежитъ дорога, множе-

ство ручьевъ протекаетъ подъ тѣнью тополей, кленовъ и олеандровъ. Есть мѣста, гдѣ скалы со всѣхъ сторонъ закрываютъ видъ, а голубое небо едва бываетъ видно сквозь широкія листья тополя; ручей протекаетъ съ шумомъ близь его корня и теряется въ кустахъ. Спустившись къ подошвѣ горы и достигнувъ полей, засѣянныхъ хлѣбомъ, мы сѣли на муловъ и стали по обыкновенію прокладывать себѣ путь сквозь кусты, которые раздирали наше платье и царапали намъ лицо. Альфей, чрезъ который мы переѣхали, чтобъ дойдти до деревни Синано, древняго Мегалополиса (*Μεγαλοπολις*), здѣсь довольно мелокъ, но быстръ и, сколько можно судить по широкой полосѣ, видимой на береговыхъ каменьяхъ, долженъ часто разливаться. Цвѣтъ его, отъ шедшихъ предъ тѣмъ дождей, былъ желтоватый. Скоро дошли мы до рѣчки *Элиссона*, которая немного уступаетъ шириною Альфею. Къ полудню пріѣхали мы въ мѣстечко *Синано*, назначенное для отдыха. Эта деревня состоитъ изъ полсотни хатъ, разсыпанныхъ по зеленой долинѣ. Между ними насажены тутовыя деревья, а кругомъ, какъ вообще близь Греческихъ деревень, тянутся поля, засѣянныя рожью и пшеницей съ бородатыми колосьями. Мы воспользовались свободнымъ временемъ и осмотрѣли

развалины. Мраморные обломки расыпаны по всей деревнѣ; но главная масса развалинъ внѣ ея предѣловъ. Я вошелъ нечаянно въ бѣдную сельскую церковь, открытую по случаю сегоднишняго праздника, и удивился глубокой бѣдности, какую представляетъ собою этотъ храмъ. Въ потолкѣ, весьма ветхомъ, были незадѣланныя дыры; иконостасъ росписанъ образами въ древнемъ Византійскомъ вкусѣ; у царскаго входа нѣтъ дверей, и священникъ совершаетъ таинства за ветхою завѣсою. Распятіе, нарисованное на бумагѣ, приколочено къ дереву надъ царскимъ входомъ. Каѳедры для молящихся вырублены изъ сосноваго дерева и не покрыты краской; полуизсохшіе вѣнки развѣшаны на гвоздяхъ, а надъ царскимъ мѣстомъ вставлена зеленая вѣтвь. Старая капитель, найденная близь церкви, поставлена на подножіи и служитъ вмѣсто налоя, а къ стѣнамъ, украшеннымъ иконами, кое-гдѣ приклеены патріотическія пѣсни и желанія здравія королю и регентамъ. Я спросилъ священника о значеніи неизвѣстнаго мнѣ слова *Αντιβασιλεια*, *регентство*, написаннаго на одномъ изъ этихъ листовъ. Вмѣсто отвѣта, онъ намочилъ слюнями палецъ и смаралъ это слово, потому-что регентовъ болѣе уже нѣтъ и они, вмѣсто того, чтобъ осчастли-

Staats-
Bibliothek
Bamberg

вить Грецію, были ей только въ тягость. Надпись осталась на стѣнѣ съ названіемъ народа Греческаго и именемъ короля Огтона, и черное пятно замѣнило слово регенство. Эта церковь изображаетъ лучше всѣхъ длинныхъ описаній чувства Грековъ къ ихъ религіи. Они сражались за нее и потому украшаютъ церковь своими трофеями, то есть, національными пѣснями; имъ неизвѣстна роскошь и для нихъ не странно видѣть бумажный крестъ; они не умѣютъ употреблять краски, позолоту и лакъ, и замѣняютъ эти украшенія увядающими вѣнками и обломками древняго искусства.—Видно, что не принято еще у нихъ никакой церковной цензуры и что они еще не почитаютъ долгомъ исключать то и другое изъ церкви, какъ непристойное. Они еще не созрѣли для этихъ тонкостей; для нихъ, какъ сказано въ Евангеліи, все чисто, ибо они нечистоты не видятъ. — Мой Дмитрій пользуется всякимъ случаемъ приложиться устами и челомъ къ иконѣ Богородицы (*Παναγία*). Онъ часто гордо разсуждаетъ о превосходствѣ Греческой вѣры надъ магометанскою, и особенно основываетъ свое заключеніе на томъ, что сколько бы Турки ни мылись, они всегда имѣютъ непріятный запахъ, между-тѣмъ, какъ Грекъ можетъ лѣтомъ тридцать дней сряду носить одно и то же бѣлье, и

вовсе не безпокоитъ сосѣда, когда станетъ раздѣваться. Сравнивая Греческую церковную службу съ Англиканскою, которую видѣлъ въ Корфу, онъ удивляется холодности послѣдней. Отвѣтъ его одному Англичанину, старавшемуся доказать, что совершенно безполезно молиться о покойникахъ, очень понравился мнѣ своимъ чувствомъ и простотою. «Да» сказалъ онъ: «я васъ понимаю. Но положимъ, что отецъ мой, или сынъ, или дочь такъ сильно васъ оскорбили, что вы по справедливости велѣли заключить ихъ въ тюрьму и оковать цѣпями; неужьли не позволите вы мнѣ, не смотря на всю вину ихъ, просить васъ хотя разъ въ годъ, напримѣръ въ день ихъ ангела или рожденія, снять съ нихъ на короткое время цѣпи, и тѣмъ облегчить ихъ страданія?» Я не знаю, что̀ можетъ столько, какъ это простое уподобленіе, показать глубокую вѣру въ правосудіе Бога, и совершенную покорность его волѣ, при печальной и неизгладимой привязанности къ человѣку, тѣмъ болѣе любимому и оплакиваемому, чѣмъ онъ болѣе несчастенъ.

Мѣстоположеніе древняго Мегалополиса посреди зеленѣющей долины, окруженной горами, покрытыми къ югу каштанами и другими высокими деревьями, прелестно. Самая долина усѣяна

олеандрами. Кромѣ того это мѣстоположеніе также совершенно отличается отъ другихъ древнихъ Греческихъ городовъ, которые были вообще построены не въ равнинахъ а на возвышенныхъ, укрѣпленныхъ природой мѣстахъ. Ликъ извлекаетъ два заключенія изъ этого особеннаго мѣстоположенія: 1-е, что главною его причиной было изобиліе воды. 2-е что, во время его основанія т. е. за 4 столѣтія до Р. Х. Греки, а тѣмъ болѣе такой опытной вождь, какъ Эпаминондъ, не могли выбрать подобнаго мѣста для основанія города, если не имѣли уже въ то время нѣкоторое понятіе объ искусственномъ укрѣпленіи. Замѣчанія Лика о древнихъ памятникахъ этого города очень занимательны для ученыхъ и драгоцѣнны для путешественниковъ. Но такъ какъ я самъ не имѣлъ времени заниматься подробными наблюденіями, то ограничусь исчисленіемъ главныхъ, видѣнныхъ мною, остатковъ. Высокая стѣна, сложенная изъ огромныхъ камней, соединенныхъ безъ извести, смыкается съ высокимъ, образующимъ полукружіе, холмомъ. Этотъ холмъ, заросшій травою и кустами, былъ нѣкогда театромъ, и, по словамъ Павзанія, самый огромный во всей Греціи. Въ справедливости этого заключенія сомнѣваться нельзя, ибо форма его сохранилась въ совершен-

ной правильности. Нѣкоторые слѣды стѣнъ, идущихъ къ сценѣ, примѣтны и теперь еще. За ними два мелкіе ручья текутъ въ Элиссонъ, который теперь такъ мелокъ, что не обратилъ бы на себя вниманія, если бъ не были еще видны обломки огромнаго каменнаго моста, заставляющаго полагать, что рѣка эта была нѣкогда и шире и глубже. За рѣкой видно множество дорическихъ колоннъ, окружавшихъ, можетъ-быть, агору, или мѣсто, назначенное для народнаго собранія; но теперь эти колонны зарыты въ землею до верху, и даже выше. Земля эта была вѣрно нанесена наводненіемъ, и закрѣплена растѣніями всякаго рода. Какъ не измѣниться и не обрушиться городу, когда враждебныя причины почти впродолженіи 2000 лѣтъ безпрепятственно дѣйствуютъ на это опустѣвшее мѣсто? А что Мегалополисъ, бывшій однимъ изъ новѣйшихъ большихъ городовъ Греческихъ, скоро опустѣлъ, тому свидѣтель Страбонъ, говорящій въ шутку, что Мегалополисъ т. е. большой городъ, есть большая пустыня. Я полагаю, что причиной тому нравы Аркадійцевъ, болѣе расположенныхъ къ пастушеской чѣмъ къ городской осѣдлой жизни. Замѣчанія Лика исполнены истины. Онъ говоритъ, что это второй примѣръ, доказывающій, что Греція нынѣ болѣе,

чѣмъ въ минувшихъ столѣтіяхъ, походитъ на древнюю, и что эта прекрасная долина, въ настоящемъ, опустѣломъ видѣ, болѣе напоминаетъ древнюю Аркадію, чѣмъ въ то время, когда городъ этотъ существовалъ.

Около двухъ часовъ пополудни мы выѣхали изъ Синано и, направляя путь въ Триполицу, которая отстоитъ отъ него на шесть часовъ, выѣхали на дорогу нѣсколько шире, вымощенную кое-гдѣ большими необтесанными камнями и все еще очень плохую. Съ пріѣзда моего въ Грецію, я не видалъ еще ни одной телеги, да и нѣтъ нигдѣ дороги, по которой два колеса рядомъ могли бы прокатиться. Около часа послѣ выѣзда изъ Синано, мы начали, не безъ труда, подниматься на одну изъ горъ, окружающихъ эту прекрасную долину. Къ пяти часамъ были на ея вершинѣ и насладились прекраснымъ видомъ пройденной нами страны до деревни Каріесъ, раскинутой на противоположной сторонѣ. Дорога проведена такъ круто отъ сего пункта въ другую долину, что мы должны были сойдти съ муловъ. Эта долина, или, лучше сказать, раздвинутая тѣснина, называется Франко-Вризи. Съ обѣихъ сторонъ возвышаются каменистыя горы и дорога идетъ то по правой, то по лѣвой сторонѣ ихъ. Замѣчатель-

но, что внизу этого глубокаго оврага нѣтъ рѣчки. Это объясняютъ тѣмъ, что известковый камень самъ собою принимаетъ форму разсѣлинъ, не требуя на то наружныхъ причинъ. Далѣе, за этимъ оврагомъ, открылась намъ совершенно иная природа, и, вмѣсто прекрасныхъ, зеленѣющихъ луговъ, показались дикія, крутыя горы. Впрочемъ я всегда представлялъ себѣ Морею въ такомъ видѣ. Жители, которыхъ мы встрѣчали на дорогѣ, по нѣскольку вмѣстѣ пѣшкомъ и верхомъ, имѣли видъ болѣе дикій, чѣмъ самая страна, и ихъ угрюмый поклонъ и пробормотанный сквозь зубы: «добрый день», не казались вовсе дружескимъ привѣтствіемъ. Мы въѣхали въ Триполицу ночью. Она почитается вторымъ городомъ Мореи, но, сквозь окружавшую насъ темноту, мы могли видѣть, что и она также вся въ развалинахъ. Турки, подъ начальствомъ Ибрагима, занимали ее своими войсками во время войны, между-тѣмъ какъ Греки владѣли всею окрестностію; это продолжалось до Наваринскаго сраженія, послѣ котораго Ибрагимъ-паша, въ настоящемъ или притворномъ негодованіи, поднявъ на воздухъ большую часть города, оставилъ опустошенную имъ страну. Насилу добрались мы на изнуренныхъ мулахъ по длиннымъ, деревяннымъ базарамъ до бѣдной гостинницы. Видно однако,

что это былъ городъ, потому-что полицейскія мѣры наблюдаются здѣсь, какъ и въ другихъ просвѣщенныхъ городахъ. Офицеръ, въ голубомъ Греческомъ мундирѣ, съ фустанелью, явился въ трактиръ и спросилъ наши пашпорты; не удовлетворенный ими, онъ взялъ моего Дмитрія и подъ стражею повелъ его къ губернатору. Признаюсь, это мнѣ не понравилось; но прежде чѣмъ я могъ сдѣлать малѣйшее возраженіе, Албанецъ мой, заткнувъ за поясъ, на всякій случай, пистолетъ, пошелъ за солдатами, и скоро возвратился, удовлетворивъ губернатора своими отвѣтами. Между-тѣмъ Греки всѣхъ званій, по большой части военные, входили въ комнату и ужинали за длиннымъ столомъ, каждый особо. Намъ подали, какъ и имъ, черной, сухой баранины и салатъ, приправленный весьма плохимъ масломъ. Вино, по обыкновенію, смѣшано со смолой: это настоящій разваренный гумиластикъ и его можно пить только какъ лекарство.

Понедѣльникъ $^{8}/_{20}$. — Прежде чѣмъ я успѣлъ встать и одѣться, посѣтилъ меня епархъ, въ мундирѣ Греческихъ нерегулярныхъ войскъ. Онъ пришелъ поздравить меня съ пріѣздомъ и предложить свои услуги въ случаѣ моего пребыванія въ Триполицѣ, или отъѣзда отсюда. Это человѣкъ довольно толстый, веселый, развязный и хвастливый; онъ участвовалъ въ войнахъ Греческой революціи, и описанія его, съ примѣсью разныхъ замѣчаній, характеризировали какъ нельзя лучше націю, только что вышедшую изъ подданства сильной державы. «Десять лѣтъ» говоритъ онъ: «Турки держались въ этомъ городѣ. Но мы, не желая платить дани, ни чужимъ, ни своимъ, тревожили ихъ всѣми возможными способами. Какже мы это дѣлали? Мы нападали ночью на всѣхъ Турокъ, которые встрѣчались, и даже на самый городъ, а къ утру уходили прочь, чтобъ не подвергнуться

ихъ мщенію. Ихъ кавалеристы могли свободно скакать по долинѣ; но если случалось хоть одному изъ нихъ подъѣзжать къ горамъ, то пуля, пущенная изъ-за камня, въ ту же минуту отправляла его въ рай Магометовъ. «Благодарности къ союзнымъ войскамъ за сраженіе Наваринское, или къ Французамъ за экспедицію въ Морею, подъ начальствомъ маршала Мезона, или къ намъ, за миръ Адріанопольскій, не было ни на грошъ. Судя по словамъ епарха, можно было, кажется, подумать, что Греки сами себя освободили отъ ига. Онъ часто видалъ лорда Байрона въ Миссолонги, и, отвѣчая на мои вопросы о немъ, говорилъ, что жизнь его была презавидная. «Не удивительно» прибавилъ онъ: «что иностранцы высокаго званія и съ большимъ имѣніемъ приходили въ Грецію: ихъ почитали здѣсь какъ царей и слѣдовали всѣмъ ихъ совѣтамъ. — Это льститъ тщеславію иностранцевъ, и Лордъ Байронъ получилъ также свою награду за услуги, имъ оказанныя Грекамъ. Теперь намъ нужно, чтобъ была всеобщая война въ Европѣ, и тогда, если насъ оставятъ прочія державы, мы можемъ напасть на Турцію и овладѣть ею.» Пока епархъ такъ разглагольствовалъ, секретарь его, или адъютантъ, приносилъ ему разныя бумаги для подписанія.

Онъ шутилъ надъ ними, и не прочитывая, а только спросивъ о ихъ содержаніи, подписывалъ съ презрѣніемъ. Все доказываетъ, что онъ принадлежалъ къ числу весьма малограмотныхъ Клефтовъ, и вѣроятно назначенъ епархомъ одной изъ значительнѣйшихъ епархій Мореи, за вліяніе, какое имѣетъ на своихъ товарищей, а можетъ-быть и за природныя свои способности. Я отдалъ ему визитъ и онъ пригласилъ меня сѣсть, подавая мнѣ единственный стулъ, бывшій у него въ домѣ. Вся остальная мебель состояла въ тюфякѣ, покрытомъ коврами, который днемъ служитъ вмѣсто дивана, а ночью замѣняетъ постель.

Хотя вся Триполица ничто иное, какъ рядъ новыхъ развалинъ, однако жизнь снова начинаетъ кипѣть въ ней. Внутри города замѣтна довольно большая дѣятельность, а въ окрестностяхъ видны признаки земледѣлія. Поля здѣсь обработаны довольно хорошо. Видъ съ старой крѣпости Триполицы простирается на всю долину, которая несовершенно плоска и кое-гдѣ покрыта холмами. Но ни въ долинѣ, ни на пограничныхъ горахъ не видать деревьевъ. Горы имѣютъ рѣзкій очеркъ; значительной рѣки нѣтъ. Со всѣмъ тѣмъ природа не имѣетъ дикости. Здѣсь все прекрасно: ясное небо, прозрачность воздуха, зелень полей; не достаетъ

только однихъ жителей. Это не то, что въ Италіи, гдѣ нѣсколько долинъ поражаютъ вдругъ взоры путешественника, и гдѣ можно увидѣть вдругъ три или четыре города, раскинутые на разныхъ возвышенностяхъ. Здѣсь каждая равнина имѣетъ свою особенную физіономію и отдѣлена отъ другихъ. Эта разница происходитъ, вѣроятно, отъ того, что здѣсь менѣе жителей, и что въ каждой долинѣ не болѣе одного города, а потому для путешественника Греческія долины точно звѣнья одной цѣпи, которыя онъ, переходя черезъ горы, невольно отличаетъ другъ отъ друга, не имѣя въ виду никакого искусственнаго предмета, который могъ бы развлечь его вниманіе.

Послѣ полудня я посѣтилъ развалины древняго *Тегея,* лежащія въ разстояніи полуторы часовъ пути отъ Триполицы. По моему, онѣ не заслуживаютъ въ теперешнемъ своемъ положеніи особеннаго вниманія. Множество обломковъ разсыпано въ безпорядкѣ, и хотя докторъ Крамеръ изслѣдовалъ ихъ, но не могъ найдти никакой интересной надписи или остатка зодчества. Я однакоже не сожалѣю, что сдѣлалъ эту прогулку, ибо церковь, выстроенная въ среднихъ вѣкахъ на этомъ мѣстѣ, названномъ теперь Палаіо Эпископи, изъ развалинъ, и сама представляющая развалину,

едвали не интереснѣе древняго города. Сооруженная въ живописномъ, Византійскомъ вкусѣ, изъ обломковъ города, она, кажется, была нѣсколько разъ сломана и перестроена: это доказывается разными украшеніями, принадлежащими уже къ Христіанскому времени и вставленными кое-гдѣ въ стѣнахъ безъ всякаго порядка. Войдя во внутренность церкви, нашелъ я, въ одномъ изъ отдѣленій олтаря, два камня, поставленные перпендикулярно, и третій, положенный надъ ними. Подлѣ этихъ камней, предъ иконой, висѣла лампада съ елеемъ, и я узналъ по этому, что эта развалина, въ которой нѣтъ крыши, и гдѣ передняя стѣна имѣетъ широкое отверстіе, служитъ и теперь церковью. Храма бѣднѣе и проще этого нельзя себѣ вообразить. Я былъ тронутъ, глядя на этотъ памятникъ страданій Грековъ, и думалъ опять, судя по этому мѣсту, служащему теперь для молитвы, какъ просты и чисты должны быть ихъ религіозныя чувства. Здѣсь нѣтъ ни вызолоченнаго иконостаса, ни потолка съ изображеніемъ святыхъ и ангеловъ, ни запрестольнаго образа. Два камня служатъ вмѣсто иконостаса, небесный сводъ съ своими тучами, яркимъ солнцемъ и милліонами звѣздъ, разстилается надъ храмомъ. Передъ мраморнымъ обломкомъ, замѣняю-

щимъ жертвенникъ, стѣна имѣетъ проломъ и первые лучи востока озаряютъ священника, служащаго утреннюю. Этотъ храмъ въ своемъ убожествѣ еще замѣчательнѣе того, что я видѣлъ въ Синано. Тотъ имѣетъ какое-то мишурное щегольство и походитъ на Грецію съ своимъ нынѣшнимъ королемъ, но этотъ на Грецію, еще подвизающуюся съ Турками за крестъ и свободу. — Возвращаясь въ Триполицу, я думалъ, что Греки должны бы имѣть теперь свою собственную, новую архитектуру, если архитектура должна точно удовлетворять не однѣмъ нуждамъ, но и характеру народа. Свѣтлый перистиль вѣчно смѣющагося язычества не соотвѣтствуетъ началамъ вѣры, основанной на сокрушеніи и грѣхопаденіи человѣка, искупленнаго кровью Сына Божія. Готическіе шпицы и высокіе темные своды гораздо лучше напоминаютъ то время, когда религія боролась съ невѣжествомъ и насильствомъ; но они не соотвѣтствуютъ ни голубому небу, ни воинской отважности, ни славной бѣдности Грековъ. Еще менѣе приличенъ имъ, въ настоящую эпоху ихъ возрожденія, ложный блескъ, которымъ Римлянка старается прикрыть свою красоту, давно отцвѣтшую, и отданную въ жертву суетности. Скажу даже, что Византійское зодче-

ство, хотя и принадлежащее исключительно Греческой религіи и возбуждающее такое благоговѣніе въ сердцахъ Русскихъ, не можетъ еще быть національнымъ зодчествомъ нынѣшнихъ Грековъ. Въ то время, когда императоры возсѣдали на престолѣ Константина, эти пышныя, но мрачныя зданія могли объяснять соборную приверженность всей Восточной Церкви къ тѣмъ священнымъ догматамъ древнихъ обрядовъ, отъ которыхъ Латинская Церковь отпала для мірскихъ видовъ; но для нынѣшней Греціи, бѣдной, нетеологической, но кровью защитившей крестъ отъ порабощенія Магомета, должна бы проявиться какая-нибудь архитектура, болѣе свѣтлая, отважная и торжественная. Генію принадлежитъ найдти родъ зодчества, который соотвѣтствовалъ бы и древней славѣ, и теперешнему положенію Греціи. Пусть сохранитъ она нѣкоторыя украшенія своей прежней, утонченной образованности; но, возлѣ классическаго аканта Коринта, пусть она совьетъ терновый вѣнецъ Палестины. Для нея не нуженъ высокій куполъ, подавляющій собою всѣ прочія зданія. Греки идутъ въ церковь не по приказанію верховнаго епископа, но по влеченію сердца, чтобъ благодарить Бога, удивившаго ихъ своею милостью. Пусть средина храма

ихъ будетъ непокрыта, какъ разрушенная церковь Тегея: это будетъ лучше соотвѣтствовать ихъ бѣдности. Чело людей, привыкшихъ стоять въ битвѣ за вѣру, не убоится ни дождя, ни солнца; ѳиміамъ священника воскурится къ небу, и вздохъ страдальца, воспаривъ прямо къ престолу Божію, не остановится ни у вратъ чистилища, ни у подножія святыхъ.

Я возвратился въ Триполицу, когда уже начинало смеркаться; и когда всѣ художники, путешествовавшіе со мною, собрались, всѣ мы сѣли ужинать. Брюлловъ кончилъ два маленькіе вида долины, пройденной нами послѣ храма Аполлона. Краски его удивительно какъ натуральны и передаютъ съ необыкновенною вѣрностью всѣ цвѣтà, которымъ подобныхъ, по моему мнѣнію, нельзя найдти нигдѣ, кромѣ Греціи. Разговоръ Брюллова пріятенъ какъ картина, ибо онъ все замѣчаетъ, и куетъ новыя слова для собственныхъ мыслей. Послѣ ужина завязался жаркій споръ объ архитектурѣ. Рѣчь шла о Пестумѣ, о Парѳенонѣ, о Прусскомъ архитекторѣ Шинкелѣ, о Ватиканскихъ ложахъ и проч. и проч. Каждый остался при своемъ мнѣніи, какъ то бываетъ обыкновенно. Брюлловъ вмѣшивался въ разговоръ только изрѣдка, какъ стрѣлокъ, который, выстрѣливъ разъ

или два, но мѣтко, потомъ выходитъ изъ сѣчи и наблюдаетъ за нею въ нѣкоторомъ разстояніи. Споръ былъ довольно продолжителенъ, не смотря на то, что на слѣдующій день ожидали насъ усталость и труды; было уже довольно поздно, когда мы улеглись спать въ повалку на полу.

Вторникъ $^9/_{21}$. — Я условился съ здѣшними провожатыми, чтобы они въ 4 дня доставили насъ чрезъ Аргосъ и Навплію въ Коринѳъ. Воспользовавшись вчерашнимъ отдыхомъ, мы отправились сегодня съ новыми, свѣжими силами; несмотря на это, наше путешествіе, при всей своей занимательности, было весьма тягостно. По всей дорогѣ не найдешь хорошаго ночлега; вина нѣтъ, молоко рѣдко, огородныхъ овощей нѣтъ вовсе; только въ баранинѣ и цыплятахъ нѣтъ недостатка. Всего болѣе огорчаетъ насъ то, что у насъ нѣтъ ни порядочныхъ сѣделъ, ни уздечекъ; впрочемъ, я самъ виноватъ, что не запасся ими. Докторъ Крамеръ, вскорѣ по выѣздѣ изъ города, желая остановить своего мула, дернулъ веревку, проведенную къ носу животнаго, и оно поскакало съ нашимъ ѣздокомъ прямо въ поле, усѣянное рожью. Рожь была такъ высока,

что докторъ въ ней скрылся совершенно; но мы недолго его искали: онъ слетѣлъ съ мула, и, по счастію, благополучно выпутался изъ веревокъ, служившихъ ему стременами. Этотъ случай задержалъ насъ нѣсколько, потому-что мула не могли поймать ближе, какъ у самихъ воротъ Триполицы. Мы еще утромъ вышли изъ долины Триполисской и начали подниматься въ гору, а къ полудню остановились у хана, или корчмы, стоящей, какъ полагаютъ, возлѣ развалинъ древняго города *Hysia.* Докторъ Крамеръ въ кучѣ развалинъ могъ узнать только городскую стѣну. Послѣ обѣда и полуденнаго отдыха мы продолжали свой путь, подымаясь часа полтора въ гору, пока не дошли до самой вершины горнаго хребта, составляющаго, по моему мнѣнію, границу между древнею Аркадіею и Арголидой. Около этихъ мѣстъ учреждено нѣчто въ родѣ таможеннаго заведенія, изъ котораго два солдата, въ полинявшихъ свѣтло-голубыхъ мундирахъ, вышли къ намъ съ допросомъ: по какому праву мы веземъ съ собою оружія, и имѣемъ ли на то законный видъ. Такъ какъ у меня его не было, то они довольно снисходительно предложили мнѣ: или оставить у нихъ оружіе, или ѣхать назадъ, по горамъ и камнямъ, въ Триполицу, чтобъ исходатайство-

вать законное позволеніе. Но мой Дмитрій не потерялъ головы; онъ имъ поставилъ на видъ, что мы путешественники не простые, а знатные, и подъ конецъ рѣчи такъ разгорячился, что предложилъ имъ отобрать у меня пистолеты и ружье, грозя, что имъ придется принести ихъ на собственныхъ плечахъ въ Аѳины. Не столько удивительно, что эти угрозы подѣйствовали — подобные случаи бываютъ и въ просвѣщенныхъ странахъ,—сколько то, что насъ пропустили, даже не требуя ничего на водку.

Трудно передать то удовольствіе, которое я почувствовалъ, достигнувъ вершины этихъ горъ. Вмѣсто долины, столько же неоживленной, какъ всѣ прочія, открылись предо мною синее море и равнина Аргоса, которой древнѣйшая исторія доходитъ до героическихъ временъ Геркулеса и Пелопидовъ. Признаюсь, однако же, что мнѣ болѣе всего понравился лазурный цвѣтъ залива съ его мелкими островами: Ипсили, Платіа и отдаленной, продолговатой Специи, а также и городъ Навплія, который, стоя у подошвы высокихъ скалъ, оттуда кажется очень невеликъ. Всѣмъ морскимъ путешественникамъ извѣстно, какъ пріятна первая минута, когда, послѣ продолжительнаго плаванія, достигаешь наконецъ берега. Я испыталъ

здѣсь подобное чувство, но только совершенно въ другомъ отношеніи, и убѣдился, что, послѣ труднаго путешествія въ странахъ гористыхъ и ненаселенныхъ, первый видъ моря, и особенно морскаго города, очень пріятенъ. Здѣсь по-крайней-мѣрѣ я вижу людей. Имъ извѣстны, хоть по слуху, тѣ страны, гдѣ живутъ близкіе моему сердцу, и я могу писать имъ оттуда, — словомъ, я какъ бы возвращаюсь въ просвѣщенное общество. Общество людей намъ необходимо; мы можемъ углубляться въ мечтанія о древнихъ, но не можемъ надолго отказаться отъ любви къ живымъ, и должны раздѣлять ихъ чувства, ихъ страсти, ихъ потребности. Къ тому же я могъ порадоваться, что первый періодъ моего путешествія кончился благополучно; никто не захворалъ ни отъ лихорадокъ, ни отъ простуды, не смотря на то, что мы спали подъ открытымъ небомъ. Въ случаѣ нужды, можно отправиться изъ Навпліи прямо въ Аѳины, а оттуда куда захочешь; такая увѣренность придавала намъ какую-то особенную бодрость духа и располагала къ дальнѣйшимъ трудамъ.

Аргосъ, находясь посреди равнины, видѣнъ издалека, когда приближаешься къ нему съ этой стороны. Не въ дальнемъ разстояніи отъ города,

много ключей выходятъ изъ горъ и стремятся въ равнину. Всѣхъ замѣчательнѣе, какъ быстротой, такъ и изобиліемъ воды, древній Эразинусъ, который приводитъ въ движеніе нѣсколько мельницъ и потомъ раздѣляется на разные ручьи, проведенные по полямъ. Мы нашли въ равнинѣ множество мужчинъ и женщинъ, занятыхъ уже жатвою и свозкой съ полей хлѣба на ослахъ. Еще нигдѣ въ Греціи не видалъ я такой дѣятельности. Самыя окрестности города заняты виноградными садами.

Я былъ принужденъ прибѣгнуть къ помощи полиціи, чтобъ достать себѣ квартиру, потому-что никто не хотѣлъ принять насъ добровольно. Здѣсь есть нѣсколько порядочныхъ домовъ; но намъ отвели двѣ комнаты въ самомъ дрянномъ трактирѣ.

Среда $^{10}/_{22}$. — Гомеръ называетъ Аргосъ *многожаждущимъ*; не знаю, отчего придалъ онъ ему этотъ эпитетъ: ключей около него множество; прилегающая къ городу страна болотиста и къ тому же море недалеко. Не потому ли онъ *многожаждущій*, что жаждущіе много пьютъ? По древнимъ описаніямъ, городъ находился частью на горѣ, частью въ равнинѣ. Нынѣшній городъ построенъ только на той части древняго, которая стояла на равнинѣ. Гора, на которой стоялъ знаменитый его *акрополисъ* (древняя Ларисса), находится внѣ его предѣловъ. Она круто поднимается изъ равнины и оченъ удобна, по своему положенію, для защиты города. До-сихъ-поръ на ней остаются обломки крѣпости, но это постройка Венеціанъ или Франковъ, и принадлежитъ къ среднимъ вѣкамъ; она заключаетъ въ себѣ, какъ часто случается, обломки древней скульпту-

ры или надписи. Остатки строенiй, совершенно древнихъ, состоятъ въ циклопскихъ массахъ разнаго времени. Часть ихъ послужила основанiемъ для построекъ Венецiанскихъ и переживетъ нетолько ихъ, но и всѣ будущiя постройки. Героическiя времена созидали для вѣковъ; еще по болѣе просвѣщенiя и мы будемъ строить только на продолженiе жизни человѣческой. Изъ всѣхъ остатковъ на этой классической горѣ самый интересный есть огромный театръ, который сооруженъ изъ самой горы такъ, что большая часть скамей высѣчена изъ дикаго камня. По сказанiямъ Павзанiя, онъ могъ вмѣщать 30,000 зрителей. Ликъ описываетъ подробно какъ этотъ, такъ и прочiе памятники. Докторъ Крамеръ сообщилъ мнѣ свои замѣчанiя, сдѣланныя на самомъ мѣстѣ. Я сохраню ихъ, какъ весьма занимательныя для тѣхъ, которые пожелаютъ предпринять путешествiе по Грецiи.

«Рано утромъ отправились мы изъ города къ замку. На сѣверовосточной сторонѣ, въ скалѣ, видна̀ пещера, неправильная и глубокая. Почему предполагаютъ здѣсь мѣсто Аполлонова прорицалища (Gell.)? Древнiе, идущiе вдоль всей почти подошвы горы, остатки стѣнъ, построены изъ кирпича и мелкаго камня; онѣ ка-

жутся мнѣ Римскими, но отнюдь не городскими. Возвышеніе, на которомъ стоитъ зàмокъ, скалисто и не представляетъ никакихъ слѣдовъ обитаемости. На горѣ не замѣтно въ наружной стѣнѣ новой крѣпости никакихъ слѣдовъ древней стѣны, но за то внутренній зàмокъ почти весь построенъ на древнемъ основаніи. Въ разныхъ мѣстахъ оно сохранилось различно, имѣетъ различный объемъ, различный родъ и принадлежитъ къ разнымъ временамъ. Я не находилъ вѣрнаго слѣда *древнихъ башенъ*; но видъ съ этого мѣста прекрасный: съ него представляется вся равнина до самой южной оконечности при Лернѣ; она окружаетъ пригорокъ, на которомъ стоитъ зàмокъ, со всѣхъ сторонъ. Горныя массы къ сѣверу менѣе величественны, но тѣмъ болѣе поражаютъ на югозападной сторонѣ. Эта ли масса Партеній? Выраженіе Страбона о Ларисѣ, что она *μετριως ευερκης* (хорошо ограждена), справедливо съ юговосточной стороны, гдѣ пригорокъ, на которомъ она построена, мало-по-малу теряется въ долинѣ; съ другихъ сторонъ онъ оканчивается крутыми скалами. Я пошелъ по этому скату въ часовеньку надъ театромъ. Означенную Джелломъ надпись я не могу найдти. Подъ нею, на восточномъ склонѣ, стоитъ театръ (по этому должно

предполагать, что храмъ Афродиты стоялъ на мѣстѣ часовенки Павзанія). Отъ него остались идущія вдоль ската горы, вырубленныя въ массивномъ извѣстковомъ камнѣ ступени: ихъ всего 71 и онѣ раздѣлены двумя оградами на три части; чѣмъ онѣ подымаются выше, тѣмъ короче полукруги и тѣмъ болѣе должно было быть пристроекъ; но отъ нихъ не осталось никакого слѣда. Діаметръ этихъ полукруговъ очень значителенъ; работа правильная и превосходная. Надъ высшими рядами сѣдалищъ идетъ родъ низенькихъ навѣсовъ съ небольшими корнизами, высѣченными также въ скалѣ: этимъ означается опредѣленно высота театра; въ древнія времена оркестръ, на другой сторонѣ, былъ вѣроятно только немногимъ ниже нынѣшняго. Сходя по ступенямъ театра внизъ, видишь вправо, шагахъ въ пятидесяти отъ него, въ равнинѣ, строеніе изъ кирпича, вѣроятно Римское. Главныя стѣны его сохранились довольно хорошо; все строеніе образуетъ продолговатый четвероугольникъ, обращенный фасомъ къ горѣ. При поспѣшности, съ какою я разсматривалъ это строеніе, я не могъ узнать, для какой цѣли оно служило; но кажется, что оно какимъ-нибудь образомъ находилось въ связи съ театромъ. На томъ же восточномъ склонѣ зàмка, далѣе къ

сѣверу и въ направленіи къ городу, находится часть циклопской стѣны. Это не часть городской стѣны, какъ предполагаетъ Джеллъ, а фундаментъ храма, стоявшаго на боку горы. Еще очень замѣтна терраса, закрытая этимъ простѣнкомъ, и имѣются также очень любопытные остатки отъ храма. Нижняя часть его была высѣчена въ скалѣ. Основу составляетъ простой квадратъ, передняя часть открыта. Въ задней стѣнѣ примѣтны пристройки изъ кирпича и нишь, относящаяся къ позднѣйшимъ временамъ. Упомянутые прежде остатки кажутся мнѣ весьма древними. На фундаментѣ видны два неглубоко врѣзанные рельефа, съ слѣдами надписей, почти совершенно стертыхъ, но отнюдь не относящихся къ отдаленнымъ временамъ.

Поѣздка въ Навплію.—Туда ведетъ шоссе, чрезъ равнину, которая, удаляясь отъ Аргоса, является менѣе хорошо обработанною. Тиринѳскій пригорокъ находится на довольно невидномъ мѣстѣ, и мало возвышается надъ равниною. Ближайшія окрестности Навпліи необработаны и некрасивы. Крѣпость смѣло возвышается на огромной скалѣ, надъ городомъ, который не представляетъ ничего замѣчательнаго. Съ возвышенія, на которомъ стоитъ крѣпость, представляется прелестный

видъ города и моря. Городъ опирается на сѣверовосточную сторону вдающагося въ море небольшаго скалистаго полуострова, въ то же время образующаго пристань и имѣющаго на своей вершинѣ укрѣпленія. Другое неприступное укрѣпленіе изъ скалъ находится на склонѣ горъ, тянущихся на сѣверовостокѣ этого полуострова.

На обратномъ пути посѣтили мы Тиринѳъ, весьма любопытный по своимъ стѣнамъ, хорошо сохранившимся. Объемъ его удивительно малъ; въ немъ едва ли могъ заключаться цѣлый *городъ*, и гораздо вѣроятнѣе, что здѣсь находилась только настоящая крѣпость (цитадель). Въ планѣ Лика массы и соотношенія показаны не совсѣмъ вѣрно; кромѣ того вовсе не означены небольшіе ворота съ острымъ сводомъ, находящіеся въ сторонѣ большой дороги. На чемъ также онъ основываетъ предположеніе галлереи, и что̀ именно онъ подразумѣваетъ подъ этимъ, я не могу никакъ угадать. Очень сомнѣваюсь, чтобы, по мнѣнію Джелля, подлѣ лѣстницы находилась башня; но тамъ находится отдѣльный съ трехъ сторонъ отрѣзъ огромной стѣны. Эта лѣстница очень странна: чрезъ нее и относительно ве-

ликое число воротъ твердость крѣпости должна была очень уменьшиться.»

Остатки Аргоса чрезвычайно любопытны, когда вспомнишь, до какой глубокой древности они восходятъ; надобно также вспомнить при этомъ, что просвѣщеніе и миѳологія Египта и Малой Азіи вѣроятно распространились по Греціи чрезъ этотъ городъ.

Нашедъ старую коляску, я нанялъ ее, чтобъ ѣхать до Навпліи или Наполи ди Романія, до которой отъ Аргоса два часа ѣзды, по шоссе, которое напоминаетъ путешественнику, что здѣсь была учреждена столица Греціи президентомъ ея, Каподистрія. Я едва примѣтилъ развалины древняго города Тиринѳа, на лѣвой сторонѣ дороги, на возвышеніи. Меня въ то время, признаюсь, болѣе занималъ видъ отдаленныхъ военныхъ кораблей, которые салютовали крѣпости города, еще за годъ предъ симъ бывшаго столицею новаго королевства. Какой націи эти корабли? по какому случаю явились они у этихъ береговъ, еще столь бѣдныхъ и столь мало населенныхъ, что ихъ едва ли можно причислить къ семейству Европейскихъ государствъ? Приближаясь къ какому нибудь городу, послѣ продолжительнаго отсутствія, мы всегда чувствуемъ

какое-то безпокойство: не произошло ли какихъ нибудь важныхъ перемѣнъ въ томъ обществѣ, отъ котораго мы были такъ долго отчуждены? Чувство это должно быть несравненно сильнѣе, когда, возвращаясь изъ странъ, столь мало населенныхъ и столь дикихъ, видишь вдругъ на рейдѣ флотъ военный и флагъ иностранный. Даже безъ этого явленія будущая участь Греціи сама по себѣ довольно любопытна; но этотъ флотъ, на которомъ я скоро замѣтилъ трехцвѣтный флагъ Франціи, доказываетъ, сколько участія вся Европа принимаетъ въ разрѣшеніи этой загадки. Продолжая путь свой къ городу и нетерпѣливо желая узнать въ немъ что̀-нибудь достовѣрное, я встрѣтилъ предметъ совершенно въ иномъ родѣ, который также меня смутилъ. Это была телѣга съ одною лошадью подъ дугой. Я узналъ Русскую упряжъ — слабый памятникъ времени, проведеннаго моими соотечественниками въ этой странѣ и участія, принятаго ими въ ея освобожденіи. — Проѣхавъ еще около полверсты, достигнули мы большаго каменнаго дома, о которомъ я не могу умолчать. Домъ этотъ былъ выстроенъ на счетъ націи, и назначенъ въ жилище президенту Каподистрію. Но президентъ, вѣрно постыдившись жить въ

единственномъ порядочномъ домѣ Греческомъ, между-тѣмъ какъ всѣ его соотечественники оставались въ своихъ бѣдныхъ хижинахъ, учредилъ въ немъ практическій хуторъ, изъ котораго выѣхала попавшаяся намъ телѣга. Этотъ хуторъ кажется очень запущенъ, но сѣмя брошено въ землю и когда-нибудь принесетъ добрый плодъ.

Когда я доѣхалъ до городской стѣны, кучеръ слѣзъ съ козелъ и выпустилъ меня изъ коляски, потому-что въѣздъ во внутренность города запрещенъ. Бродя по улицамъ, я искалъ Русскаго консула и гостиницы, и не замѣтилъ въ городѣ ничего особенно характеристическаго. Улицы правильны, дома довольно порядочны; кое-гдѣ есть площади; но Грековъ, по-крайней-мѣрѣ въ Греческомъ платьѣ, почти не видать. — Солдаты въ свѣтло-голубомъ мундирѣ и нѣсколько Франковъ шатаются по неоживленному городу, который онѣмечился и онѣмѣлъ. Имена улицъ написаны на угольныхъ домахъ на Греческомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. — Читая такая-то и такая-то Strasse, и не слыша между-тѣмъ почти человѣческаго голоса, можно легко обмануться и вообразить, что находишься въ Штетинѣ, а не въ Наполи ди Романіа. Жители, кажется, также удивляются прибытію Французскаго флота, но не показы-

ваютъ большаго любопытства и не выбѣгаютъ на морской берегъ, чтобъ наслаждаться лицезрѣніемъ гостей своихъ. Въ этомъ случаѣ они, кажется, показываютъ болѣе гордости, чѣмъ Италіанцы. Я спросилъ одного Грека не знаетъ ли онъ, съ какою цѣлью явилась эта эскадра? Не знаемъ, отвѣчалъ онъ, но во всякомъ случаѣ кораблямъ не взлѣзть на горы! Этимъ хотѣлъ онъ намекнуть на горы, возвышающіяся на противоположной сторонѣ залива, за которыми Майноты находятся въ безпрестанномъ возмущеніи. Здѣсь примѣтно общее неудовольствіе на перенесеніе столицы изъ сего города въ Аѳины. Мнѣ показалось, что народъ здѣшній былъ менѣе занятъ прибытіемъ Французской эскадры, чѣмъ выпускомъ на волю стараго и знаменитаго паликара Колокотрони, который находился цѣлый годъ въ тюрьмѣ, и сегодня только получилъ свободу. Мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось его видѣть. Пока намъ готовили обѣдъ въ весьма порядочной гостинницѣ, содержатель которой жилъ нѣсколько лѣтъ въ Одессѣ, я съѣздилъ на Французскій адмиральскій корабль Suffren. Много офицеровъ расхаживало по палубѣ; они хохотали и, какъ говорится, переливали изъ пустаго въ порожнее. Какая противоположность съ краспорѣчивымъ

безмолвіемъ Востока! На этомъ кораблѣ было около 90 пушекъ. Онъ отличался необыкновенною чистотою во всѣхъ частяхъ; но такъ какъ капитанъ ожидалъ гостей, то это и не удивительно. О чистотѣ и порядкѣ можно судить только, когда корабль въ ходу. Я на морякъ, и не могу дать мнѣнія объ этомъ кораблѣ; но мнѣ показалось, что украшенія на немъ слишкомъ массивны и неуклюжи, и что нѣтъ въ немъ той простоты и тонкаго вкуса, которые видны на Англійскихъ судахъ, столь удобныхъ къ ежедоевному употребленію. Подъ кормою входъ въ каюту адмирала Massieu de Clerval, а надъ нею надпись бронзовыми буквами: Patrie et honneur.

Возвратившись съ корабля въ городъ, мы остались въ немъ только пообѣдать и отправились обратно въ Аргосъ, для продолженія нашихъ наблюденій надъ древнею Греціей. Что̀ же касается до новой, то я видѣлъ въ Наполи ди Романіа: крѣпость, стоящую на высокой скалѣ и до-сихъ-поръ называющуюся Паламидой, городъ пустой и полунѣмецкій, флотъ Французскій, трактирщика изъ Одессы, и вся эта пестрая картина была освѣщена, по-крайней-мѣрѣ въ моихъ глазахъ, самымъ сумрачнымъ небомъ. Можетъ быть статистическое описаніе города и то, сколько убыло жите-

лей и денегъ послѣ переѣзда короля въ Аѳины, было бы интереснѣе, чѣмъ простыя впечатлѣнія; но я могу только писать о томъ, что видѣлъ, а подробности можно угадать по общему изображенію. На обратномъ пути мы остановились, чтобъ осмотрѣть циклопскія развалины Тиринѳа (по нынѣшнему *Палаіо Анапли*). Развалины сіи представляютъ древнѣйшій образецъ того первобытнаго и огромнаго рода зодчества, которое время, кажется, уважило, потому-что тутъ искусство человѣческое почти не измѣняетъ формы натуральной. Одна скала навалена на другую, и обтесанный камень всунутъ только въ промежуткахъ. Впрочемъ циклопская архитектура бываетъ разныхъ временъ и родовъ. Послѣдній есть тотъ, гдѣ каменныя массы нетолько обтесаны, но еще регулярной квадратной формы. Въ развалинахъ Тиринѳа всѣ эти разницы примѣтны и показываютъ, что это произведеніе не одного, а нѣсколькихъ вѣковъ. Гомеръ говоритъ о стѣнахъ этихъ, и я не знаю, какая причина могла бы помѣшать имъ устоять еще столько же, сколько онѣ стояли до нашихъ дней. Болѣе утонченныя формы классическихъ временъ пали жертвою варварскихъ вѣковъ, послуживъ для новыхъ построекъ; но, какъ справедливо замѣчаетъ Ликъ, циклопскія

массы были слишкомъ неуклюжи, и не стоило труда перемѣщать ихъ; теперь онѣ какъ бы усыновлены природой, и то, что было когда-то зданіемъ, теперь сдѣлалось холмомъ. Судя по малому объему развалинъ, здѣсь не могъ быть городъ, а развѣ только крѣпость. Описаніе Лика очень занимательно, но признаюсь, я не замѣтилъ того, что онъ называетъ галлереями. Напротивъ, двери и наклонная площадь, ведущія къ одному изъ выходовъ, до-сихъ-поръ очень явны. Мы пріѣхали на ночь въ Аргосъ и остановились въ томъ же самомъ трактирѣ, гдѣ жили наканунѣ.

Четверкъ $^{11}/_{23}$. Сегодня рано поутру мы опять были на коняхъ, и караванъ нашъ, начинавшiйся пѣшимъ провожатымъ, и оканчивавшiйся лошадьми съ нашею поклажей, вытягивался длинною линiей въ направленiи къ Коринѳу. Мы скоро доѣхали до дикихъ и каменистыхъ горъ, которыя, соединяясь съ-права и съ-лѣва, ограничиваютъ къ сѣверу долину Аргоса. Часа черезъ два мы прiѣхали въ бѣдную даже для Грецiи деревню Кравата, возлѣ которой гора скрываетъ совсѣмъ отъ дороги развалины Микенъ, бывшей столицы Агамемнона. Мы остановились, чтобъ осмотрѣть эти остатки, которые Ликъ очень основательно полагаетъ самымъ замѣчательнымъ во всей Грецiи памятникомъ героическихъ временъ. Городъ былъ построенъ на возвышенiи, въ долинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ горами, такъ что его положенiе было, такъ сказать, отдѣлено отъ всѣхъ сосѣднихъ мѣстъ.

Огромные остатки циклопскихъ стѣнъ, кое-гдѣ поправленные Греческой работой, тянутся вдоль этой уединенной долины, и я долженъ признаться, что это исполинское зодчество нигдѣ не производило на меня такого впечатлѣнія, какъ здѣсь. Этими самыми стѣнами укрѣплялось царское мѣстопребываніе покорителя Трои, потому-что это зодчество современно эпохѣ, описанной въ Иліадѣ. При самомъ поверхностномъ сравненіи массы камней, можно узнать самую древнѣйшую часть этихъ развалинъ. Надъ воротами, ведущими въ городъ и еще сохранившимися въ цѣлости, высѣчены въ самомъ камнѣ два огромные льва. Львы эти суть остатки самаго древнѣйшаго ваянія извѣстнага міра, и ни варварство, ни просвѣщеніе не могли лишить ихъ первоначальнаго ихъ мѣста. Къ несчастію, та часть, на которой были вырѣзаны двѣ львиныя головы, отломана. Наружная сторона этихъ воротъ укрѣплена выступающею стѣной, цѣлью которой, говоритъ Ликъ, было атаковать правый т. е. незакрытый щитомъ бокъ непріятеля. Даже глядя на эти остатки, едва ли можно себѣ вообразить, какое было первоначальное ихъ великолѣпіе: ибо двѣ трети этихъ воротъ погружены теперь въ землю и закрыты развалинами, подъ которыми они на вѣки оста-

нутся скрытыми. Грустно это сказать, но нельзя не быть увѣреннымъ въ томъ, ибо соръ здѣсь слишкомъ тяжелъ и не для чего взрывать его, какъ только развѣ для науки, всегда бѣдной собственными средствами.

Другой памятникъ, принадлежащій Микенамъ, не уступаетъ важностью своею львинымъ воротамъ и сохранился гораздо лучше ихъ. Это огромное подземное строеніе, находящееся во внутренности горы, отдѣляющей бывшій городъ отъ теперешней дороги. Ученые называютъ его двояко: одни говорятъ, что это была сокровищница Агамемнона, другіе - его гробница. Между самими жителями подземелье это называется гробницею, и мнѣ кажется, что мнѣніемъ ихъ не должно пренебрегать, какъ бы непросвѣщенны и грубы они ни были. Преданіе, идущее даже отъ самыхъ отдаленнѣйшихъ временъ, всегда заслуживаетъ вниманіе; оно подобно рѣкѣ, почти изсохшей или обмѣлѣвшей отъ боковыхъ каналовъ, но все еще текущей и утоляющей струями своими жажду путника. Это подземелье, что̀ бы оно впрочемъ ни было, сокровищница или гробница, состоитъ изъ двухъ комнатъ. Главная имѣетъ правильную коническую форму и освѣщается треугольнымъ окномъ, продѣланнымъ

надъ дверьми. Стиль этого зданія болѣе походитъ на Египетскій, или, какъ говоритъ Ликъ, на древній Персеполійскій, чѣмъ на Греческій. Пирамидальная форма строенія, огромныя массы камней, между которыми одинъ имѣетъ около 4 саженей въ длину, и прекрасная кладка этихъ обтесанныхъ и плотно другъ съ другомъ соединенныхъ камней, все отличаетъ Агамемнову гробницу и отъ циклопскаго и отъ классическаго стиля. Я нанялъ нѣсколько работниковъ, чтобъ очистить землю до самаго пола, и, хотя мы не нашли ни какихъ сокровищъ, но могли по крайней-мѣрѣ узнать точную вышину этой комнаты. Внутренняя комната соединяется съ коническою посредствомъ дверей; но она такъ темна, что мы могли видѣть ее только, благодаря огню, разведенному нашими провожатыми. Ея форма квадратная, и нельзя сказать навѣрное, высѣчена ли она была въ дикой скалѣ или обложена камнемъ какъ другія. Жители говорятъ, что въ этой самой горѣ находятся еще три такія подземелья, но я видѣлъ только одно это. Кто ихъ соорудилъ и для какой цѣли? Вопросъ этотъ вѣроятно погруженъ, какъ и львиныя ворота, на двѣ трети въ землю. На изслѣдованіе этого мѣста должно бы посвятить по-крайней-мѣрѣ цѣлый мѣсяцъ, оставаться же

два или три дня было бы совершенно безполезно. Итакъ, осмотрѣвъ слегка все, описанное мною здѣсь вкратцѣ, я возвратился въ деревеньку Криватія, и, отобѣдавъ съ товарищами своими подъ фиговымъ деревомъ, мы отправились въ путь, какъ только жаръ нѣсколько поуменьшился.

Дорога наша пролегала между сближавшимися съправа и сълѣва горами, вдоль рѣчки, обросшей совершенно олеандрами. Послѣ двухъ часовъ пути по этому тѣсному и живописному ущелью, мы начали подыматься на небольшую гору, съ вершины которой взорамъ нашимъ открылись развалины Немейскаго храма во всей тишинѣ прекраснаго вечера. Эти остатки состоятъ изъ разныхъ обломковъ, посреди которыхъ только три колонны еще устояли на мѣстахъ своихъ. Ихъ формы гораздо продолговатѣе настоящей дорической, которая видна въ храмѣ Аполлона и почти во всѣхъ Греческихъ храмахъ; вообще находятъ, что она слишкомъ бѣдна и не придаетъ колоннамъ вида важности и твердости. Я понимаю, что въ массѣ строенія онѣ не удовлетворяютъ вполнѣ взоровъ, но въ теперешнемъ положеніи, когда каждая колонна является порознь, эта тонкая продолговатая форма очень красива. Мнѣ кажется, что и этимъ послѣднимъ тремъ колоннамъ стоять не-

долго, и что онѣ скоро сравняются съ землей. На одной изъ нихъ капитель держится только краемъ, и ждетъ перваго землетрясенія или сильной бури, чтобъ упасть. Эта осиротѣвшая группа трехъ колоннъ, стоя посреди большой равнины, окруженной горами, производитъ прекрасное дѣйствіе. Сколько столѣтій отъ баснословныхъ временъ Немейскаго льва до временъ торжественныхъ Немейскихъ игръ, воспѣтыхъ Пиндаромъ и Ѳеокритомъ, и отъ нихъ до насъ, спятъ здѣсь непробуднымъ сномъ! Полагаютъ, что самый храмъ сей, посвященный Юпитеру, былъ выстроенъ въ періодъ между *Персидской* и *Пелопонезской* войнами, т. е. въ самое то время, когда Пиндаръ прославлялъ эту страну стихами, болѣе вѣковыми, чѣмъ мраморныя громады *. Брюлловъ сдѣлалъ легонькой рисунокъ всей долины, храма и отдаленной горы *Απεσας* (Апезасъ) на которой были приносимы жертвы Юпитеру ** и которая имѣетъ форму большаго натуральнаго олтаря.

Располагаясь провести ночь въ развалинахъ храма, мы не были аттакованы дракономъ, нѣкогда страшнымъ въ этомъ мѣстѣ, но чуть не легли спать

* Ликъ.

** Павзаній 2-я книга, Corinth. Глава XV.

на большую и прегадкую жабу, въ которую, кажется, переродился прежній геній этого мѣста. Эти животныя, часто ядовитыя, живутъ почти какъ драконы, и хотя одинъ изъ моихъ товарищей каменьями превратилъ жабу въ жидкость, въ ней было примѣтно еще сильное трепетаніе. Онѣ особенно любятъ развалины и змѣи также часто тамъ показываются. Теперь кстати упомянуть о большомъ числѣ черепахъ, которыя видны безпрестанно по дорогамъ въ Мореѣ, ибо храмъ Немейскій былъ, по описанію Павзанія, украшенъ каменнымъ изображеніемъ этого животнаго, встрѣчаемаго также довольно часто на монетахъ Коринѳскихъ. Видно, что древніе почитали черепаху характерною чертою этой страны.

Пятница 12/24. — Довольно рано утромъ мы выѣхали изъ храма, въ которомъ ночевали подъ открытымъ небомъ, и, проѣхавъ мимо разсыпанныхъ около него остатковъ древнихъ зданій, пустились по лугамъ рысью на Коринѳскую дорогу. Возлѣ хана или корчмы Кортеза усмотрѣли мы, съ дороги, остатки древняго города *Κλεονη* (Клеоне). Съ этого мѣста мы впервые увидѣли великолѣпную вершину Акрокоринѳа. Скоро мы выѣхали изъ луговъ, и путь, проведенный то по одной, то по другой сторонѣ рѣчки, ограничивался съ обѣихъ сторонъ дикими безплодными горами, которыя все болѣе и болѣе съуживались въ направленіи къ сѣверу. Мы обратились изъ этого оврага къ западу т. е. на правую руку. Горы сохраняютъ тотъ же характеръ, но на лѣвой рукѣ открывается видъ Лепантскаго залива и садъ оливковыхъ деревьевъ. Спустясь нѣсколько съ вершины, по

которой проведена дорога, мы наконецъ увидѣли гору Акрокоринѳъ во всемъ ея размѣрѣ, круто подымающуюся изъ равнины. Много развалинъ укрѣпленій видно на ней, но мнѣ кажется, что большая часть сихъ остатковъ принадлежитъ къ постройкамъ Венеціанской и Турецкой эпохъ. У подножія горы видѣнъ, верстахъ въ пяти или семи, новый городъ Коринѳъ, который тѣмъ бѣднѣе кажется, чѣмъ ближе къ нему подъѣзжаешь. Семь тяжелыхъ дорическихъ колоннъ, самихъ толстыхъ во всей Греціи, — вотъ единственный остатокъ храма, исчезнувшаго съ земли и будто во гробъ упавшаго. Г. Ефимовъ находитъ, что онѣ своимъ характеромъ походятъ на Пестумскія, и гораздо тяжелѣе тѣхъ, которыя мы видѣли въ храмѣ Аполлона. Онѣ столькоже толсты, противъ этого послѣдняго образца, сколько видѣнныя нами вчера въ Немеѣ тонки и высоки. Даже глазамъ, привыкнувшимъ къ бѣдности Греческихъ городовъ, тяжело видѣть теперешнюю бѣдность Коринѳа, который, въ числѣ первыхъ Греческихъ республикъ, славился просвѣщеніемъ и науками, и болѣе всѣхъ другихъ городовъ противился владычеству Римлянъ. Пока мои товарищи отдыхали отъ тяжелаго путешествія по дикой странѣ и подъ палящимъ солнцемъ, я посѣтилъ умнаго и весьма пріятнаго

гражданина, которому былъ рекомендованъ нашимъ консуломъ въ Наполи ди Романія. Онъ мнѣ сообщилъ разныя, весьма любопытныя свѣдѣнія о теперешнемъ статистическомъ положеніи Греціи, велѣлъ нанять для меня лодку, въ которой я сегодня же вечеромъ отправлюсь въ Scala di Salona, чтобъ оттуда посѣтить Дельфы, Ѳивы и проч. и въ добавокъ прислалъ мнѣ два графина порядочнаго вина, которые мы скоро осушили. *

* Окончивъ въ этомъ пунктѣ поѣздку мою по Мореѣ, я теперь помѣщу здѣсь сдѣланный впослѣдствіи краткій обзоръ пройденной мною страны. Если мои наблюденія поверхностны, то они по-крайней-мѣрѣ имѣютъ то достоинство, что собраны на мѣстѣ и переданы мною согласно тому впечатлѣнію, какое они произвели во мнѣ.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ О МОРЕѢ

ВЪ ГЕОГРАФИЧЕСКОМЪ И СТАТИСТИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

Поѣздка моя въ Морею доставила мнѣ новый случай замѣтить на самомъ себѣ, сколь ошибочны бываютъ наши понятія о странахъ, извѣстныхъ намъ только по однѣмъ описаніямъ, и какъ измѣняются они, когда мы можемъ повѣрить ихъ собственными наблюденіями. То даже, въ чемъ я не ошибался, сохраняя прежнюю форму, представляется мнѣ уже не въ тѣхъ краскахъ, въ какихъ рисовалось оно въ моемъ воображеніи: я нахожу въ немъ всегда что-нибудь новое, чего нѣтъ въ описаніяхъ. Я себѣ воображалъ Морею страной гористой, голой и опаленной солнцемъ. Въ этомъ мнѣніи поддерживали меня нетолько выраженія Гомера *πολυδιψον* «многожаждущій» въ отношеніи къ Аргосу, *ημαθοεις* «песчаный,» слово, употребленное для описанія Пилоса, и многія другія; но еще

свидѣтельство всѣхъ почти путешественниковъ, и самыя картины, привезенныя ими. Увидѣвъ своими глазами всѣ эти мѣста, я долженъ былъ сознаться, что наблюденія, сдѣланныя надъ ними, были самыя точныя и истинныя, но что я имъ придавалъ слишкомъ большой или слишкомъ малый размѣръ, и по этой причинѣ самъ себѣ составилъ картину ошибочную. Напримѣръ, почти во все время моего путешествія по Мореѣ, ѣхалъ я по горамъ и долинамъ, часто дикимъ и безлюднымъ, часто также изобилующимъ прохладными мѣстами, покрытымъ рощами и пересѣкаемымъ ручьями, которые нетолько освѣжали землю и воздухъ, но одушевляли ими всю страну. Когда мы ѣхали по долинѣ Альфея, намъ хотѣлось на каждомъ шагу останавливаться, чтобъ снять картину, прелестную по свѣжести перваго плана и нѣжнымъ краскамъ отдаленныхъ горъ. Рисунокъ, представляющій мѣсто нашего ночлега, близь Фигаліи, можетъ дать понятіе о множествѣ другихъ мѣстъ тамошняго края, немenѣе свѣжихъ и пріятныхъ. Но если обратиться отъ природы къ жизни человѣческой, видно, что этотъ прелестный край весьма неодушевленъ. Каждый день встрѣчаются каменные памятники героискихъ вѣковъ и просвѣщеннаго времени Перикла,

но слѣды нынѣшняго поколѣнія и рѣдки и бѣдны до крайности. Такъ мало видно народу, что даже не вспоминаешь о событіяхъ, не такъ давно здѣсь свершившихся. Хотя нѣсколько мелкихъ городовъ въ развалинахъ свидѣтельствуютъ о бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ съ 1821 года въ войнѣ съ Турками, но малочисленность народонаселенія такова, что нельзя принимать большаго участія въ его положеніи. Притомъ видно, что подъ столь прекраснымъ небомъ достаточно и этихъ хижинъ для жительства, и что народъ нетолько не терпитъ недостатка въ землѣ, главномъ источникѣ богатства, но даже имѣетъ ее гораздо болѣе, чѣмъ сколько можетъ обработать. Прочитавъ исторію Греческой революціи, ожидаешь видѣть землю, еще дымящуюся слѣдами опустошенія, народъ, еще пылающій желаніемъ битвы, по-крайней-мѣрѣ неусыпно и дѣятельно пекущійся о защитѣ земли, столь дорогою цѣною искупленной отъ ига; но всякій, бывшій въ Мореѣ, объѣхавъ ее отъ одного конца до другаго, сознается, что онъ нигдѣ не примѣчалъ этого восторга. Я даже скажу болѣе: Греки, повидимому, очень лѣниво принимаются за обработку земли, стоившей имъ столько крови. Въ приморскихъ городахъ, по множеству мелкихъ судовъ, видна наклонность Грековъ

къ мореплаванію; но, и при Туркахъ, они едвали были менѣе предпріимчивы, а между тѣмъ непримѣтно, чтобъ они заботились объ искусственномъ укрѣпленіи мѣстъ, столь важныхъ для безопасности отечества. Во внутренности полуострова не видать ни малѣйшей торговли, и только изрѣдка встрѣчаешь слѣды земледѣлія. Вокругъ деревень поля подъ хлѣбомъ или виноградомъ простираются не болѣе какъ версты на полторы; на возвышенностяхъ же много плодородной земли, совершенно запущенной, или занятой единственно стадами козъ и овецъ. При видѣ этой мертвой тишины, невольно заключаешь, что при Туркахъ здѣсь было болѣе жизни. Но неужели сами жители и помѣщики не знаютъ цѣны своего богатства, и развѣ прежніе ея обладатели оставили его добровольно, и земля досталась нынѣшнимъ жителямъ также легко, какъ родовое наслѣдство изнѣженному вельможѣ? Исторія утверждаетъ противное; но есть нѣкоторыя обстоятельства, какъ въ физическомъ положеніи полуострова, такъ и въ образѣ, какимъ онъ перешелъ во владѣніе настоящихъ жителей, которыя могутъ объяснить эту мнимую несообразность.

Я начну легкимъ обозрѣніемъ мѣстности. Всѣмъ извѣстно, что полуостровъ, названный въ древно-

сти Пелопонезомъ, принялъ въ среднихъ вѣкахъ отъ Венеціанъ имя Мореи, по сходству наружнаго его очерка съ формою листа тутоваго дерева (morus). Со всѣхъ сторонъ море вдается въ твердую землю посредствомъ семи глубокихъ заливовъ, считая и тѣ два, которые отдѣляютъ Морею отъ материка Греціи. Такимъ-образомъ нѣтъ ни одного пункта во всемъ полуостровѣ, съ котораго бы нельзя было пѣшеходцу дойдти дня черезъ два или три до морскаго берега. Разумѣется, что въ странѣ гористой, обратный путь долженъ быть тягостнѣе, ибо надо подыматься съ морской плоскости въ гору.

Главная возвышенность, образующая своимъ характеромъ и формой всѣ части полуострова, и къ которой менѣе возвышенныя горы принадлежатъ, будто отдѣленные ея члены или разбросанные обломки, есть цѣпь горъ, простирающаяся отъ Калавриты къ сѣверу до горъ Пентидактилона (древняго Тайгета) къ югу. Во время пути нашего изъ Мираки въ Фигалію мы видѣли, когда обращались назадъ, снѣжныя вершины сѣверной или Калавритской части хребта, возвышающейся надъ лѣсистыми и болѣе низкими Альфейскими горами, а вершины Тайгета, также покрытыя снѣгомъ, остались у насъ по правую руку, когда мы

спускались изъ деревни Каріесъ въ долину Синано. Между этими двумя концами, самыми возвышенными во всей цѣпи, видъ горъ не прекращается. Онѣ только спускаются немного къ той части, гдѣ Альфей *нашелъ* свое природное русло, и потомъ начинаютъ подниматься, какъ волны, другъ надъ другомъ.

Такимъ-образомъ, пересѣкая своими главными или побочными вѣтвями весь полуостровъ, цѣпь этихъ горъ, каменистыхъ и крутыхъ, затрудняетъ земледѣліе, и, раздѣляя всю страну на множество независимыхъ другъ отъ друга долинъ, препятствуетъ свободному сообщенію народа. Самая возвышенная ея часть, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самая дикая и неплодородная, находится въ эпархіи Калавриты т. е. близъ самаго центра всей Мореи.

Народы, слѣдуя влеченію выгодъ, такъже неизмѣнно, какъ рѣки слѣдуютъ стремленію, данному покатостью земли къ океану, расположились ближе къ берегамъ морскимъ по разнымъ сторонамъ этой главной массы; а въ самой ея срединѣ поселился народъ пастушескій, бѣдный и менѣе образованный прочихъ, и именно по этой причинѣ, равно какъ и по свойству природы, болѣе склонный защищать свои горы отъ сосѣдей, чѣмъ от-

крывать свободный пропускъ торговлѣ, въ которой не имѣетъ никакой надобности.

Перейдемъ отъ внутренности полуострова къ странамъ, его окружающимъ, и мы увидимъ, что обстоятельства, совершенно противоположныя безплодію внутренности, манятъ жителей къ берегамъ. Кромѣ того, что они имѣютъ болѣе средствъ къ пропитанію своему на земляхъ низменныхъ, чѣмъ на горахъ, они находятся, сверхъ-того, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ разными странами внѣ полуострова и изобилующими всѣми произведеніями. Сѣверный берегъ Мореи отдѣляется узкимъ проливомъ отъ хлѣбородной равнины Віотійской. Въ виду западнаго берега возвышается прекрасный Занте, самый плодородный и богатый изъ всѣхъ Іоническихъ острововъ. Южный берегъ находится также въ незначительномъ разстояніи отъ разныхъ мелкихъ острововъ, а восточный отъ береговъ Аѳинскихъ и отъ Цикладскихъ острововъ. Каждый изъ этихъ пунктовъ Мореи геометрическимъ размѣромъ ближе къ своему заморскому сосѣду, чѣмъ къ центру полуострова, но еще несравненно ближе къ первымъ, чѣмъ къ послѣднему, если принять въ соображеніе трудность переходить горы съ легкостію плаванія по спокойному морю, при

благопріятныхъ вѣтрахъ и частыхъ убѣжищахъ отъ непогоды. Нетолько средства сообщенія съ чужими краями весьма легки, но есть даже гораздо болѣе причинъ, привлекающихъ къ дальнему мореплаванію, чѣмъ къ путешествію во внутренность полуострова. Морея, находясь между самыми плодородными землями въ мірѣ, — Италіей и Малой Азіей, можетъ, посредствомъ свободнаго сообщенія съ ними, гораздо легче и дешевле пріобрѣтать ихъ произведенія, чѣмъ воздѣлывать свою собственную почву. Такимъ-образомъ кажется, будто каждая часть полуострова, выходящая въ море, оттянута отъ общаго центра въ противную сторону. Мы дѣйствительно знаемъ, что Пелопонезъ получилъ свое просвѣщеніе отъ Малой Азіи и Египта, а простиралъ, во время своего могущества, вліяніе свое до Сициліи и Италіи, хотя былъ самъ раздѣленъ на нѣсколько независимыхъ республикъ, и слѣдовательно должно заключить, что какими бы выгодами онъ ни былъ одаренъ, природа не создала его такъ, чтобъ онъ могъ составлять одно нераздѣльное и хорошо организованное государство. Впрочемъ я не вхожу здѣсь въ разборъ военныхъ способовъ полуострова, относительно защиты противъ внутренняго или внѣшняго нападенія, но говорю просто о натуральныхъ причинахъ, ко-

торыя побуждаютъ жителей обитать на берегахъ моря отдѣльно другъ отъ друга, и обращать мало вниманія на обработаніе земли и на внутреннія сношенія.

Мнѣ кажется, что этотъ взглядъ на мѣстныя обстоятельства можетъ объяснить причину, почему характеръ, данный будто судьбою жителямъ каждой земли, остался, въ одномъ отношеніи, неизмѣннымъ у Грековъ до нашего времени. Я говорю объ ихъ отвращеніи къ сельскимъ работамъ, которое заслуживаетъ особенное вниманіе. Правда, первые Греки, при полученіи образованія изъ Египта, не показывали еще этого отвращенія, видя мистическую аналогію между земледѣліемъ и торжественными обрядами поминовенія мертвыхъ, бывшими, такъ сказать, основаніемъ всей ихъ религіи. Они умоляли тѣ же самыя божества—Плутона и Цереру—о сѣмени, сокрытомъ въ землѣ и о прахѣ, положенномъ въ гробъ; но это первоначальное уваженіе къ земледѣлію недолго продолжалось, хотя обрядъ, вмѣстѣ съ нимъ принесенный, сохранился въ Греціи во всей своей силѣ до временъ христіанскихъ. Въ эпоху Ликурга, земледѣльческіе труды считались подлымъ занятіемъ, достойнымъ однихъ рабовъ. Прошли вѣка, совершились многіе политическіе перевороты, но

главная черта характера сохранилась. Теперешній Грекъ, имѣющій средства завести барку, гнушается пашнею, какъ каторгою, и предоставляетъ ее самому бѣдному изъ своихъ соотечественниковъ. Пастушеская жизнь была тогда, какъ и теперь, почетнѣе, оттого что въ ней менѣе труда, и она теперь занимаетъ жителей нагорной стороны, точно такъже, какъ въ то время, когда эта страна называлась Аркадіей. Прочіе жители, поселившіеся въ Патрасѣ, Модонѣ, Наполи ди Романіа, Поросѣ и Коринѳѣ, ведутъ морскую торговлю, которая гораздо свойственнѣе теплому климату, народу лѣнивому и вовсе незаботящемуся о внутреннихъ сношеніяхъ другъ съ другомъ. Мы сами убѣдились въ этомъ, видя дурное состояніе тропинокъ, весьма неудобныхъ для верховой ѣзды и совершенно непроходимыхъ для повозокъ.

Въ военномъ, точно такъ, какъ въ хозяйственномъ отношеніяхъ, Морея гораздо болѣе зависитъ отъ береговъ, чѣмъ отъ внутренности страны. Если раздѣлить ее на столько частей, сколько выходитъ въ море частныхъ полуостровов, тогда мы увидимъ, что каждый имѣетъ натуральную защиту съ твердой земли, и приступенъ только со стороны моря. Каждая часть опирается къ центру на груду горъ, удобныхъ къ защитѣ при самыхъ

ограниченныхъ средствахъ. По этой причинѣ напасть на Морею морскими силами и овладѣть берегами очень легко; но удержаться въ ней и установить одно общее правленіе во всемъ полуостровѣ весьма трудно, и мы даже не видали тому ни одного примѣра.

Исторія войны, выдержанной Греками съ Египетскими войсками, подъ начальствомъ Ибрагима Паши, весьма любопытна по свѣдѣніямъ, которыя мы въ ней находимъ о натуральныхъ преградахъ, останавливающихъ непріятеля внутри полуострова и о раздорахъ между самыми жителями, которые никогда не могли составить между собою одного общаго плана защиты. Мнѣ удалось собрать нѣкоторыя свѣдѣнія, не всѣмъ извѣстныя объ этой войнѣ отъ одного весьма образованнаго человѣка, который, во все время похода Ибрагима, находился при главномъ его штабѣ въ должности медика. Извлекаю изъ его записокъ нѣкоторыя статьи, могущія на самомъ дѣлѣ объяснитъ сдѣланныя мною замѣчанія.

Ибрагимъ, прибывшій на судахъ съ острова Кандіи, занялъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1825-го года Коронъ и Модонъ, бывшія уже передъ тѣмъ во владѣніи Турокъ. По прибытіи изъ Кандіи другаго отряда, онъ началъ военныя дѣйствія осадой укрѣ-

пленія *Нео-Кастро* или новаго Наварина, который, по своей слабости и плохому состоянію, долженъ былъ сдаться послѣ непродолжительной защиты. Послѣ этого онъ обратилъ всѣ свои силы на взятіе сосѣдняго острова Сфактеріи, защищаемаго Греческими военными судами. Всѣ суда, не предвидя успѣшной защиты, предоставили островъ его горькой участи, и Ибрагимъ одержалъ вторую побѣду, неменѣе легкую и весьма важную для будущихъ своихъ предпріятій. Греки въ обоихъ случаяхъ были виноваты, что не удержали Ибрагима, по-крайней-мѣрѣ нѣсколько времени, до уступки двухъ столь важныхъ пунктовъ. *Нео-Кастро* былъ уже нѣсколько лѣтъ въ ихъ владѣніи, но они были столь оплошны, что не занялись укрѣпленіемъ его, хотя, по природѣ, мѣсто на то весьма удобно; что̀ же касается до Сфактеріи, то они прельстились надеждой побѣдить Турецкій флотъ и по привычкѣ пренебрегли вѣрнымъ добромъ на сушѣ, чтобы достигнуть случайной побѣды на морѣ. Греческому флоту удалось нѣсколько разъ, послѣ этой потери, нападать съ успѣхомъ на Египетскіе корабли. Но главный вредъ былъ допущенъ ими при вступленіи Египетскихъ войскъ въ Нео-Кастро и Сфактерію, и вся слава, которую они пріобрѣтали, не могла

быть имъ столько полезна, какъ эти два важные пункта. Ибрагимъ, опираясь на нихъ, поразилъ скоро послѣ того Грековъ, взялъ мѣстечко Аркадію и завладѣлъ мѣстечкомъ Низи близъ Калиматы. Такимъ-образомъ онъ былъ уже владѣтелемъ одной части полуострова, совершенно независимой отъ прочихъ. Однако походъ, сдѣланный имъ тогда на Майну, остался безъ успѣха и онъ съ потерею возвратился въ Низи.

Меня увѣряли очевидцы, что, въ это самое время, адмиралъ Французской эскадры, Риньи, подозрѣваемый многими въ тайномъ расположеніи къ успѣху Ибрагима, имѣлъ съ нимъ продолжительное свиданіе, и увѣщевалъ его, вмѣсто того, чтобъ продолжать войну во внутренности Мореи, занять островъ Гидру и даже показалъ ему свой планъ, лучшее средство къ занятію и выгоды этого острова относительно къ сосѣднимъ берегамъ Арголиды. Паша, опасаясь Греческаго флота, не рѣшился на это предпріятіе и предлагалъ адмиралу дойдти до этихъ краевъ сухимъ путемъ и напасть внезапно на Навплію. Риньи, предвидя всѣ затрудненія къ исполненію этого плана, бился объ закладъ, что Ибрагимъ не проложитъ себѣ дорогу до Триполицы и черезъ нее до Аргосскаго залива. Онъ разсуждалъ какъ хорошій так-

тикъ, знающій, сверхъ того, мѣстоположеніе и всѣ его опасности. Но раздоры и междоусобія Грековъ помогли Ибрагиму. Колокотрони, извѣстный по своей храбрости и большому вліянію на соотечественниковъ, часто водимыхъ имъ къ побѣдѣ, взялъ на себя защищать узкій дефилей Макриплаги, ведущій изъ Каламаты въ равнину Синано. Его выгоды требовали этого дѣйствія, такъ какъ домъ и все имѣніе его находились въ Каритенѣ, т. е. въ томъ же направленіи, по которому Египтяне старались проложить себѣ дорогу. Но онъ надѣялся на помощь Майнотовъ, которые, не имѣя тѣхъ же причинъ противоборствовать Египтянамъ, измѣнили ему и онъ, державшись нѣсколько времени въ дефилеѣ, долженъ былъ отойдти съ своими войсками и пропустить непріятеля въ самую внутренность Мореи *. Ибрагимъ, безъ дальнѣйшаго

* Въ большомъ числѣ примѣровъ междоусобій у Грековъ, слѣдующій не уступаетъ никакому по своему сумазбродству и пагубнымъ послѣдствіямъ. Греки осаждали въ третій разъ Коронъ, занятый Египетскимъ войскомъ. Два ихъ капитана Кацани и Папа Сорелли, одушевленные желаніемъ завладѣть значительнымъ мѣстомъ, или пасть жертвами въ этомъ предпріятіи, взялись влѣзть ночью на стѣну съ 300 вооруженныхъ соотечественниковъ. Мѣсто было выбрано, лѣстницы поставлены безъ всякаго шума; наконецъ два капитана съ 20 изъ прежнихъ жителей Корона благополучно взлѣзли, не будучи

сопротивленія, дошелъ до Триполицы, которую нашелъ пустою и разграбленною и, продолжая путь свой, показался на высотахъ близь *Мили.* Довольно замѣчательно, что Французскій фрегатъ La Syrène, который стоялъ на якорѣ противъ Низи, когда Ибрагимъ оттуда выходилъ, представился Египтянамъ возлѣ самой Мили. Онъ пришелъ, какъ видно, только длятого, чтобъ видѣть успѣхъ плана, прежде обдуманнаго и извѣстнаго Французамъ. Сраженіе съ жителями этого мѣста было незначительно; но Ибрагимъ, вѣроятно изнуренный маршами, долженъ былъ воз-

никѣмъ примѣчены. Въ эту, столь драгоцѣнную минуту, все войско, обѣщавшее послѣдовать за ними въ городъ, вдругъ спохватилось разбирать, къ чему это дѣлаютъ. Нѣкоторые требовали платы, имъ должной; другіе, чтобъ Коронъ, по взятіи, принадлежалъ имъ, словомъ, ни одинъ не двигался съ мѣста. Между-тѣмъ изъ 22 Коронцевъ, взошедшихъ на стѣну, 18, устремясь въ городъ, убили множество Турковъ, еще захваченныхъ во время сна и не ожидавшихъ никакого нападенія. Они потомъ завладѣли домомъ и, ожидая товарищей, держались въ немъ до-тѣхъ-поръ, пока не погибли всѣ въ пламени. Остальные 4 Коронца, стоявшіе на стѣнѣ, чтобъ защищать лѣстницу, умоляли, грозили, проклинали спорящихъ внизу начальниковъ и все по пустому. Испуганные Турки прибѣжали между тѣмъ и съ ужасомъ увидѣли, какъ близки они были къ своей погибели. Это происшествіе сообщено мнѣ докторомъ Миленгеномъ, находившимся при Ибрагимѣ пашѣ.

вратиться въ Триполицу и оставить намѣреніе напасть внезапно на Наполи *.

Вмѣсто того онъ обратился вторично всѣми силами на Колокотрони, и, послѣ упорной защиты, взялъ Каритену и Калавриту, два ключа Аркадскихъ горъ. Онъ теперь могъ открыть сообщеніе съ Патрасомъ и всѣмъ сѣвернымъ берегомъ Мореи, а чрезъ это и съ материкомъ Греціи, въ которомъ свирѣпствовала война неменѣе кровопролитная. На югѣ занималъ онъ своими войсками всю Мессенію и пользовался ея портами, чтобъ получать новыя войска изъ Кандіи. Такимъ-образомъ, хотя онъ на каждомъ шагу встрѣчалъ отряды непріятелей, онъ успѣлъ однакоже занять самые значи-

* Двуличная роль Французскаго адмирала, подающаго военный совѣтъ Египтянамъ, и человѣколюбивыя пособія медицины раненнымъ Грекамъ, весьма немногимъ извѣстны. Его услужливость къ первымъ повредила ему даже въ ихъ собственномъ мнѣніи. Онъ употребилъ военное судно la Lamproi, чтобъ перевезти шесть гаремныхъ женщинъ Ибрагима съ ихъ смотрительницами изъ Смирны въ Модонъ. Главная каюта была опорожнена для нихъ, шампанское и все, что находилось лучшаго на кораблѣ, было имъ доставлено, словомъ, ихъ привезли къ Ибрагиму со всей возможной Французской учтивостью и Египетскій Кіайя-бей, говоря о Французскихъ офицерахъ въ Египетскомъ лагерѣ, замѣчалъ, какъ хорошо образованы у Французовъ люди, имѣющіе столь подлую должность!

тельные пункты, и держался противъ Грековъ, безпрестанно нападающихъ на его войска, посредствомъ вспомогательныхъ отрядовъ, приходившихъ къ нему изъ-за моря.

Второй его походъ въ Майну былъ такъже неудаченъ, какъ и первый, по причинѣ дикости страны и упорной защиты жителей, которые никогда не были совершенно покорены ни однимъ изъ народовъ, владѣвшихъ Мореей. Коринѳъ также ему не сдался, но вся страна по сѣверную сторону прямой линіи отъ Коринѳа до Каламаты, т. е. около двухъ третей всего полуострова, была занята его войсками, не смотря на ежедневныя нападенія Грековъ. Остальная треть, состоящая изъ Майны и перешейка, пребыла совершенно независимою. Таково было, во время сраженія при Наваринѣ, взаимное положеніе двухъ войскъ, которому нельзя было предвидѣть развязки.

Всѣмъ извѣстно, какъ, послѣ того, Французскія войска и переговоры иностранныхъ державъ довершили освобожденіе Мореи. Страна, опустошенная войною, была отдана во владѣніе жителямъ, которые были столь малочисленны и въ такихъ раздорахъ, что могли только вредить поодиначкѣ непріятелю, и ни разу не соединились всѣми силами, чтобъ его выгнать. Всякому, кто наблю-

даетъ теперешнее положенiе жителей въ Мореѣ, примѣтно, что они до сихъ поръ носятъ отпечатокъ средства, которымъ получили свою свободу, т. е. иностранной защиты. Еслибъ они воспользовались однѣми своими средствами, послѣдствiя были бы совершенно иныя. Они сами или одержали бы побѣду, или были бы покорены, или частью только получили бы независимость, а частью остались бы подъ властiю султана. Я полагаю, что послѣднее предположенiе есть самое вѣроятное, по слѣдующимъ причинамъ:

1) Усмирить гористую страну, столь благопрiятную для мѣстныхъ возмущенiй, и уже столько лѣтъ ихъ скрывавшую, было, какъ видно изъ предъидущихъ замѣчанiй, дѣломъ невозможнымъ для Египетскихъ или для какихъ бы то ни было войскъ.

2) Нельзя также предполагать, чтобы народонаселенiе, не превышавшее 350,000 жителей, могло когда нибудь совершенно освободить землю отъ ига иновѣрцевъ.

3) Итакъ, бѣдственная война продолжалась бы безконечно, или часть только страны освободилась бы отъ ига. Въ такомъ случаѣ должно полагать, что Майна, которая заключена между дикими горами и моремъ, и населена людьми самаго

независимаго духа, удержала бы свободу съ нѣкоторыми возвышенными частями Аркадіи, и что остальныя части Мореи покорились бы власти Турецкаго аги, и жили бы, какъ живутъ теперь Греки въ Турецкихъ владѣніяхъ.

Можно, однако, допустить возможность освобожденія Мореи одними Греками, въ такомъ только случаѣ, когда бы къ существующему народонаселенію присоединилось изъ всей остальной Греціи воинсто, предпочитающее Морею всѣмъ другимъ странамъ своего отечества. Но тогда народъ, болѣе многочисленный, завладѣлъ бы послѣ побѣды всѣми мѣстами, въ которыхъ Турки прежде держались, и вмѣсто теперешней пустоты, не осталось бы ни одного незанятаго уголка. Но союзъ державъ, одушевленныхъ человѣколюбивымъ желаніемъ прекратить кровопролитіе, не допустилъ Грецію до этого опыта, и потому Морея, въ настоящемъ своемъ видѣ, походитъ болѣе на опорожненную жильцомъ квартиру, чѣмъ на землю, освобожденную кровью своихъ сыновъ.

Нѣсколько весьма занимательныхъ вопросовъ представляются касательно будущей участи этой страны, которая съ давнихъ временъ принадлежитъ исторіи.

При народонаселеніи, значительно уменьшив-

шемся вслѣдствіе выхода Турокъ изъ Мореи, кругъ земледѣльческихъ работъ естественнымъ образомъ также стѣснился. Будутъ ли употреблены эти пустопорожнія земли, и кто ими воспользуется: поселенцы ли чужихъ странъ, или туземцы, когда число ихъ увеличится?

Между-тѣмъ торговля не потерпѣла вреда, а напротивъ того увеличивается ежегодно. Въ теченіи сего 1835 года Англичане продали въ Патрасѣ товару на сумму втрое болѣе, и вывезли Греческихъ товаровъ на милліонъ рублей болѣе прошлогодняго. Это приращеніе торговли съ одной Англіей даетъ понятіе о состояніи всей вообще торговли Мореи, такъ какъ сношенія ея съ Англіею и Іоническими островами превышаютъ всѣ прочія съ разными державами Европы, не исключая и Россіи. Должно полагать, что возрастающая важность портовъ, отправляющихъ эту торговлю, Патраса, Навпліи, и проч. будетъ имѣть благотворное вліяніе на сосѣднія земли, и расширитъ постоянно кругъ земледѣльческой дѣятельности дотого, что всѣ жители сойдутся около центра полуострова; но здѣсь представляется вопросъ, весьма важный, будетъ ли благоденствіе это, перенесенное съ береговъ во внутренность страны, узломъ, который соединитъ между собою

всѣхъ жителей, или, напротивъ, поводомъ къ соперничеству и враждѣ? Почувствуютъ ли нужду въ дорогахъ, чтобъ облегчить сношенія по горамъ и оврагамъ, находящимся на діаметрѣ Мореи, гдѣ бы его ни провести, или, напротивъ, не возродится ли въ жителяхъ, по мѣрѣ того, какъ недостатокъ въ землѣ будетъ становиться ощутительнѣе, воинственный духъ, чтобъ укрѣпить возможно большее количество ея за своимъ портомъ? Какое бы изъ этихъ двухъ дѣйствій ни послѣдовало, оно еще далеко впереди, ибо жители Мореи теперь не чувствуютъ нужды ни въ сношеніяхъ, ни въ землѣ.

Довольно вѣроятно, что какая-нибудь иностранная коммерческая компанія сдѣлаетъ то самое для приведенія въ дѣйствіе сокрытыхъ сокровищъ Греціи, что̀ союзъ трехъ державъ сдѣлалъ для ея освобожденія. Земля, искупленная Греческою кровью, при помощи иностранной дипломаціи, покроется виноградомъ и хлѣбомъ, когда капиталы, не находящіе сбыта въ западной Европѣ, приведутъ въ движеніе пылкихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ непостоянныхъ и лѣнивыхъ туземцевъ.

Пятница $^{13}/_{25}$ *Іюня.* — Вчера, около шести часовъ вечера, оставили мы бѣдную Коринѳскую гостинницу и сѣли на муловъ, на которыхъ туда пріѣхали, чтобъ не идти пѣшкомъ до моря, гдѣ насъ ожидала лодка. Признаюсь, что послѣднее впечатлѣніе, подѣйствовавшее на меня при оставленіи Мореи, было самое печальное. Крутой Акрокоринѳъ, безъ сомнѣнія, живописный и великолѣпный предметъ, наполняющій душу воспоминаніями; но какъ печальны становятся эти воспоминанія, когда, проѣзжая по бѣднымъ улицамъ теперешняго города, видишь, до какой степени онъ упалъ послѣ многократныхъ раззореній. Неужели это *око* Греціи? Гдѣ теперь слѣды пышной и развратной роскоши, которая вошла въ пословицу у Грековъ? Гдѣ тотъ храмъ Венеры, который привлекалъ страстныхъ юношей со всѣхъ концевъ Греціи? Въ посланіяхъ св. Апостота Павла часто упоминается

о богатствѣ, просвѣщеніи и развратѣ Коринѳянъ. Но блескъ и радость невѣчны; они исчезаютъ и мѣсто ихъ часто заступаютъ печаль и горе. Мы скоро доѣхали до порта, совершенно беззащитнаго, гдѣ насъ ожидала лодка. Нѣкоторые остатки древняго Лехейскаго порта примѣтны въ углубленіяхъ на болотистой почвѣ, которая соединяется съ моремъ. Мы простились съ нашими провожатыми, которые пожали намъ руку, и какъ скоро дѣятельный Дмитрій перенесъ всю нашу поклажу на лодку, мы расположились на ней кто сидя, кто лежа.

Свѣжій южный вѣтеръ быстро несъ насъ по Лепантскому заливу. Мы заснули, имѣя въ виду вершину Акрокоринѳа, озареннаго послѣдними лучами солнца и проснулись противъ Scala di Salona, съ боками, заболѣвшими отъ досокъ, на которыхъ мы провели ночь. Вышедъ на берегъ, мы нашли тамъ довольно движенія и я началъ немедленно собирать нужныя свѣдѣнія для продолженія нашего пути. Нѣсколько верблюдовъ, пришедшихъ со своею ношею къ этому порту, придавали ему характеръ восточный. Видно, что мы помаленьку приближаемся къ тѣмъ странамъ, гдѣ это терпѣливое животное, такъ удачно прозванное по-Арабски *кораблемъ пустыни*, слу-

житъ хотя медленнымъ, но вѣрнымъ средствомъ сообщенія между разными отдаленными странами. Только около 10 часовъ тронулись мы съ мѣста. Въ этихъ краяхъ приготовленія къ отъѣзду дѣлаются не очень поспѣшно; притомъ же здѣсь провожатые гораздо хитрѣе и алчнѣе къ деньгамъ, чѣмъ Морейскіе; они задержали насъ долго, чтобъ возвысить цѣну на муловъ. Я ихъ нанялъ до Ѳивъ съ уговоромъ доставить насъ туда въ четыре дня чрезъ Дельѳы, Херонею и Ливадію.

Первый видъ утесовъ Парнасса открылся глазамъ нашимъ скоро по отъѣздѣ изъ этого порта. Мы проѣхали красивую долину, соотвѣтствующую по своему положенію древнему *Κρισσαιον πεδιον* и покрытую полями и прекрасными оливковыми деревьями. Отсюда открывается видъ на долину, по которой рѣка Плистусъ протекаетъ между Парнассомъ и Сирфисомъ. Нынѣшняя Крисса большая деревня, имѣющая, въ сравненіи съ деревнями Морейскими, наружность благоденствія. Къ восточному ея краю видна возвышенность, будто искусственнымъ образомъ уравненная, на которой теперь находятся развалины церкви. Докторъ Крамеръ думаетъ, что здѣсь былъ выстроенъ древній городъ и предлагаетъ вопросъ: не на этомъ ли мѣстѣ совершались *Пиѳійческія*

игры? Отсюда дорога подымается на гору въ направленіи Парнасса. Мы замѣтили, на правой рукѣ, остатки древняго фундамента изъ огромныхъ камней. Продолжая около часа подниматься, мы увидѣли первыя гробовыя пещеры, высѣченныя въ боковой отлогости Парнасса, выходящей въ долину Плистуса, и закрывающей отъ путешественника долину Дельфовъ. Эти пещеры разной величины; самая малая изъ нихъ, кажется, устроена для двухъ саркофаговъ. Мы видѣли, въ одной изъ болѣе пространныхъ, остатки живописи, которая, по своему стилю, кажется, принадлежитъ болѣе Римской чѣмъ Греческой эпохѣ. Она состоитъ изъ арабесковъ въ родѣ Помпейскихъ. Первый видъ священной долины величественъ. — Мои спутники замѣтили, какъ вѣрно и разительно описаніе ея въ Страбонѣ. Она точно имѣетъ видъ обширнаго театра, коего залъ спускается отъ Парнасса до Плистуса, а сцена разстилается на длинной вершинѣ Цирфиса. Крутыя, какъ стѣны, скалы Парнасса удивительно великолѣпны. Онѣ раздѣлены большою трещиной, которая сходитъ съ верху внизъ до самаго Кастальскаго источника. Эти двѣ вершины, давшія Парнассу имя двуглаваго (biceps), не суть самыя высокія; но, поднимаясь круто съ долины Дельфійской,

закрываютъ собою болѣе возвышенныя части горы. Очеркъ этой славной долины суровъ, не смотря на то, что на ней видны слѣды земледѣлія; характеръ ея какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ первѣйшему оракулу древности. Въ ней есть что̀-то религіозное и мистическое. Самый день былъ мраченъ и небо покрыто облаками. Орлы, которыхъ я насчиталъ шесть, парили надъ двумя утесами Парнасса. Я оставилъ дорогу и пошелъ съ Брюлловымъ на каменистую гору искать остатковъ храма. Путеводныя наставленія Джелла только сбивали насъ. Мы измучились, лазя вверхъ и внизъ, чтобъ найдти пункты, имъ замѣченные, и наконецъ, бросивъ книгу, рѣшились руководствоваться своими собственными наблюденіями. Каковы должны были быть чувства народовъ, собранныхъ въ этой мрачной долинѣ, когда Пиѳія являлась къ нимъ съ высокаго перистиля, и объявляла, что предпринимаемая война будетъ благословенна богами, или, что они въ своемъ гнѣвѣ пошлютъ голодъ, язву и смерть на неблагодарныя, охладѣвшія къ нимъ племена.

Эскизъ Брюллова весьма для меня драгоцѣненъ, потому-что онъ изображаетъ вообще мѣсто, и будетъ мнѣ напоминать также пасмурную погоду, въ которой мы его видѣли. Пунктъ, съ

котораго онъ снятъ, недалекъ отъ обширныхъ мраморныхъ развалинъ, которыя мы сперва почитали за остатки самаго храма, такъ какъ они стоятъ на возвышенности, весьма удобной для столь величественнаго зданія; но видно, по основательнымъ замѣчаніямъ нашихъ предшественниковъ, что здѣсь былъ не храмъ, но тотъ стадіумъ, который Иродъ Аттикусъ одѣлъ Пентелическимъ мраморомъ. Хижина, представленная въ рисункѣ на правой рукѣ, и по ту сторону дороги — есть нынѣшняя церковь св. Иліи. Она ограничиваетъ съ этой стороны долину и находится вблизи описанныхъ выше гробовыхъ пещеръ. Ее окружаетъ множество древнихъ стѣнъ и архитектурныхъ обломковъ, посреди коихъ устроенъ теперь молотильный дворъ. Дорога ведетъ отъ сей убогой церкви въ деревню *Кастри*, означенную въ рисункѣ на скатѣ горы и у подошвы одного изъ утесовъ. Должно полагать, что здѣсь находились храмъ и оракулъ Аполлона. Доказательства тому слѣдующія: во первыхъ храмъ долженъ былъ находиться вблизи Кастальскаго источника, ибо Пиѳія погружала въ него свои власы передъ самымъ возшествіемъ на вдохновляющій треножникъ, и шла къ нему подземельнымъ ходомъ, который, вѣроятно, не могъ быть очень длиненъ; во

вторыхъ, по описанію Павзанія, источникъ Кассотисъ вытекалъ за самымъ храмомъ, и теперь, посреди деревни, бьетъ ключь свѣжей воды, что̀ впрочемъ не имѣло бы большой важности, если бы, притомъ, не находилось тамже множество регулярныхъ остатковъ зданія и надписей. Вся мостовая этой деревни и стѣны монастыря и домовъ, въ ней находящихся, усѣяны этими памятниками древности. Странная участь! надписи, современныя Амфиктіоническому совѣту, торжественнѣйшему изъ всѣхъ Греческихъ собраній, который управлялъ дѣлами всей Греціи, составляютъ теперь принадлежность мостовой и стѣнъ у людей, едва умѣющихъ читать!... Но не длячего здѣсь вдаваться въ разсужденія: онѣ всякому невольно приходятъ на умъ. Лучше продолжать рѣчь о подробностяхъ памятниковъ, еще несовсѣмъ изгладившихся. — Что̀ касается до Кастальскаго источника, такъ какъ это произведеніе не человѣка, но натуры, то его свидѣтельство будетъ простираться на всѣ вѣка; счастье, что мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что это тотъ же самый источникъ, который былъ извѣстенъ древнимъ подъ симъ же названіемъ. Онъ описанъ такъ подробно, что его легко узнать. Кастальская вода, прозрачная и холодная, стекаетъ съ Парнасса по

большой ущелинѣ, и если вступить въ сію послѣднюю, то можно видѣть большую пещеру, которая могла служить Пиѳіи мѣстомъ умовенія передъ подземельнымъ шествіемъ ея въ храмъ. Слѣды искусственныхъ ступеней еще въ ней видны. *Чандлеръ* полагаетъ, что постройки и террассы, коихъ остатки окружаютъ теперешнюю церковь святаго Иліи, находились въ объемѣ храма. Но это мнѣ кажется невѣроятнымъ: эти постройки не ближе стадіума къ мѣсту, занятому прежде храмомъ; а мы знаемъ, по свидѣтельству Павзанія, что стадіумъ находился внѣ сего объема. Послѣ нашего вечерняго разсужденія, въ которомъ каждый членъ общества подавалъ свой голосъ, мы согласились съ мнѣніемъ г. Крамера въ слѣдующихъ пунктахъ, которые я вношу въ мой протоколлъ: такъ называемый Комбло, каменная груда, составленная частью изъ вставленныхъ, частью изъ наваленныхъ камней, не есть гробъ Пирра, какъ то предполагаютъ, ибо объемъ (*περιβολος*) окружающій храмъ и заключающійся въ оградѣ не могъ до него достигнуть, и доказательствомъ тому служатъ именно слова Павзанія: что «даже стадіумъ былъ внѣ онаго». — *Вѣрные* пункты, на которыхъ топографія Дельфовъ можетъ быть основана, суть: стадіумъ, который ясно узнается по своимъ

остаткамъ, Кастальскій источникъ и мѣсто возлѣ монастыря, важное по многимъ слѣдамъ прекрасной каменной работы. — Но можно было бы посвятить много времени сему мѣсту прежде, чѣмъ истощить всѣ матеріалы, которые представляются для любителя древности.

Домъ, въ которомъ мы остановились, весьма порядочный, а нашъ хозяинъ, хотя человѣкъ, рожденный въ крестьянскомъ званіи, но довольно просвѣщенъ и жаждетъ увеличить кругъ своихъ познаній, особенно по топографіи своей родины. Онъ указываетъ надписи, съ любопытствомъ глядитъ въ книги, описывающія эти мѣста, и записываетъ орлинымъ перомъ замѣчанія путешественниковъ и имена ихъ. Пока мой безцѣнный Дмитрій хлопоталъ о чаѣ, которымъ мы обыкновенно запиваемъ баранину или цыплятъ, нашъ всегдашній ужинъ, хозяинъ вытащилъ прокламацію, изданную королемъ въ день его совершеннолѣтія. Онъ прочелъ съ удовольствіемъ и нѣкоторой гордостью всѣ обѣщанія насчетъ поощренія торговли и промышленности; особенно ему нравилась статья, гдѣ обѣщано покровительство Греческой вѣрѣ, а также и то, что наслѣдники престола будутъ ее исповѣдывать. Онъ прерывалъ чтеніе вопросомъ: хорошо ли это? и восклицалъ тогда *καλο Ωϑων, ζη Ωϑων,*

хорошо Оттонъ, да здравствуетъ Оттонъ. Такимъ образомъ мы кончили нашъ вечеръ въ Дельфахъ, мѣстѣ, столь торжественномъ и важномъ, что древніе его называли центромъ земли, terræ umbilicus, и въ самомъ дѣлѣ, хотя Амфиктіоническій совѣтъ не управляетъ болѣе дѣлами самаго просвѣщеннаго изъ народовъ, здѣсь все таки осталось что̀-то важное и величавое, подобно послѣднимъ звукамъ органа въ католическихъ церквахъ послѣ умолкнувшаго пѣнія. Тогда-то наступаетъ самая религіозная минута, тогда подъ обширными сводами храма воцаряется молчаніе и каждый, не развлекаясь службой, можетъ по произволу скорбящей души возсылать свою молитву.

Воскресенье $^{14}/_{26}$. — Рано утромъ отправились мы въ путь. Скоро по выѣздѣ изъ деревни, имѣя еще передъ собою малую церковь святаго Іоанна, мы проѣхали мимо Кастальскаго источника. Я думаю, что не было ни одного изъ насъ, который бы не слѣзъ съ кожанаго или деревяннаго сѣдла, чтобъ напиться, сколько позволяло утреннее время, этой холодной и прозрачной воды, черпая ее немного повыше того мѣста, гдѣ женщины мыли бѣлье. Видъ этого прекраснаго источника производитъ печальное чувство; всякій желалъ бы получить отъ него силы вдохновенія и чувствуетъ, что она не всякому сообщается. Всякій желалъ бы имѣть рѣдкій, могучій даръ поэзіи, чтобъ владѣть душами другихъ и наводить на нихъ тѣ же мечтанія, тѣ же восторги и тѣ же печали, которые, удручая насъ, какъ будто просятся на просторъ подобно ключу, пробивающему себѣ доро-

гу сквозь утесы. Велика и вѣчна власть Пиндара, Мильтона, Байрона, которые, удовлетворяя только требованіямъ высокаго вдохновенія природы и выражая свои желанія и тоску, дѣйствуютъ на сердца и на судьбу всѣхъ поколѣній! Но остается одно утѣшеніе для тѣхъ, которые не имѣютъ этой силы. Если они не могутъ выразить всю глубину своихъ чувствъ, то не теряютъ отъ того права на самую сущность поэзіи, ибо чувства становятся еще сильнѣе, когда ихъ нельзя выразить.

Эта страна, въ сравненіи съ Мореей, хорошо и тщательно воздѣлана. Возлѣ самаго Кастри большею частію хлѣбъ, а въ глубинѣ оврага оливковыя деревья. Далѣе къ западу до деревни Арахова большею частью виноградъ. Плистусъ течетъ въ глубинѣ оврага между огромнымъ Парнассомъ, коего вершина еще отсюда не видна, и продолговатымъ Цирфисомъ, надъ коимъ видны горы Мореи. Между ними одна повыше прочихъ и покрытая кое-гдѣ снѣгомъ, соотвѣтствуетъ на картѣ мѣстоположенію Киллены. Впрочемъ, сравнивая ландкарту Лапи, которою мы руководствуемся, съ наблюденіями, сдѣланными докторомъ Крамеромъ, находимъ, что она обозначаетъ неправильно рисунокъ горы Цирфиса. Послѣ боль-

шой деревни Араховы, которую мы оставили въ правой сторонѣ, слѣды земледѣлія скоро исчезаютъ. Въ разстояніи четырехъ верстъ отъ ней видны остатки строеній на небольшой возвышенности влѣво отъ дороги. Они соотвѣтствуютъ мѣстоположенію того, что Джелль называетъ Castro of Panies. Мы не видали многоугольныхъ основаній, но не можемъ также сказать утвердительно, чтобъ ихъ вовсе не было. Наша дорога вдоль крутаго бока Парнасса была очень живописна и занимательна; во все время мы ѣхали между горъ долиною Дельфовъ; но едва спустились въ равнину, мѣстоположеніе стало скучно и однообразно. Мы остановились для полуденнаго отдыха, который былъ необходимъ при тогдашнихъ жарахъ, близь источника, въ мѣстечкѣ, названномъ *Земино*. Здѣсь мы позавтракали и пробыли около двухъ часовъ. Немного подалѣе видны слѣды дороги, пробитой въ дикомъ камнѣ и, вѣроятно, по сей причинѣ названной *σχιστη* (трещина). Во многихъ мѣстахъ дороги видны остатки плохой мостовой, вѣроятно уцѣлѣвшей еще отъ древнихъ временъ. Небольшая тропинка ведетъ отъ нее въ направленіе Даулиса, *τριοδος* Эдипа. Итакъ, въ этихъ мѣстахъ совершилось одно изъ самыхъ любопытныхъ и трогательныхъ событій, намъ из-

вѣстныхъ. Нѣкоторые полагаютъ гробъ Лаія, отца Эдипа, возлѣ мѣстечка Земино. Дорога спускается мало-по-малу до пространной долины, болотистой, почти совсѣмъ необработанной и печальной отъ совершеннаго отсутствія движенія и жителей. Это долина Цефисса. Къ сѣверу видъ замыкается дальными, невысокими горами, спускающимися съ громады Парнасса на западъ, и исчезающими совершенно къ востоку. На одной изъ нихъ примѣтны развалины Даулиса. Южная цѣпь повыше сѣверной, и не такъ однообразна, хотя не отличается красотой своихъ формъ. Эта равнина разстилается почти безъ всякихъ возвышенностей, соединяясь съ Платейской, которая доходитъ до Коринѳскаго залива. Мы остановились на ночь въ деревенькѣ *Капрена*, лежащей на достопамятномъ мѣстоположеніи: здѣсь было сраженіе Херонейское между соединенными Греческими силами и Филиппомъ Македонскимъ. Здѣсь могила древней Греческой независимости. Деревня стоитъ у подошвы крутой горы, на которой видны остатки городскихъ Херонейскихъ стѣнъ съ башнями, сложенными изъ обтесанныхъ большихъ камней, и также развалины храма и небольшаго театра. Приложенный видъ, начатый Брюлловымъ, дастъ понятіе о сихъ остаткахъ равнины,

на которой совершились столь важные завѣты судьбы, и о формѣ Парнасса, которымъ она ограничена. Эта гора, какъ видно, оканчивается не острой вершиной, но широкой плоскостью, на которой Аполлонъ съ музами могъ ходить на просторѣ. Солнце садилось въ то время, когда у насъ начертывался рисунокъ, и послѣднiе лучи его показывались изъ-за Парнасса, хотя самъ Фебъ не былъ уже видѣнъ. Взоръ и воображенiе равно теряются при созерцанiи этой равнины, пространной и достопамятной. Какъ разителенъ и справедливъ былъ голосъ оракула насчетъ Херонейскаго сраженiя! Онъ имѣетъ всю важность пророчества. *κλαιει ο νικηθεις, οδε νικησας απολωλεν* (Побѣжденный будетъ плакать, но побѣдитель исчезъ). И въ-самомъ-дѣлѣ, не исчезъ ли съ побѣжденнымъ и Филиппъ Македонскiй со всей своей славой? Гдѣ видны слѣды его въ теперешней Грецiи? Можно возразить, что безумiе было бы хотѣть найдти слѣды послѣ полуторы тысячи лѣтъ. Но время то же самое, что пространство. Мы любимъ видѣть съ вершины горы какъ мелки люди у ея подошвы; съ такимъ же чувствомъ слѣдимъ за великими дѣйствiями и замѣчаемъ, какъ они становятся малыми, когда мы удалились отъ нихъ на столько столѣтiй. Мы должны были ночевать на открытомъ возду-

хѣ, хотя онъ слыветъ здѣсь нездоровымъ и лихорадочнымъ; но отъ пѣнья, или, скорѣе, отъ криковъ нашихъ грубыхъ провожатыхъ и отъ множества комаровъ я почти совсѣмъ не спалъ во всю ночь.

Понедѣльникъ $^{15}/_{27}$. — Хотя насъ часто стращали разбойниками, но до-сихъ-поръ намъ не случалось нигдѣ ихъ встрѣчать. Несмотря на это, было бы неблагоразумно подвергать себя явной опасности, и вотъ почему мы не рѣшились ѣхать къ Термопиламъ. Клефты тамъ находятся теперь въ открытомъ возмущеніи, и, пользуясь гористымъ мѣстоположеніемъ, а также сосѣдствомъ Турецкой границы, укрываются отъ слабыхъ войскъ, отряженныхъ королемъ для ихъ усмиренія. Все это принудило меня отказаться посѣтить эту страну, не смотря на всю ея занимательность. Посовѣтовавшись съ моими товарищами, я рѣшился ограничить путешествіе наше развалинами Орхомена, который мы сегодня утромъ посѣтили, а потомъ направить путь чрезъ Ливадію, Ѳивы, Платею и Мараѳонъ въ Аѳины. Ѣдучи въ деревню Скрипу, древній *Ορχομενος*, мы видѣли остат-

ки льва, поставленнаго, какъ говоритъ Павзаній, въ честь Өивянъ, павшихъ за отечество въ сраженіи Херонейскомъ. Этотъ левъ, судя по обломкамъ, не принадлежитъ къ ваянью перваго Греческаго стиля. Нашъ путь, какъ въ Скрипу, такъ и оттуда назадъ въ Ливадію, былъ очень изнурителенъ по причинѣ томительнаго жара и отсутствія занимательныхъ предметовъ. Однако докторъ Крамеръ съ обыкновенной своей дѣятельностью записалъ нѣкоторыя топографическія замѣчанія о странѣ, нами пройденной, которыя я передаю здѣсь въ переводѣ.

«Въ той части долины Цефисса, которая простирается изъ Капрены въ Скрипу, земля довольно хорошо воздѣлана: она засѣяна, по большой части, пшеницей съ бородатымъ колосомъ (*σταρι*) и хлопчатой бумагой. Хлѣбъ стоитъ очень хорошо и безъ всякой дурной травы. Цефиссъ, къ которому мы приближались, у самаго Скрипа образуетъ не большую рѣчку, довольно мутную и не красивую. Ея берега во многихъ мѣстахъ укрѣплены плотинами, хотя русло ея и безъ того уже довольно глубоко. Должно предполагать, однакоже, что она, по временамъ, подымается до значительной высоты. Послѣ 3 часовъ весьма плохой ѣзды, мы пріѣхали въ Скрипу, бѣдную деревню у подош-

вы послѣдней къ востоку горы, изъ той цѣпи, которая ограничиваетъ эту долину къ сѣверу. На этой горѣ лежатъ развалины Орхомена, большею частью его стѣны, а на самомъ верху древняя башня. Мы остановились на нѣсколько часовъ у подошвы этой возвышенности, въ монастырѣ, наполненномъ древними обломками; церковь, довольно обширная, выстроена частью изъ нихъ; напримѣръ одна изъ стѣнъ сложена изъ кусковъ колоннъ, которыя лежали въ нѣсколько рядовъ. Не здѣсь ли былъ храмъ Харитъ? Такъ называемая сокровищница Миніаса находится возлѣ самаго монастыря у подошвы горы, но почти совсѣмъ засыпана землей; одинъ огромный камень, покрывающій входъ, видѣнъ изъ земли. Желая посмотрѣть на озеро Копаисъ, я влѣзъ на гору, но совершенно напрасно: я увидѣлъ только обширную равнину и не могъ даже замѣтить, гдѣ начинается озеро. Хотя, спустя нѣсколько времени, мы прошли очень близко отъ озера по другую его сторону, но и тогда не замѣтили никакого отблеска воды. Кажется, пространныя болота, заросшія тростникомъ, дотого окружили все, что нѣтъ никакой возможности отличить то мѣсто, гдѣ вода отдѣляется отъ земли. Изъ Скрипу, перерѣзывая наискось долину, мы напра-

вили свой путь на Ливадію, которая видна издали, будучи раскинута широко на скатѣ одной изъ южныхъ горъ. Далѣе къ востоку, вершина Геликона подымается выше передовыхъ пригорковъ; а на право стоитъ могучій Парнассъ, который ростетъ все выше и выше, чѣмъ болѣе вы отъ него удаляетесь. Земледѣліе состоитъ возлѣ самаго Скрипу изъ винограда, далѣе изъ хлѣбныхъ полей, а возлѣ Ливадіи изъ произведенія хлопчатой бумаги. Здѣсь замѣтно большое изобиліе воды. Ливадія расположена на сѣверномъ скатѣ Геликона, по обѣимъ сторонамъ прекраснаго и обильнаго ручья. Но здѣсь почти болѣе развалинъ, чѣмъ домовъ, въ которыхъ можно жить.»

Мы пріѣхали весьма усталые къ тому времени, въ которое обыкновенно обѣдаемъ. Первымъ моимъ дѣломъ было отъискать одного Грека, которому я былъ рекомендованъ, въ надеждѣ, что онъ пригласитъ всѣхъ насъ къ обѣду. Но онъ попотчивалъ меня только стаканомъ лимонада, увѣряя, что путешествіе до Аѳинъ не сопряжено съ опасностями и что самая опасная часть нами уже пройдена; ибо на той же самой дорогѣ, по которой мы ѣхали, былъ третьяго дня ограбленъ большой караванъ. Потомъ, на вопросъ мой: какая лучше гостинница для истощенныхъ путешест-

венниковъ, онъ велѣлъ своему слугѣ провести меня въ корчму. Мои товарищи уже лежали тамъ на дорожныхъ мѣшкахъ. Городъ точно весь въ развалинахъ, не древнихъ и вовсе не живописныхъ; онъ претерпѣлъ много отъ войны съ Турками; но его мѣстоположеніе прелестно и онъ самъ по себѣ крайне занимателенъ. Въ этомъ мѣстѣ были прежде пещера и оракулъ Трофонія; здѣсь бьютъ до-сихъ-поръ изъ земли три обильные источника, которые удивляютъ и теперь чистотой своихъ водъ. Павзаній упоминаетъ только о двухъ, близкихъ другъ къ другу. Кто собирался вопрошать оракула, тотъ долженъ былъ пить изъ рѣки Леты, чтобъ забыть все, а по полученіи отвѣта пить отъ сосѣдней рѣки Мнемозины, чтобъ вѣчно его помнить. — Пещера Трофонія, по-крайней-мѣрѣ то, что мы за нее принимаемъ, и два ключа находятся на самомъ краю прекрасной долины, въ которой стоитъ Ливадія, и въ недальнемъ разстояніи отъ теперешняго города. Я сегодня прочелъ на мѣстѣ нѣсколько разъ съ большимъ вниманіемъ Павзаніево описаніе обряда, коимъ древніе совѣтовались съ этимъ оракуломъ. Оно очень странно; но вмѣстѣ съ тѣмъ темно и, сколько его ни перечитывать, никакъ нельзя угадать мнѣнія самаго автора о томъ, на истинѣ ли

или на лжи основанъ былъ весь обрядъ. Павзаній говоритъ, что онъ описываетъ не то только, что слышалъ отъ другихъ, но и то, что самъ испыталъ, ибо ему самому случалось совѣтоваться съ Трофоніемъ и спускаться въ его пещеру, куда его втягивали ногами впередъ. Но особенно затрудняютъ меня окончательныя слова Павзанія, послѣ того, какъ онъ упомянулъ о страхѣ, замѣтномъ на всѣхъ выходившихъ изъ пещеры *υστερον μεν τοι τα τε αλλα ϑδεν τι φρονησει μειον η προτερον, και γελως ϑπανεισιν οι.* Что̀ это значитъ? то ли, что, по успокоеніи своемъ, они получаютъ прежнее свое веселое расположеніе, или, что, опомнившись, они пренебрегаютъ всѣмъ, что видѣли и смѣются? Какъ бы то ни было, дѣйствіе, произведенное на людей и, сверхъ-того, продолжительное существованіе оракуловъ, могли бы дать мысль, что древніе знали и употребляли животный магнетизмъ, но, разумѣется, болѣе всего дѣйствовали на воображеніе посредствомъ мистицизма *. Каково

* Будучи въ Берлинѣ, я сообщилъ мысль эту ученому профессору Беку, и мнѣ было пріятно видѣть, что онъ самъ имѣлъ ее. Въ доказательство своего о томъ предположенія, онъ привелъ мнѣ экстрактъ изъ Павзанія объ оракулѣ Оропо, который въ самомъ дѣлѣ соотвѣтствуетъ совершенно тому, что мы слышимъ отъ теперешнихъ Магнетизеровъ. См. Attica.

напр. было чувство человѣка при горизонтальномъ вносѣ его тѣла въ темную пещеру и такомъ же выносѣ будто мертвеца, и при всѣхъ прочихъ странныхъ подробностяхъ, описанныхъ Павзаніемъ?

Мѣсто, гдѣ два славные ключа выходятъ изъ основанія крутой скалы, весьма свѣжо и красиво. Я насилу могъ поднять изнуреннаго Брюллова, чтобъ показать ему этотъ видъ; но когда онъ былъ на мѣстѣ, то оно ему такъ понравилось, что Брюлловъ поторопился написать его при послѣднихъ сумеркахъ вечера. Мы возвратились въ трактиръ ночью, отъискивая дорогу по кучамъ мусора, и между рѣчками, стремящимися съ шумомъ у нашихъ ногъ. Слѣдующія замѣчанія доктора Крамера послужатъ для объясненія подробностей.

«Самая любопытная часть долины — то мѣсто, гдѣ находятся ключи и пещера Трофонія. Ключи, о которыхъ говоритъ Павзаній, бьютъ въ большомъ изобиліи у самой подошвы горы. Вода обоихъ ключей, выбиваясь изъ земли, стекаетъ въ русло небольшой рѣчки, которая, выходя изъ внутренности горы отъ юга къ сѣверу, течетъ по узкой долинѣ чрезъ городъ. Ключи находят-

ся на восточномъ берегу, а на противоположномъ, западномъ, къ которому ведетъ мостъ, круто подымается скала. На ея вершинѣ лежатъ развалины замка среднихъ вѣковъ, а въ самомъ утесѣ, на верху одной большой квадратной пещеры, находится нѣсколько малыхъ нишей, назначенныхъ, какъ кажется, для принятія обѣтныхъ даровъ. Большая пещера можетъ быть не очень древняго времени. Я не замѣтилъ вовсе древняго фриза, объ которомъ говоритъ Джелль; многое въ самой формѣ этого углубленія указываетъ, по моему мнѣнію, на христіанскія времена. Какъ бы то ни было, но я не сомнѣваюсь, что здѣсь находилось прежде святилище Трофонія и многіе остатки древняго фундамента, около другаго углубленія, доказываютъ, что здѣсь былъ входъ въ пещеру оракула, описанную Павзаніемъ. Здѣсь, вѣроятно, можно было бы получить интересные и важные результаты, еслибъ приступить къ разрытію. Я также замѣтилъ внизу, но не разсматривалъ близко, третью пещеру, которая находится далѣе въ глубинѣ оврага и высоко въ утесѣ на восточной сторонѣ. Джелль говоритъ, что въ ея внутренности находятся примѣты древняго богослуженія, но во всякомъ

случаѣ онѣ не могутъ имѣть ничего общаго съ святилищемъ Трофонія. Древній городъ находился, по словамъ Павзанія, въ равнинѣ, слѣдовательно не на нынѣшнемъ мѣстѣ. Предположенія Джелла по сему предмету для меня вовсе непонятны.»

Вторникъ $^{16}/_{28}$. — Нашъ сегодняшній путь отъ Ливадіи до Ѳивъ былъ чрезвычайно тяжелъ и изнурителенъ. Обманутые нашими провожатыми, которые сдали насъ своимъ товарищамъ, мы потеряли поутру много времени въ ожиданіи муловъ и выѣхали очень поздно. Долго тянулись мы около подошвы длинной цѣпи горъ, замыкающей вправо пространную долину. Она обработана довольно порядочно: часть ея засѣяна рожью, а часть употреблена на пастбища; она вообще напоминаетъ собою русскія степи.

Достигши средины долины, мы остановились около полудня въ бѣдномъ кабакѣ. Здѣсь нѣтъ такихъ живописныхъ мѣстъ для отдыха, какъ въ Мореѣ, и мы были счастливы, что могли укрыться отъ дождя подъ какою бы то ни было кровлею.

Отобѣдавъ тамъ, мы продолжали путь свой ми-

мо множества разбросанныхъ остатковъ, которые должно принять за остатки города Халіарта. Они весьма незначительны. Мы только къ вечеру приблизились къ городу Өивамъ, расположенному весьма выгодно на возвышенности и видимому еще издали. Небо было багровое отъ приближающейся грозы, и видъ всей страны, какъ горъ, такъ и долины, при этомъ зловѣщемъ освѣщеніи, былъ очень великолѣпенъ. Но, Боже мой, какая нищета въ городѣ! Я опередилъ моихъ товарищей, и пошелъ искать порядочной квартиры, но совершенно по пустому. Въ отсутствіе эпарха, его намѣстникъ ввелъ меня въ трактиръ, называемый здѣсь ханомъ, и въ которомъ я нашелъ только одну длинную комнату, ниже роста человѣческаго, безъ стола, безъ стульевъ, безъ окошекъ. Не смотря на всю мою усталость отъ дороги, я не могъ здѣсь остановиться, и рѣшился дождаться товарищей, которые въѣхали съ другой стороны въ эту пародію городовъ и уже гдѣ-то нашли себѣ пріютъ. Я присоединился къ нимъ и мы помѣстились въ двухъ однокомнатныхъ домахъ, которые были, также какъ и ханъ, безъ оконъ. Я не могу умолчать о пѣніи, которымъ тѣшатся наши провожатые. Оно усугубля-

ло нашу усталость, ибо нельзя ничего вообразить себѣ заунывнѣе и однообразнѣе ихъ напѣва, который наконецъ выводитъ совершенно изъ терпѣнія. Если, бывало, кто либо изъ насъ вспомнитъ и запоетъ про себя что̀-нибудь изъ прелестныхъ мотивовъ Беллини, переносящихъ насъ мысленно ко всѣмъ радостямъ Италіи, то этого было достаточно, чтобъ весь полкъ нашихъ провожатыхъ, вѣроятно изъ желанія развеселитъ насъ, поднялъ какой нибудь патріотической вой, отъ котораго нѣтъ спасенія на многіе часы. Они, кажется, очень отстали отъ просвѣщенія, ибо самые ихъ органы и вкусъ испорчены. По словамъ Брюллова, голосъ у нихъ выходитъ не изъ груди, а изъ живота. Я обязанъ доктору Крамеру слѣдующими замѣчаніями о дорогѣ, нами пройденной, которая, какъ бы изнурительна ни была, все таки очень важна въ историческомъ отношеніи.

«Дорога наша лежала сперва по скату горы Граница (часть Геликона); проѣхавъ, послѣ часа пути, незначительную деревню, расположенную близь источника, мы спустились въ долину, гдѣ Геликонъ явился намъ во всемъ величіи. Эта гора имѣетъ красивую форму; до значительной высоты она покрыта рѣдкимъ лѣсомъ и кустарникомъ,

но на самой вершинѣ гола и камениста. У подошвы всей этой цѣпи горъ бьютъ многіе ключи самой лучшей воды, замѣчательные по древнимъ преданіямъ, съ ними соединеннымъ: но не совсѣмъ легко угадать то положительное названіе, которое каждому изъ нихъ принадлежало въ древности. На лѣво отъ дороги простирается равнина, по мѣстамъ покрытая болотами, которыя приближаются къ дорогѣ въ направленіи древняго Халіарта. Мы остановились въ ханѣ, подлѣ мѣстечка Мази, въ разстояніи четырехъ часовъ отъ Ливадіи. Къ востоку отъ Халіарта видна возвышенность на разстояніи одного получаса. Страбонъ описываетъ мѣстоположеніе Халіарта весьма правильно *μετα του υπερκειμενου ορους και της κωπαιδος λιμνης*. Даже отсюда не видать озера, но уже въ небольшомъ разстояніи къ югу отъ города начинаются болота. Развалины Халіарта, какъ видно съ дороги, состоятъ изъ обвалившихся стѣнъ. Возвышенность, на которой онѣ стоятъ, умѣренна, но круто спускается въ долину къ сѣверной сторонѣ. Проѣхавъ мимо Халіарта, я примѣтилъ, на разстояніи десяти минутъ пути, остатки древнихъ строеній. На самой дорогѣ видно каменное древнее зданіе съ основаніемъ,

весьма чисто сложеннымъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дороги видны остатки небольшой церкви, выстроенной изъ древнихъ обломковъ. Оттуда дорога все болѣе и болѣе отдаляется вправо отъ церкви. Долина, лежащая между дорогой и озерами, довольно хорошо обработана. Не доходя до Ѳивской равнины, мы проѣхали по дикому оврагу, въ которомъ древніе полагали мѣсто жительства Сфинкса. Наконецъ мы увидѣли пригорокъ Кадмею и городъ, который и теперь, какъ во времена Павзанія, представляется въ самомъ жалкомъ видѣ.»

Середа 17/29. — Ночь, проведенная нами, была столь безпокойна, что этого даже и описать нельзя. Кажется, по словамъ одного изъ моихъ товарищей, что насѣкомыя, къ несчастію всему свѣту извѣстныя, одарены только здѣсь шиломъ, чтобъ доводить почти до слезъ усталыхъ путешественниковъ. Капитанъ Лайонсъ предувѣдомилъ меня, что въ Аѳинахъ нельзя найдти свободной квартиры, а потому рѣшился я послать нарочнаго и провести еще лишніе сутки въ скучныхъ Ѳивахъ, чтобы дать моему посланному время распорядиться. Въ ожиданіи второй ночи, мы цѣлый день бродили по окрестности; но здѣсь немного интересныхъ остатковъ. Вотъ какъ докторъ Крамеръ описываетъ это мѣсто.

«Возвышенность, на которой стоятъ нынѣшніе Ѳивы, отличается отъ сосѣднихъ съ ней тѣмъ, что она съ трехъ сторонъ стоитъ отдѣльно, и только съ

юга соединяется съ другими возвышенностями. По всѣмъ направленіямъ бьютъ прекрасные ключи. Она простирается въ длину отъ юга къ сѣверу. Ея поверхность для одного акрополиса кажется слишкомъ велика и нынѣшній городъ не покрываетъ ее всю. Вѣроятно акрополисъ, собственно такъ называемый, занималъ только верхнюю ея часть къ западу. Слѣды разрушенія здѣсь ужасны. Остатки древнихъ и даже позднѣйшихъ памятниковъ состоятъ изъ однихъ разломанныхъ и разбросанныхъ кусковъ колоннъ, капителей и надписей, изъ коихъ весьма трудно извлечь какую либо общую идею. Одинъ, какъ кажется, вѣрный топографическій пунктъ есть источникъ Марса на югозападномъ углу горы, съ пещерою дракона вверху. Сія послѣдняя необширна, но въ этомъ нѣтъ и нужды. Недалеко оттуда Изменусъ. Изъ этого можно вывести много заключеній. Окрестность Өивъ печальна и скучна. Въ южномъ направленіи плоскіе холмы безъ деревьевъ простираются отдѣльно другъ отъ друга и пересѣкаются оврагами, ничѣмъ не замѣчательными. Къ западу видно нѣсколько садовъ, а къ сѣверу плоскость, вчера нами пройденная и доходящая до подошвы крутой горы Кадмеи.»

Четвергъ $^{18}/_{30}$. — Наемъ муловъ до Аѳинъ и укладка вещей задержали насъ почти весь день и мы только около четырехъ часовъ послѣ обѣда тронулись съ мѣста въ направленіи къ Платеѣ.

Мы скоро увидѣли ея обширную долину, простирающуюся до подошвы горы Киѳеронъ. Чрезъ нее текутъ двѣ небольшія рѣчки, которыя мы переѣхали. Одна изъ нихъ долженъ быть Азопусъ, но которая именно, опредѣлить мудрено. Остатки Платеи находятся въ разстояніи трехъ часовъ ѣзды отъ Ѳивъ, у подошвы Киѳерона. Они особенно замѣчательны тѣмъ, что древнее мѣстоположеніе не занято новыми постройками и окружныя стѣны города такъ хорошо сохранились, что его форма видна съ перваго взгляда. Онъ укрѣпленъ съ юга, гдѣ остатки лучше сохранились, башнями и двумя стѣнами, соединяющимися угломъ въ на-

правленіи горы. Мы не могли рѣшить: принадлежитъ ли она къ городскимъ стѣнамъ или къ части города, особенно сооруженной въ видѣ внутренняго укрѣпленія. Вся форма города четвероугольная. Посреди его стоитъ небольшая, полуразвалившаяся церковь, выстроенная изъ древнихъ обломковъ.

Разсмотрѣвъ всѣ эти остатки и бросивъ взглядъ на горы, окружающія эту равнину, между коими Геликонъ и могучій Парнассъ еще видны, я пошелъ въ деревню, въ которой мы должны были ночевать, и увидѣлъ по сторонамъ дороги нѣсколько гробовъ, высѣченныхъ изъ дикаго камня, а иногда и въ самой скалѣ такъ, что продолговатое углубленіе видно въ камнѣ, но бока гробовъ не вырѣзаны. Не были ли они посвящены сохраненію праха Грековъ, павшихъ въ славномъ сраженіи, которое положило конецъ войнѣ Персидской? Сосѣдняя Албанская деревня Кокла, на скатѣ горы, показалась мнѣ, послѣ города Ѳивъ, весьма порядочною, и мы въ ней располагаемся ночевать. Поля вокругъ нея обработаны и, судя по качеству ржи, почва кажется весьма плодородною.

Пятница $\frac{19 \text{ іюл.}}{1 \text{ іюл.}}$ — Наши провожатые, настоящіе Беотійцы по уму, завели насъ въ самую скучную страну и кончили тѣмъ, что совершенно потеряли дорогу. Цѣлью нашею были Рамносъ и Мараѳонское поле, которые мы хотѣли осмотрѣть прежде въѣзда въ Аѳины. Длясего должны мы были пересѣчь прямую дорогу, идущую изъ Ѳивъ въ Аѳины, что̀ и сдѣлали въ деревенькѣ Аррападосса, гдѣ обѣдали. Но вмѣсто того, чтобъ держаться на юго-востокъ, наши провожатые взяли къ сѣверу. Послѣ довольно утомительной ѣзды утромъ по Платейской равнинѣ, ограничивающейся Киѳерономъ и Парнассомъ (?), а вечеромъ по горамъ, мы наконецъ выбрались на вершину и увидѣли, въ небольшомъ разстояніи, длинный гористый берегъ Негропонта. Городъ Эгрипо и перешеекъ, отдѣляющій его отъ материка Гре-

ціи, были совершенно противъ насъ за прекрасной и плодородной равниной. Признаюсь, этотъ видъ былъ, при всѣхъ его красотахъ, вовсе неутѣшителенъ. Во все продолженіе пути, весьма изнурительнаго, я наслаждался одною мыслью, что мы приближаемся къ Аѳинамъ, гдѣ отдохнемъ наконецъ отъ нашихъ трудовъ, и вотъ — вышло напротивъ: мы теперь еще далѣе отъ нихъ, чѣмъ въ той деревнѣ, въ которой провели прошлую ночь. Не смотря однако на нашу досаду, которую нашъ толмачь Дмитрій передалъ со всею выразительностью нашимъ провожатымъ, намъ пришлось ѣхать по неизвѣстной долинѣ до-тѣхъ-поръ, пока найдемъ себѣ пріютъ для ночи. Нѣсколько разъ переѣзжали мы мелкій ручей, коего вода отводится въ канавы для орошенія полей. Въ одну изъ этихъ канавъ упалъ мулъ, нагруженный вещами нашими и, наши книги, одѣяла и платья промокли какъ нельзя болѣе. Наконецъ мы увидѣли сквозь мелкій сосновый лѣсъ нѣсколько хижинъ и разрушенную башню, и рѣшились окончить здѣсь путь, совершенный нами въ теченіе сего несчастнаго дня. Эта весьма непривлекательная деревенька называется *Станитза*. Жители ея казались очень недоволь-

ными нашимъ прiѣздомъ, но ѣхать далѣе не было возможности. Судя по недостатку хорошей воды и по блѣдному цвѣту лица дѣтей, воздухъ долженъ быть здѣсь очень нездоровъ. За всѣмъ тѣмъ надо намъ постлать на землю наши шинели и спать какъ удастся, ибо внутри домовъ нѣтъ никакого средства расположиться. Наши Страбоны, Павзанiи, Геродоты сушатся съ нашими сертуками и проч. вокругъ дымящягося огня, который намъ едва позволили развести въ одной изъ хижинъ. *Станитзы* нѣтъ на нашихъ картахъ. Кажется, будто мы первые открыли это дикое мѣсто. Докторъ Крамеръ полагаетъ, что Танагра отсюда самый близкiй изъ древнихъ городовъ.

Суббота 20/2. — Обстоятельство, между прочимъ характеризирующее какъ нельзя лучше настоящее положенiе Грецiи, то, что, приближаясь къ Аѳинамъ, теперешней столицѣ, мы уже второй день блуждаемъ и не можемъ найдти дороги *въ Рамносъ*. Его новое имя, по свидѣтельству Джелла — Эвреò Кастрò; но оно оказало намъ не болѣе услугъ, какъ и древнее. Наши провожатые справлялись о дорогѣ у каждаго пастуха и каждаго ребенка, но мы руководствовались болѣе ландкартою и компасомъ, какъ будто бы скитались по пустынямъ Африки. Послѣ нѣкотораго совѣщанiя, мы рѣшились идти къ юго-востоку, не взирая на едва примѣтные слѣды пересѣкающихся тропинокъ; мы имѣли здѣсь въ виду гору Парнезъ, въ той части, гдѣ впадина указывала издалека на возможность найдти дорогу,

Мы ѣхали пріятной страной, украшенной кое-гдѣ деревьями, и перебрались чрезъ двѣ рѣчки, изъ коихъ первая немного пошире и совершенно высохла, а вторая такъ мило украшена олеандрами, что мы рѣшились назвать ее Идиліей, пока не увѣримся, что это древній Азопусъ. Томимые жаромъ, приближались мы цѣлые три часа къ Парнезу. Эта гора живописнѣе Киѳерона, какъ по своей смѣлой формѣ, такъ и по слѣдамъ зелени, на ней растущей; Киѳеронъ же имѣетъ вершину продолговатую и плоскую. Еще два часа томились мы въ той части, гдѣ Парнезъ спускается, взбираясь съ одной горы на другую до-тѣхъ-поръ, пока достигли деревеньки Мази, состоящей изъ нѣсколькихъ хижинъ и довольно опрятной церкви. Мы увидѣли отсюда въ первый разъ прекрасно рисовавшуюся цѣпь Пентиликона.

Увидя нарванную и положенную для сушки бобовую траву, мы завладѣли ею и, наславъ ея подъ фиговымъ деревомъ, усталые, бросились на нее; но едва не пришлось намъ заплатить слишкомъ дорого за такую постель. Въ бобахъ находилась небольшая змѣя, самаго ядовитаго рода, которая подняла свою головку и шипѣла возлѣ самаго мѣста, гдѣ мы лежали. Одинъ изъ провожатыхъ бросился на нее, и, очень ловко схвативъ ее за шею,

такъ что она не могла коснуться его руки шипящимъ жаломъ, придавилъ ее двумя пальцами, и бросилъ умирающую въ поле. Прочіе провожатые сказали мнѣ, что товарищъ ихъ такъ храбръ отъ того, что выпилъ какого-то напитка, предохраняющаго, по ихъ мнѣнію, отъ послѣдствій змѣинаго ужаленія. Нравственное дѣйствіе этого талисмана вѣроятно сильнѣе медицинскаго. Я однако не могу не замѣтить, что жители и путешественники равно совѣтуютъ не останавливаться для отдыха подъ фиговыми деревьями. Во всякомъ случаѣ я не намѣренъ болѣе этого дѣлать. Отобѣдавъ въ Мази у священника, человѣка повидимому совсѣмъ необразованнаго, мы продолжали путь нашъ къ юго-востоку по крутымъ пригоркамъ и долинамъ Парнеза, который подымается отсюда болѣе широкими массами между моремъ и Пентиликономъ. Мы шли уже вечеромъ по грунту, состоящему мѣстами изъ бѣлаго мрамора. На ночь мы пріѣхали не въ Аѳины, согласно предположенію и договору, сдѣланному въ Ѳивахъ съ провожатыми, но въ какую-то деревню Грамматико, очень пріятно расположенную въ оврагѣ и богатую источниками. Въ ней много разведено виноградныхъ садовъ. Но кромѣ веселаго вида, намъ было отъ нея очень мало пользы. Молока нельзя

было достать ни за какія деньги, комаровъ пропасть, несмотря на огни, коими мы противъ нихъ вооружились; наконецъ, что̀ болѣе всего нѣса огорчило — провизія нашего сахара кончилась, и до Аѳинъ мы должны безъ него пить чай.

Воскресенье 21/3. — Рѣшившись во что̀ бы то ни стало добраться до Рамноса и прiѣхать въ тотъ же день въ Аѳины, мы до восхожденiя солнца отправились изъ Грамматико. Но такъ какъ Эврео̀ Кастро̀ находится въ сторонѣ отъ дороги, то мы отправили муловъ съ вещами прямо въ Мараѳонъ, а сами поѣхали по горамъ, держась къ востоку. Послѣ весьма тяжелой ѣзды, мы опять потеряли въ небольшомъ лѣсу, состоящемъ большею частью изъ кустарника, всѣ слѣды дороги; но къ счастiю встрѣтился съ нами старый пастухъ, который провелъ насъ до Рамноса; безъ него мы едвали бы нашли это мѣсто. Мы взяли слишкомъ много на югъ, и пастухъ провелъ насъ обратно по кустамъ, до узкаго оврага и чрезъ него на противоположную сторону горъ, идущихъ вдоль берега. Мы здѣсь увидѣли прекрасный заливъ, отдѣляющiй Негропонтъ отъ твердой

земли и почти въ ту же минуту уединенныя развалины храма Немезиды и города. Мѣстоположеніе единственное! Заливъ, точно зеркало, отражаетъ темныя, зеленыя горы Негропонта, и самый берегъ, на которомъ мы стоимъ, также покрытъ прекрасною зеленью. Древніе Греки лучше чѣмъ кто-нибудь, умѣли выбирать приличное мѣсто для своихъ храмовъ. Кажется, будто они находили въ самой природѣ всѣ принадлежности ихъ: величіе, уединеніе, таинственность — и потомъ воздвигали искусственное святилище, какъ бы вѣнецъ къ святилищу естественному. Не соединяли ли они во всемъ богослуженіи своемъ красоты природы съ красотами искусства? Статуи героевъ, жертвенники боговъ были разсыпаны внутри священной дубравы между священными растеніями; изъ самыхъ же храмовъ, не имѣвшихъ часто крыши, виднѣлось голубое небо. Всѣ благочестивыя мысли возвышались посредствомъ предметовъ красивыхъ, и вкусъ въ выборѣ ихъ былъ такъ чистъ, оттого, что онъ основывался на красотахъ мѣстоположенія и человѣческаго тѣла. Мы тщательно разсмотрѣли развалины, заросшія травой и кустами. Здѣсь не устояла ни одна колонна; куски мрамора раскиданы въ безпорядкѣ, и змѣи вьются тамъ, гдѣ былъ прежде храмъ

Мщенія. Докторъ Крамеръ сдѣлалъ для меня слѣдующія замѣчанія:

«Храмъ Немезиды или Мщенія стоитъ на вершинѣ горы, спускающейся къ морю, а древній городъ пониже, на той же горѣ. Его развалины состоятъ изъ основаній, многочисленныхъ обломковъ всѣхъ частей храма и нѣкоторыхъ рельефныхъ кусковъ. Надо употребить много времени, чтобъ составить себѣ по остаткамъ ихъ какую-нибудь идею о цѣломъ. Пропорція храма была мала; замѣчательный фактъ, что колонны только частью канелюрованы (продорожены желобками), могу *я*, послѣ поверхностнаго обозрѣнія, объяснить себѣ тѣмъ, что храмъ былъ оставленъ въ недовершенномъ видѣ. Канелюры видны въ различныхъ мѣстахъ, на разныхъ колоннахъ; на нѣкоторыхъ канелюры подъ самой капителью, на другихъ у самаго основанія, а на третьихъ въ срединѣ. Мы не нашли никакихъ слѣдовъ ни окружной стѣны (*περιβολος*), ни двухъ стульевъ съ надписями, упоминаемыхъ Джелломъ. Кажется, здѣсь было два святилища, изъ которыхъ одно состоитъ изъ весьма малой целлы. Дорожка по узкому оврагу ведетъ отъ храма, внизъ по горѣ, до города, который стоялъ на мѣстѣ, совершенно отдѣльномъ, круто склоняющимся къ морю. Это мѣсто

такимъ-образомъ укрѣплено самой природой. Форма этой возвышенности — квадратъ съ угломъ, обращеннымъ со стороны земли къ оврагу, который спускается съ сосѣднихъ горъ. Обѣ стороны квадрата со стороны земли укрѣплены стѣнами и выложены большими, прекрасно высѣченными камнями. Противъ самаго оврага находятся ворота. Я не могъ удостовѣриться — окружали ли стѣны и тѣ двѣ части города, которыя были обращены къ морю? Внутри стѣнъ, кромѣ неглубокаго колодца, нѣтъ ничего замѣчательнаго. Въ сѣверномъ направленіи отъ бывшаго города видна часть берега, довольно плоская и способная къ храненію и починкѣ лодокъ. Тутъ находится русло рѣчки, впадающей въ море, но теперь высохшей. Съ прочихъ сторонъ берега̀ спускаются круто въ море отъ хребта горъ, которыя простираются до мыса Мараѳонскаго или Цинозура.»

Изъ Рамноса, который мы съ такою настойчивостью и такимъ трудомъ отъискали, обратились мы къ югу на Мараѳонъ. Мы проѣхали по достопамятному полю или лучше мимо его, между Парнезомъ и глубокимъ болотомъ, въ которомъ, по свидѣтельству Греческихъ историковъ, погибло столько Персіянъ. Мараѳонская равнина имѣетъ видъ большаго полукружія, заключаю-

гощася между мысомъ Цинозуры и горами Парнесомъ и Пентиликономъ. Болото его такъ обширно, что весьма понятно, какъ могло погибнуть здѣсь цѣлое воинство, и такъ близко подходитъ къ утесамъ Парнеса, что едва ли оставляетъ самую узкую тропинку. Мы по ней тянулись верхомъ и весьма осторожно до деревни Сули, а оттуда, повернувъ къ западу, оставили равнину и, перешедъ возвышенность, соединяющую Парнесъ съ Пентиликономъ, прибыли въ теперешній Мараѳонъ. Эта деревенька, въ разстояніи получаса ѣзды отъ равнины, расположена въ весьма уединенной долинѣ. Чрезъ нее протекаетъ рѣчка, по берегамъ которой разсыпаны олеандры.

Мы здѣсь отобѣдали, отдохнули отъ трудовъ и поднялись опять, но съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, — доѣдемъ ли на усталыхъ мулахъ до Аѳинъ. Пентиликонъ, послѣдняя преграда достиженія сей вожделѣнной цѣли, былъ еще передъ нами. Дорога довольно тяжела; мы однако дошли до перелома мраморной горы, или, лучше сказать, возвышеннаго основанія къ горамъ, болѣе высокимъ. Отсюда мы увидѣли пространную равнину, постепенно склоняющуюся къ югозападу. Видъ ея чрезвычайно мраченъ, слѣдовъ земледѣлія и на-

родонаселенія нѣтъ вовсе, и на большомъ разстояніи видна только безплодная и безводная почва, вся заросшая мастиковыми кустами.

Родъ укрѣпленія устроенъ здѣсь въ старинномъ строеніи, бывшемъ, какъ мнѣ кажется, монастыремъ. Неопрятный солдатъ, стоявшій на часахъ, спросилъ насъ, куда мы ѣдемъ, какъ видно длятого только, чтобъ напомнить путешественникамъ, что они приближаются къ столицѣ. Мы замѣтили то же самое въ послѣдствіи, когда въѣзжали въ деревню Цефизія, гдѣ новыя зданія, возводимыя посреди разрушенныхъ, свидѣтельствуютъ о ея благоденствіи. Оливковые и виноградные сады окружаютъ это мѣстечко, орошаемое прекрасными источниками. Было уже восемь часовъ и мулы почти падали отъ усталости; но какъ можно было остановиться въ трехъ часахъ разстоянія отъ Аөинъ и съ Химеттомъ передъ глазами! Итакъ мы рѣшительно продолжали путь въ темнотѣ вечера. Скоро показалась битая дорога, признаться исчезающая часто въ болотистой почвѣ, но все таки манящая насъ посреди прелестной ночи впередъ. Наконецъ мы проѣхали мимо освѣщеннаго дома, потомъ мимо двухъ или трехъ другихъ, разсыпанныхъ въ небольшомъ другъ отъ друга разстояніи, и обѣщающихъ намъ ско-

рый пріѣздъ въ городъ. — Но провожатые наши остановились; мы были уже въ Hermes-Strasse, у дверей Баварскаго кофейнаго дома, и слѣдовательно въ самыхъ Аѳинахъ! Но такь какъ мнѣ квартира отведена не въ улицѣ Меркурія, гдѣ всего, кажется, неболѣе десяти домовъ, то мы продолжали путь свой, и скоро очутились посреди бѣдныхъ домовъ, слѣпленныхъ частью изъ камней, частью изъ грязи; между ними была наша квартира и я съ наслажденіемъ легъ отдохнуть послѣ изнурительнаго пути.

АѲИНЫ. *Воскресенье* 28/9 *Іюня*. — Вотъ уже недѣля, какъ я въ Аѳинахъ, гдѣ удивляюсь славнымъ памятникамъ древности и убожеству нынѣшняго города. Болѣе разительной противоположности нельзя нигдѣ видѣть. Вѣсть о нашемъ пріѣздѣ привела къ намъ, въ первый день нашего пребыванія здѣсь, нѣсколько гостепріимныхъ соотечественниковъ, причисленныхъ къ нашему посольству. Они тотчасъ предложили показать намъ по порядку все, чѣмъ славятся Аѳины, и, не смотря на утомительный жаръ, мы пустились съ ними осматривать акрополисъ и всѣ сокровища, въ немъ заключающіяся. Я долженъ однако признаться, что, въ первыя минуты прибытія, Аѳины были еще пріятнѣе для насъ какъ мѣсто отдохновенія, имѣющее также нѣкоторое общество, чѣмъ по классическимъ своимъ воспоминаніямъ. Правда, что большая часть новаго города составлена изъ худо выстроенныхъ до-

мовъ, между коими нѣтъ еще ни мостовой, ни фонарей, ни экипажей — словомъ ничего, что могло бы напомнить о столичной или даже о самой скромной городской жизни. Но намъ дали бѣлаго хлѣба, порядочнаго вина, кой-какія кровати и все это, послѣ нашихъ продолжительныхъ лишеній, сблизило насъ съ Европой. Общество Европейское также есть, и даже нѣтъ другаго, т. е. національнаго, но я напишу о семъ въ свое время болѣе, а теперь обращаюсь къ первому дню нашего пребыванія въ Аѳинахъ. Явясь къ посланнику, мы цѣлымъ обществомъ рѣшили такъ употребить день, чтобъ составить себѣ поверхностное понятіе о мѣстности города и для того направили путь свой сперва къ антикварію Питакису для того, чтобъ подъ его руководствомъ все увидѣть. Имѣя на лѣвой рукѣ величественную гору Акрополиса, которая входитъ главною частью во всѣ виды города, мы прошли между плохими домами и дошли такимъ образомъ до новой Агоры. Это строеніе временъ Римскихъ Императоровъ. Его тріумфальныя ворота еще существуютъ и состоятъ изъ четырехъ дорическихъ колоннъ. Теперь, какъ и прежде, мѣсто это составляетъ самую торговую часть города; здѣсь болѣе всего продаются съѣстные припасы. Узкая улица, об-

ставленная низкими домами съ множествомъ лавокъ, и покрытая отъ солнца холстомъ, ведетъ въ западную часть города, въ которой Баварцы начинаютъ строить себѣ дома въ своемъ вкусѣ, не соображаясь ни мало съ потребностями здѣшняго жаркаго климата. Я съ большимъ удовольствіемъ познакомился съ г. Питакисомъ, котораго кроткое и простое обхожденіе возбуждаетъ съ первой минуты душевное къ нему расположеніе. Онъ скромный ревнитель славы своего отечества. Въ то время, когда оно было угнетаемо Турками или опустошаемо войною, онъ старался о сохраненіи древнихъ памятниковъ, и списывалъ надписи, имъ находимыя. Имя его извѣстно всѣмъ любителямъ древностей. Домъ его достойное жилище археолога. Весь дворъ наполненъ красивыми обломками скульптуры, архитектуры, съ надписями, расположенными гораздо пристойнѣе, чѣмъ его семейство, которое помѣщается все въ одной комнатѣ. Онъ намъ показалъ твореніе, начатое имъ: описаніе мѣстоположенія и древностей Аѳинъ съ переводомъ и объясненіемъ надписей, имъ найденныхъ. Нельзя не уважить эту ревность къ сохраненію памятниковъ, часто столь недостаточныхъ, что самъ собиратель не можетъ по нимъ составить себѣ никакого понятія. Трудъ этотъ

скученъ и мелоченъ; но не должно имъ пренебрегать, ибо мелочь, приведенная въ полную систему, можетъ объяснить что-нибудь темное или дополнить недостатокъ въ наукѣ.

Г. Питакисъ получилъ отъ Баварскаго правительства назначеніе, довольно странное для археолога — именно, записывать таможенные перечни проданныхъ и покупныхъ товаровъ. Сложивъ въ кучу всѣ свои ученыя и офиціальныя бумаги, онъ сдѣлался нашимъ чичероне, и повелъ насъ въ Акрополисъ. Мало по малу подымаясь на крутую скалу, мы увидѣли обширный горизонтъ, на которомъ многія мѣста сохраняютъ еще и понынѣ древнія названія. Внизу темная скала Ареопага, съ двумя пещерами, въ которыхъ полагаютъ тюрьму Сократа, стоитъ противъ самаго входа въ пропилей Акрополиса. Налѣво отъ него примѣтна возвышенность Пникса, которую узнали потому, что тамъ находится каѳедра Ѳемистокла, изсѣченная въ дикомъ камнѣ. Далѣе въ этомъ же направленіи была академія, гдѣ Платонъ бесѣдовалъ съ своими учениками; но прелестная роща, окружавшая ее, исчезла. Море, портъ Пирея и отдаленныя возвышенности острова Саламина служатъ окончаніемъ горизонту съ южной стороны; на сѣ-

верной простирается городъ; тутъ же видны храмъ Тезея, прекрасно сохранившійся, нынѣшніе домы и за ними горы Ликабетъ, Химетъ и вся страна до Пентиликона, замѣчательная столько же по волканическимъ формамъ и прозрачности воздуха, какъ и по своимъ классическимъ воспоминаніямъ. Надо видѣть эту картину днемъ, чтобъ насладиться прелестями разнообразной природы, гдѣ развернулся геній самаго просвѣщеннаго и самаго пылкаго народа; надобно также видѣть ее посреди безмолвной ночи, при лунномъ свѣтѣ, чтобъ попеременно обращаться къ каждому мѣсту и бесѣдовать съ его духомъ. Когда нельзя слышать говора живыхъ, тогда кажется, будто мертвые говорятъ; по-крайней-мѣрѣ мы болѣе расположены вникнуть въ духъ мудрости и доблести, когда не разсѣяны тревогами окружающей насъ жизни.

Театръ или одеонъ, выстроенный, во времена Римскихъ Императоровъ, Иродомъ Аттикомъ, въ память жены его, Региллы, находится на югозападномъ концѣ Акрополиса, передъ самымъ входомъ въ пропилей. Мѣста для зрителей изсѣчены уступами въ дикомъ камнѣ. Противоположная стѣна, замыкающая сцену, имѣетъ нѣсколько оконъ, обращенныхъ къ морю. У наружной стѣны крѣпости мы должны были остановиться, что-

бы купить билеты для входа. Нельзя осуждать этого сбора, видя бѣдность теперешней Греціи и стараніе Короля Оттона для открытія и сохраненія ея памятниковъ. — Въ самомъ дѣлѣ, мы нашли удивительную дѣятельность, какъ скоро прошли стѣны. Множество работниковъ ломали топорами и желѣзными ломами всѣ украшенія и другія застройки Турецкія, которыя заслоняютъ Греческіе храмы. Они относятъ какъ сокровище обломки, имѣющіе нѣкоторые слѣды Греческой работы, для храненія въ нарочно отведенномъ для сего мѣстѣ, но сбрасываютъ по крутому боку скалы всѣ камни, не освященные печатью древности. Такимъ образомъ разрушено теперь столько казематовъ и магазиновъ, что времена Перикла съ прекрасными своими принадлежностями начинаютъ проявляться изъ-за пестрой ограды, которою ихъ окружили разныя столѣтія Норманскаго, Венеціанскаго и Турецкаго владычества.

Рисунокъ г. Ефимова (*) представляетъ теперешнее положеніе сего строенія, которое неменѣе Парѳенона славится въ числѣ самыхъ лучшихъ произведеній Периклова времени. Портикъ съ дву-

(*) Этотъ рисунокъ былъ литографированъ и приложенъ къ Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія 1836 года.

мя флигелями повидимому служилъ въ одно и то же время торжественнымъ входомъ въ самую важную часть города и укрѣпленіемъ противъ непріятеля. Ликъ описываетъ подробно систему защиты, по которой были выстроены и наружныя, и внутреннія стѣны, и замѣчаетъ, что украшенія были такъ просты, что не могли затруднять осажденныхъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, простой, дорическій портикъ, въ углубленіи между двумя флигелями, былъ весьма способенъ для прикрытія войскъ, обращенныхъ лицомъ къ непріятелю; между тѣмъ какъ съ обоихъ флигелей, но наиболѣе съ лѣваго, осажденные могли бросать копья. Конечно, нѣтъ другой крѣпости въ мірѣ, столь красивой какъ эта. Теперешніе бастіоны нашихъ укрѣпленныхъ городовъ отражаютъ силу непріятеля угловыми и высокими массами, но Пропилей, являясь за стѣной легкимъ и стройнымъ своимъ портикомъ, кажется будто останавливаетъ непріятеля однимъ тихимъ своимъ благородствомъ. Въ немъ видны сила и красота, которыя мы себѣ воображаемъ на челѣ юныхъ героевъ Иліады. И конечно, красота можетъ быть сопряжена съ воинскою наружностью — это доказывается исполинскою статуей Минервы - защитницы *προμαχος*, которая возвышалась изъ - за Пропилея въ пол-

номъ вооруженіи. Сравните этотъ идеалъ вооруженнаго міра съ теперешними воинами, и вы увидите, сколько древніе думали болѣе нашего о соединеніи прекраснаго съ полезнымъ. Два піедестала напереди служили основаніемъ для двухъ конныхъ статуй. По правую сторону зрителя показанъ, въ рисункѣ г. Ефимова, храмъ побѣды, который, находясь передъ южнымъ флигелемъ Пропилея, нарушалъ строгую симметрію, украшая преимущественно одну изъ противоположныхъ частей. Это тайна древней архитектуры, которую мы совершенно потеряли, именно: какъ наблюдать въ постройкахъ, требующихъ симметріи, нѣкоторый живописный безпорядокъ, заставляющій съ удовольствіемъ обращать глаза съ одного предмета на другой. Мы это хорошо видимъ на остаткахъ, найденныхъ въ Римѣ. Еслибы теперь возобновить на основаніяхъ, вырытыхъ изъ земли, всѣ бывшія на нихъ постройки, то они были бы расположены въ величайшемъ безпорядкѣ въ отношеніи другъ къ другу. Одинъ фронтонъ выдался бы угломъ надъ фронтономъ другаго, и изъ одного пункта были бы видны скопленныя безъ всякаго порядка строенія, подымающіяся одно надъ другимъ; тутъ было бы видно гораздо болѣе случайности и, по этому, болѣе разнообра-

зія, чѣмъ въ прямоугольныхъ строяхъ, которые отличаютъ наши теперешнія парадныя площади.

Я увѣренъ, что архитектура возбуждаетъ вообще такъ мало интереса въ сравненіи съ живописью потому только, что ее почитаютъ художествомъ, болѣе математическимъ, чѣмъ нравственнымъ. По моему мнѣнію это величайшая ошибка. Сущность человѣческой жизни и природы вообще имѣетъ много отношенія къ пропорціи построекъ, и архитекторъ, истинно понимающій свое назначеніе, долженъ предварительно выучиться рисовать нетолько человѣческое тѣло, но также животныхъ, растенія и все, имѣющее жизнь. Мы видимъ, что архитектура всегда процвѣтала наиболѣе въ то время, когда природа была прилежнѣе изучаема. Вѣкъ Перикловъ и вѣкъ папы Льва X отличались успѣхами нравственныхъ и естественныхъ наукъ; архитекторъ Парѳенона и Браманте были современники лучшихъ живописцевъ, философовъ и поэтовъ.

Но красивое мѣстоположеніе маленькаго храма *неокриленной побѣды* увлекло меня слишкомъ далеко. Моя первая мысль состояла въ томъ, что этотъ храмикъ, стоя на одномъ концѣ огромной массы Пропилея, былъ тамъ поставленъ съ особенной тонкостью вкуса. Его настоящія пропорціи не

были до-сихъ-поръ извѣстны, потому-что онъ былъ покрытъ до сего года Турецкими постройками. Я въ послѣдствіи приведу въ подробности его размѣръ, а пока долженъ по совѣсти сказать, что хотя мы его возобновили въ рисункѣ, полагаясь на обѣщаніе архитектора возобновить его въ самомъ дѣлѣ изъ найденныхъ обломковъ, теперь однако видно одно только его основаніе.

Парѳенонъ стоитъ за Пропилеями на право отъ входа, на высокомъ фундаментѣ, придающемъ ему еще болѣе величія. Весь храмъ изъ мрамора, очень пожелтѣвшаго отъ времени. Общій его характеръ былъ мнѣ извѣстенъ по многимъ рисункамъ, мною видѣннымъ и по главнымъ правиламъ Дорической архитектуры, которыя дѣлаютъ сходными между собою всѣ храмы этого ордена. Рисунки, однако, не могутъ всего передать, и храмы Пестумскіе, Фигалійскій, Коринѳскій далеко отстали отъ Парѳенона. Во-первыхъ матеріалъ благороднѣе, ибо храмъ весь изъ мрамора, и пропорціональности также гораздо болѣе; но отличительная черта Парѳенона — это особенная тонкость и чистота отдѣлки не въ томъ только, что относится до скульптурныхъ украшеній, изъ коихъ главныя увезены лордомъ Эльгиномъ, но и въ подробностяхъ архитектуры, столь простой

и вмѣстѣ съ тѣмъ столь гармонической. Прибавьте къ этому прекраснѣйшее мѣстоположеніе, дающее картинѣ самый блестящій *fond*, откуда бы вы ни глядѣли на храмъ.

Всѣ знатоки почитаютъ Парѳенонъ самымъ прекраснымъ и совершеннымъ идеаломъ Греческаго вкуса. Но надо быть нѣсколько посвященнымъ въ таинства сего вкуса, чтобъ совершенно оцѣнить красоту этого храма. Тотъ, кто ожидаетъ, что высокая громада поразитъ его внезапно, какъ куполъ святаго Петра въ Римѣ, или какъ внутренность какой нибудь Готической церкви — крайне ошибется въ своемъ ожиданіи. Эти зданія дѣйствуютъ на насъ потому, что ихъ цѣлью было дѣйствовать и поражать, и они столько велики и могущи, сколько человѣкъ ничтоженъ, слабъ и суевѣренъ. Но Греческіе храмы не имѣли этой цѣли; во-первыхъ народъ очень мало входилъ въ нихъ, и оставался болѣе снаружи для принесенія своихъ жертвъ. Храмъ былъ, въ собственномъ смыслѣ, домомъ какого-нибудь мѣстнаго божества. Характеръ его составляли достоинство и скромность; онъ какъ будто хотѣлъ исполнять все то, на что онъ посвященъ, и быть равнодушнымъ къ мнѣнію, которое объ немъ имѣютъ. Это относится и до цѣлаго, и до частей. Сіи послѣднія въ

такой гармоніи съ прочимъ, что мы ихъ сначала не замѣчаемъ, но коль скоро приблизимся съ намѣреніемъ разбирать ихъ, то удивляемся совершенству ихъ отдѣлки. Статуи и барельефы на фризѣ Парѳенона не могли никогда возбуждать столько удивленія, когда они были на высокихъ мѣстахъ своихъ, какъ теперь, когда ихъ можно видѣть на землѣ гораздо ближе. Но за то весь храмъ имѣлъ въ то время единство — качество, принадлежащее одному совершенству. Мы теперь не можемъ себѣ вообразить, что̀ былъ онъ въ то время, когда свѣтлоокая, дѣвственная богиня покрывала своимъ щитомъ любимый свой городъ, когда лучшія статуи стояли вдоль стѣны храма, и когда голубое Греческое небо проглядывало черезъ отверстіе въ целлу. Антикваріи спорятъ о томъ, что древніе употребляли краски въ тѣхъ архитектурныхъ украшеніяхъ, которыя мы оставляемъ всегда бѣлыми, и безъ сомнѣнія вопросъ этотъ весьма важенъ для узнанія, какова была внутренность сихъ зданій. Но пока ученые занимаются этимъ предметомъ, всякій, кто только имѣетъ зрѣніе, заглядится на остатки Парѳенона. Размѣръ всѣхъ частей такъ удовлетворителенъ и полонъ, отношеніе колоннъ къ храму, капители къ колоннѣ, и самаго храма къ окружающему мѣсту, такъ естественно,

что ничего нельзя перемѣнить. Видно, что не произволъ, а фундаментальныя правила твердости и красоты служатъ основаніемъ этой архитектуры и что она должна, во всѣхъ вѣкахъ, нравиться человѣку по внутреннему своему достоинству. Вотъ, что будетъ отличать всегда Греческую архитектуру отъ Готической, которая также дорога нашему воображенію, но болѣе по религіознымъ и историческихъ воспоминаніямъ вѣка, въ которомъ она существовала, чѣмъ по очевидной пользѣ и красотѣ. Впрочемъ эти сравненія трудны и совершенно безполезны. Приложенный рисунокъ дастъ понятіе о западномъ фронтонѣ Парѳенона; но, чтобъ вообразить себѣ всю красоту широкаго портика, надо сказать, что со всѣхъ четырехъ его сторонъ перспектива оканчивается видомъ на прелестную страну, которая составляетъ лучшее украшеніе храма. Мечеть, построенная Турками внутри Парѳенона, употребляется теперь какъ кладовая для дорогихъ обломковъ. Стѣны храма не мало искажены крупными надписями разныхъ его посѣтителей; особенно многочисленны имена Русскихъ моряковъ; было бы гораздо лучше, еслибъ ихъ не было столько.

По близости Пароенона находится другой храмъ, неменѣе любопытный и, въ другомъ родѣ, неменѣе красивый. Это Эрехтей. Храмикъ сей состоитъ изъ двухъ отдѣленій, посвященныхъ разнымъ божествамъ; они выстроены безъ всякой симметріи. У одного изъ отдѣленій полъ слишкомъ саженью ниже другаго и заключается между двумя портиками, изъ коихъ сѣверный поддерживается Іоническими колоннами, а южный, гораздо менѣе сѣвернаго, шестью каріатидами, или драпированными женщинами, служившими образцами для всего свѣта въ этомъ родѣ украшеній. Фантазія архитектора разъигралась въ этомъ прекрасномъ произведеніи и соединила на самомъ маломъ пространствѣ разнообразіе и богатство въ украшеніяхъ, которыхъ нельзя видѣть ни въ какомъ другомъ мѣстѣ. Нѣжность и прелесть Іоническаго ордена допускаютъ это богатство въ деталяхъ, которыхъ болѣе строгій Дорическій орденъ не позволяетъ. Кажется Гете имѣлъ въ виду что̀-то похожее на Эрехтей въ ту минуту, когда онъ заставляетъ Фауста, присутствующаго при волшебномъ представленіи, воскликнуть:

«Es scheint mir ja der ganze Tempel singt.»

Эти два храма, столь близкіе другъ къ другу, не

вредятъ себѣ взаимно, ибо красоты ихъ въ совершенно различномъ вкусѣ. Парѳенонъ, широкій, спокойный, напоминаетъ величавую красоту нѣкоторыхъ Греческихъ статуй Юноны, у которой прекрасныя выпуклыя формы, роскошныя уста, тяжелыя рѣсницы выражаютъ задумчивость, способность любить и совершенное самозабвеніе. Эрехтей, напротивъ, представляетъ болѣе живую красавицу. Іоническій волутъ, раздѣляясь какъ локоны на двѣ стороны сверхъ каждой колонны, придаетъ храму болѣе женскій характеръ — характеръ прелести въ движеніяхъ и веселія души. Это бѣлокурая дѣвушка, которая пляшетъ и смѣется; но въ ея пляскѣ столько легкости, въ ея смѣхѣ столько любви, что, глядя на нее, думаешь, что въ ней одной соединились прелесть и радость всей вселенной.

Спустившись съ Акрополиса, мы пошли въ гостинницу Albergo Nuovo, и тамъ пообѣдали такъ, какъ не удавалось намъ обѣдать ни разу со времени отъѣзда изъ Наполи ди Романія. Возвратясь уже вечеромъ домой, мы увидѣли издалека освѣщенныя окна въ домѣ нашего посланника. Дамы, дипломаты и военные въ большомъ нарядѣ тянулись туда пѣшкомъ, перескакивая искусно съ камня на камень и освѣщая себѣ путь

фонарями, чтобъ не упасть въ какую нибудь изъ ямъ, которыхъ здѣсь надѣлано множество для приготовленія извести; онѣ мѣшаютъ проѣзду каретъ по Аѳинскимъ улицамъ. Мы не собрались съ духомъ воспользоваться приглашеніемъ нашего посланника. Усталость заставила насъ предпочесть увеселенію отдыхъ на нашей скромной квартирѣ и довольствоваться тѣмъ, что мы ужь видѣли.

Удовольствіе находиться въ самомъ занимательномъ мѣстѣ на свѣтѣ чувствительно уменьшается для меня тѣмъ, что мнѣ приходится читать много антикварныхъ описаній. Эти разсужденія, столь драгоцѣнныя для историка и для основательнаго путешественника, весьма тяжелы для того, кто торопится видѣть и чувствовать. Довольно сухія, но необходимыя описанія Павзанія примѣшиваются на каждомъ шагу къ наблюденіямъ, которыя было бы гораздо пріятнѣе дѣлать безъ его помощи. Множество ученыхъ, перерѣзывая по его слѣдамъ землю Греціи и роясь въ ней, подняли такую пыль теорій, что боишься ослѣпнуть и задохнуться при самомъ вступленіи въ какое либо историческое мѣсто. Мы веземъ съ собою множество книгъ, но, признаюсь, охота читать ихъ проходитъ у меня за исключеніемъ Лика,

который соединяетъ съ ясностью изложенія большія познанія мѣстностей и обычаевъ древнихъ. — Мнѣ кажется, что въ отношеніи къ топографіи Аѳинъ весьма немного остается прибавить къ свѣдѣніямъ, находящимся въ его книгѣ. Притомъ же путешественники теперь не имѣютъ свободы, которою пользовались при Туркахъ — рыться гдѣ хотятъ, и это весьма справедливо; ибо безъ того не было бы возможности сохранить въ Греціи сокровищъ, которыя правительство имѣетъ благое намѣреніе мало по малу отъискать для храненія въ отечественномъ музеумѣ. По обѣимъ этимъ причинамъ мы рѣшились оставить топографію Аѳинъ въ покоѣ и обратить наше вниманіе на образъ построенія и на детали Парѳенона и нѣкоторыхъ другихъ чудесныхъ зданій, которыя мы здѣсь видимъ. — Я думаю, что эта часть менѣе извѣстна и неменѣе прочихъ полезна. — Я уже получилъ, съ помощію нашего посланника, старающагося всячески доставить средство къ достиженію нашей цѣли, позволеніе изслѣдовать въ подробности Парѳенонъ и храмъ Неокриленной Побѣды, и дѣлать необходимыя разрытія для точнѣйшаго узнанія пропорцій. Такимъ образомъ, безъ всякаго вреда или потери для храмовъ, мы

постараемся только, чтобъ ихъ красоты были оцѣнены въ нашемъ отечествѣ. Нашимъ волшебнымъ жезломъ, для переселенія ихъ въ Россію, будетъ сажень или метръ, который мы будемъ прикладывать къ храмамъ во всѣхъ ихъ направленіяхъ.

ПАРѲЕНОНЪ.

Примѣчаніе 1. Слѣдующее описаніе Парѳенона, равно какъ приложенные къ нему въ атласѣ рисунки, были составлены по моей просьбѣ Баварскимъ архитекторомъ Метцгеромъ, хотя, по ошибкѣ гравера, вмѣсто его имени поставлено имя Карла Брюллова. Система построенія, столько усовершенствованная у Грековъ, изложена здѣсь съ подробностями, которыя не были до-сихъ-поръ извѣстны публикѣ, и въ описаніи Парѳенона, сдѣланномъ гг. Стюартомъ и Реветтомъ, свѣдѣнія, нынѣ представляемыя публикѣ, вовсе не находятся.

Примѣчаніе 2. Для измѣренія принятъ здѣсь Французскій метръ. Есть части въ чертежахъ, которыя выражены въ большихъ и малыхъ мѣрахъ, какъ того требовала ясность изложенія; но во всякомъ случаѣ, тутъ же означены десятичныя дроби, которыя показываютъ величину въ принятомъ масштабѣ.

По этому численное выраженіе : 0, 01 *П. М.* значитъ, что 10 миллиметровъ представляютъ величину метра въ чертежѣ. Ибо $^{10}/_{1000} = {}^{1}/_{100} = 0,01$, означаютъ 10 миллиметровъ или одинъ сантиметръ. Равнымъ образомъ $0,10 = {}^{100}/_{1000} = {}^{1}/_{10}$ означаютъ 10 сантиметровъ, соотвѣтствующихъ одному метру въ чертежѣ. $0,50 = {}^{1}/_{2}$ значитъ 50 сантиметровъ на одинъ метръ ипр. ипр.

ПАРѲЕНОНЪ.

Этотъ храмъ построенъ архитекторами Иктиномъ и Калликратомъ, подъ главнымъ надзоромъ Фидія, въ правленіе Перикла, около 83 Олимпіады, 448 лѣтъ до Р. Х.

Плутархъ говорилъ нѣкогда о зданіяхъ, построенныхъ во время Перикла: «въ нихъ обитаетъ, кажется, духъ жизни, сообщающій имъ нерушимую твердость и неувядаемую красоту.» Конечно, время только слегка коснулось Парѳенона, но за то чего не сдѣлали съ нимъ люди? Взаимная ненависть религіозныхъ партій, опустошительныя войны и хищничество образованныхъ грабителей ускорили его паденіе.

Въ 1687 году, во время осады Венеціянъ, подъ предводительствомъ графа Кёнигсмарка и Прове-

дитора Морозини, бомба, упавши въ средину города, произвела взрывъ Турецкаго пороховаго магазина, и ужасное потрясеніе обрушило часть храма.

Шотландецъ, лордъ Эльгинъ, въ 1801 и 1802 годахъ продолжалъ ненавистную сцену разрушенія, и, еслибы достало у него средствъ, онъ перетащилъ бы, кажется, цѣлый храмъ въ Лондонъ. Онъ увезъ большую часть скульптуръ и рельефовъ, способныхъ перемѣнить мѣсто.

Велеръ и Спонъ видѣли этотъ храмъ еще въ 1676 году. Въ немъ отправлялось тогда богослуженіе по обрядамъ Греческой Церкви. Легкіе слѣды этого остались донынѣ въ стѣнной живописи опистодома. Теперь доказано, что эти ученые вовсе не были свободны отъ заблужденій, которыя частію принялъ отъ нихъ и пересказалъ Стюартъ.

При точнѣйшемъ разсмотрѣніи можно замѣтить, что храмъ потерпѣлъ много измѣненій въ разныя времена своего существованія. Это доказываютъ, между прочимъ, ступеньки грубой работы, вставленныя промежъ главныхъ уступовъ храма, и ведущія къ пространству между каждою парою колоннъ, равно какъ жолобки, изсѣченные вдоль столбовъ, по угловымъ колоннамъ

и по верху второй изъ длинныхъ стѣнъ, для стока воды.

Что нынѣ остается еще отъ Пареенона, и что въ этомъ остаткѣ принадлежитъ временамъ Перикла, это означено въ рисункахъ. Мѣры означены на западномъ фасадѣ, уцѣлѣвшемъ болѣе другихъ частей храма.

Фигуры на фронтонѣ, рельефы и метопы весьма недостаточны. Остаткомъ карниза надъ внутреннимъ рядомъ колоннъ портика обязаны мы заступничеству Франціи, содѣйствіемъ которой Порта остановила разрушеніе Пареенона; это же воспрепятствовало лорду Эльгину въ дальнѣйшемъ его хищничествѣ. Фигуры и рельефы разсѣяны по всей Европѣ; но копіи съ нихъ, по предложенію маркиза де-Ноатель, сняты 1674-1678 года Голландскимъ живописцемъ Яковомъ Каррей, и теперь хранятся въ Парижской королевской библіотекѣ.

Стюартъ и художники, работавшіе для Эльгина, издали сочиненія объ этомъ предметѣ. К. О. Мюллеръ, въ прибавленіи къ Нѣмецкому переводу Стюарта, обстоятельно обработалъ эту матерію.

ПЛАНЪ ОСНОВАНІЯ.

Листъ I. Колонны и окружныя стѣны, означенныя черною краскою, стоятъ и теперь на своихъ мѣстахъ. Недостающія представлены въ очеркахъ. Пробѣлы показываютъ части основанія, которыя можно видѣть. На планѣ я точно представилъ самыя плиты камня, для яснѣйшаго понятія строительнаго искусства.

A B есть восточный фасадъ портика. Изъ колоннъ передней части храма осталась только угловая на право и часть анты.

C D целла; *e e* суть линіи, обозначающія четыреугольное пространство, лежащее нѣсколько глубже внутри.

Велеръ и Спонъ въ 1676 году видѣли вокругъ этого мѣста галлерею, которая поддерживалась двумя, одинъ на другомъ, рядами колоннъ. Мы не знаемъ навѣрно, къ какому времени должно отнести построеніе этой галлереи, — къ времени ли Перикла, или къ вѣкамъ христіанства. Витрувій описываетъ Парѳенонъ, какъ гипетросъ, т. е. открытый воздуху; но прерывающаяся кровля храма могла и безъ двойнаго ряда колоннъ быть утверждена.

Дверь, ведшая изъ опистодома въ целлу, вовсе не была такого огромнаго размѣра, въ какомъ представляетъ ее Стюартъ; она имѣла только 2

метра и 27 сантиметровъ, какъ это видно подъ лит. *q*; слѣдовательно не мѣшала галлереѣ.

G H есть опистодомъ или казнохранилище, сколько въ томъ гг. археологи согласны (*). И тутъ не могу я слѣдовать предположенію другихъ. Велеръ и Спонъ нашли 6 колоннъ, которыя означилъ Стюартъ въ своемъ планѣ; другіе принимаютъ по 4-ре на каждую сторону, всего на все 8. Напротивъ я допускаю только по двѣ въ рядъ, всего 4, какъ это видно на рисункѣ, съ точнымъ означеніемъ мѣры. Неровность плитъ не должна вводить въ заблужденіе; это мѣсто было ниже на 38 миллиметровъ, и было нѣкогда въ уровнѣ съ порогомъ, что̀ можно заключить изъ положенія остальныхъ частей помоста. Положеніемъ означенныхъ колоннъ опистодомъ раздѣляется на 3 части. Это совершенно согласно съ теоріею строительнаго исскуства. Стюартъ наудачу означаетъ мѣста колоннъ, вдоль окружныхъ стѣнъ; неосновательность этого мнѣнія бросается въ глаза.

Колонны портика имѣли между собою рядъ перилъ, примыкавшихъ къ антамъ, см. *p p p*. Устройство помоста опредѣляетъ основу этихъ

(*) Стюартъ Ч. I, стр. 271.

*

перилъ, что также можно видѣть изъ углубленій, сдѣланныхъ въ колоннахъ, въ 560 миллиметровъ шириною. *М М* есть возвышенность, идущая двумя уступами до самыхъ стѣнъ храма.

По четыремъ угламъ, внѣшнія колонны поставлены къ сосѣднимъ на 60 сантиметровъ ближе, и сдѣланы на 63 миллиметра толще прочихъ. То же разумѣется и о колоннахъ портика. Этого требовала прочность постройки.

Листъ II. Абрисъ портика. Спайки объясняютъ его сложеніе снаружи. Фигуры на фронтонѣ и метопы, будучи извѣстны по другимъ сочиненіямъ, здѣсь опущены.

Листъ III. Фиг. I. Портикъ въ разрѣзѣ, въ ширину. Съ одной стороны видны колонны портика, съ другой онѣ опущены, и вы находите стѣну опистодома съ антою *А*. На карнизѣ, поверхъ колоннъ, были рельефы съ изображеніемъ торжественнаго панатенейскаго шествія. Далѣе концы перекладинъ въ портикѣ и постикѣ (листъ X),

образовавшіе кассетное поле. Линія *c b* означаетъ уклоненіе дверной амбразуры (chambrenle) отъ перпендикуляра; оно составляло 40 миллиметровъ, что можно видѣть изъ слѣда линіи въ направленіи къ спайкѣ камней.

Фиг. II. Измѣреніе подстройки *D E F G* храма сдѣлано со стороны западнаго фронтона, по дорогѣ отъ города вверхъ къ храму. Эта часть построена въ родѣ такъ называемой рустичной архитектуры, и, кажется, была на виду. Къ этому мнѣнію приводитъ разсмотрѣніе уровня *E G* у подножія Эрехтейскаго храма, котораго анта у восточнаго портика, до втораго уступа Парѳенона, по направленію къ западу, отстояла на 63.70 *П. М.*

Листъ IV. Фиг. I. Разрѣзъ въ длину, чрезъ портикъ и постикъ до опистодома. Между колоннами постика до анты *c d* помостъ имѣлъ, при точкѣ *c*, на 69 миллиметровъ углубленія; въ *d* на 75 возвышенія, а въ опистодомѣ опять на 38 миллиметровъ пониженія. Въ целлѣ есть другое углубленіе, о которомъ мы уже говорили. Можетъ быть, что на виду лежащія углубленія были настланы до-

рогимъ веществомъ, и потому возстановленъ общій уровень. Означенныя здѣсь перекладины встрѣтятся, въ большемъ размѣрѣ, на листѣ IX, гдѣ подробно будутъ объяснены.

Фиг. II. Видъ портика въ разрѣзѣ, въ длину. Тутъ представлена угловая колонна постика съ антою *l* и частію внѣшней длинной стѣны целлы.

Листъ V. Фиг. I. *А.* Перекладъ и капитель колоннъ портика. *В* планъ колонны въ разрѣзѣ, съ основанія до верхушки, вмѣстѣ съ уступами.

Величина этой колонны одинакова съ величиною всѣхъ другихъ, составляющихъ портикъ. Величина подножія угловыхъ колоннъ равняется 1, 915 *П. М.* Съуживаніе колоннъ происходило постепенно, что видно и въ храмѣ Тезея. При совершенномъ безвѣтріи, измѣряя посредствомъ абсциссъ и ординатъ, установленныхъ на весьма маломъ разстояніи, чѣмъ дѣлалась невозможною всякая погрѣшность, я опредѣлилъ точнѣйшимъ образомъ склоненіе линіи, по которой происходило съуживаніе, хотя я зналъ прежде по словамъ Стюарта объ этой наклонности; но теперь, при точнѣйшемъ измѣреніи, могу самъ утвердить эту

истину. — Храмъ Тезея есть одно изъ превосходнѣйшихъ произведеній Греко-Дорической архитектуры; изъ него можно видѣть, что до-Перикловo время имѣетъ много сходства съ до-Рафаэлевскимъ, относительно чистоты и нѣжности выраженія формъ зодчества.

Фиг. II. Видъ карниза и вѣнца въ разрѣзѣ, сдѣланномъ чрезъ метопу.

Фиг. III. Видъ вѣнца снизу, и часть угловаго украшенія (*a* — угловые триглифы, *b* — мѣра одного изъ триглифовъ, находящихся на фризѣ).

Фиг. IV. *a* калинора угловыхъ колоннъ, у подножія, *b* и *c* калиноры колоннъ портика у подножія и верхушки. Вмѣсто калиноръ, будто бы съуживающихся въ линіи при встрѣчѣ одной съ другою, какъ писано въ другихъ твореніяхъ, я нашелъ калиноры съ тупыми концами въ 3, $2^1/_2$ и 2 миллиметра, какъ это представлено въ пунктахъ *a, b, c.* Эти полоски могли быть отличены краскою или позолотою. Я возвращусь впослѣдствіи въ статьѣ о живописи къ этому предмету.

Фиг. V. *a* видъ капель на архитравѣ. Возлѣ этой фигуры представлена связка капель съ архитравомъ, на 34 миллиметра; остальное все было выдѣлано рѣзцомъ.

Фиг. VI. $\alpha\beta\gamma$ кривыя линіи триглифовъ. α видъ спереди. Верхняя часть оканчивается короткой четвертью круга. β кривая линія, описывающая уголъ триглифа, какъ снаружи видно, см. β фиг. II и III. γ означаетъ кривую линію, описывающую углубленіе въ срединѣ триглифовъ, что видно на фиг. III.

Фиг. VII. Капли у карниза и у вѣнца. Капли отклонялись, какъ замѣчено при точкѣ *е*, на $1^1/_2$ миллиметра отъ перпендикуляра и склонялись къ плитѣ. Эта разительная тонкость отдѣлки гораздо очевиднѣе въ Тезейскомъ храмѣ, нежели въ Пареенонѣ, по причинѣ небольшаго размѣра перваго.

Фиг. VIII. δ повторяетъ въ большемъ размѣрѣ δ фиг. II.

Листъ VI. Фиг. I. Видъ переклада въ разрѣзѣ, и колонны постика съ уступами.

Фиг. II. Видъ переклада съ капителью антъ постика.

Фиг. III. Капитель антъ и найденная тутъ живопись; объ этомъ обстоятельнѣе послѣ.

Фиг. IV. Вѣнецъ фриза, фиг. I *a;* онъ представленъ въ большемъ размѣрѣ см. листъ VIII.

Фиг. V. Измѣреніе кривой линіи, образующей калиноры, отъ подножія до верхушки колоннъ постика.

Фиг. VI. Планъ каплей на архитравѣ.

Фиг. VII. Живопись на перекладѣ. Объ этомъ ниже.

Листъ VII. Фиг. I. Капители колоннъ портика. Измѣреніе по абсциссамъ основывалось на перпендикулярѣ, опущенномъ съ абахуса, а по ординатамъ, на линіи соединенія абахуса съ эхинусомъ. Абсциссы 307 и 320 доставали до *ab,* глубины калиноръ по срединѣ.

Фиг. II. Кольца эхинуса. Настоящая величина; *c c* окончаніе калиноръ.

Фиг. III. Капитель колоннъ постика. Измѣреніе тангенсомъ *ab*. Чертежъ объяснитъ остальное.

Фиг. IV. Кольца той же капители, въ большемъ размѣрѣ; *c* конецъ калиноръ.

Листъ VIII.

ПОДРОБНОСТИ.

Фиг. I. Вѣнечный камень въ фасадѣ. Онъ имѣетъ форму цѣпи изъ яицъ превосходной работы. Тутъ яйца были разрисованы; форму ихъ можно точнымъ образомъ представить по оставшимся обломкамъ этого украшенія.

Фиг. II. Вѣнецъ фриза внутри портика. Здѣсь данъ абрисъ расписанныхъ украшеній; ихъ цвѣтà означены на листѣ VI, фиг. VII.

Фиг. III. Капитель анты, съ яйцами и бусами, тутъ изваянными.

Фиг. IV. Кривая линія, описывающая вѣнечный камень восходящей плиты на верхушкѣ фронтона.

Фиг. V. Вѣнечный камень въ вѣнцѣ.

Фиг. VI. Профиль завѣнченія фриза, подъ перекладомъ въ постикѣ. Если стать сравнивать съ этою плитою сходственныя формы II, III, IV, V, VI, то нельзя не примѣтить величайшаго разнообразія, хотя каждая изъ нихъ проникнута общимъ характеромъ. Никакой математическій законъ не можетъ дать столько разнообразія; одинъ геній художника могъ ихъ родить и размножить. Для яснаго и точнаго познанія и сравненія по-

добныхъ частей, носящихъ отпечатокъ самаго очищеннаго вкуса, должно представлять ихъ, какъ онѣ есть. По этому, у меня онѣ представлены въ большомъ размѣрѣ и ясно доказываютъ свое достоинство.

Листъ IX. Фиг. I. Толща верхушки фронтона состоитъ изъ двухъ частей, изъ горизонтальнаго слоя *к к*, въ 6 рядовъ камня — это задняя часть, и вертикальнаго *l l*, образующаго лицевую сторону, по широтѣ фронтона, въ 10 камней и 2 угловыхъ оконечности. Вертикальное и горизонтальное камнесложеніе было соединено и составляло толщу верхушки фронтона. Первое имѣло цѣлію прочность сложенія; послѣднее — крѣпость слоевъ, и на немъ-то основывалось построеніе кровли. Главная причина, почему эти два способа встрѣчаются здѣсь независимо, состоитъ въ слѣдующемъ: центръ тяжести задней стѣны *к к* падаетъ рѣшительно на средину архитрава и колонны. Если бы продолжили этотъ способъ камнесложенія до лицевой стороны, то центръ тяжести, по пунктированной линіи *z z*, упалъ бы односторонно на средній камень архитрава, вывернулъ бы его и уронилъ. Если прибавить къ тому тяжесть фигуръ, находившихся на фронтонѣ, то

выйдетъ рѣшительно основательнымъ способъ, по которому древніе архитекторы приняли для задней стѣны особенный центръ тяжести. Какъ они сильно были убѣждены въ этомъ, доказываетъ также пустота *f*, которая сдѣлана ими въ стѣнѣ *l*, гдѣ камни сложены вертикально, для большаго облегченія. При ближайшемъ разсмотрѣніи, дѣлается также яснымъ, почему не продолжили они горизонтальнаго камнесложенія задней стѣны въ передней части фронтона. Всегда таки оставался здѣсь излишекъ тяжести, который уравновѣшивался и исчезалъ только противодѣйствіемъ портика и уединеннаго чрезъ то рычага, каменнаго переклада и кассетнаго поля.

p p p, верхушка фронтона, была втиснута внутрь, и служила для принятія дождевой воды, собиравшейся на плоскостяхъ фронтона. Вода отводилась далѣе по сторонамъ находившимися львиными головами, какъ это видно на фиг. V *A B D p p p*. — Эти львиныя головы находились на всѣхъ 4-хъ углахъ.

И это принадлежало къ украшеніямъ, вынужденнымъ природою. Выборъ для этой цѣли львиныхъ головъ по преимуществу, объясняется тѣмъ, что храмъ посвященъ былъ божеству сильному и мудрому.

Я не засталъ на прежнемъ мѣстѣ верхняго камня фронтонной верхушки фиг. I, а нашелъ другой, ему подобный, нѣсколько ниже. Если вѣрить аналогіи, встрѣчающейся въ другихъ храмахъ, то главная перекладина, долженствовавшая поддерживать бронзовыя балки кровли, должна была находиться въ пространствѣ *x*. Но какъ я не нашелъ этого камня на мѣстѣ, то нельзя опредѣлить, какимъ образомъ онъ содѣйствовалъ къ утвержденію украшеній фронтона. Я возвращусь послѣ къ этому предмету.

Фиг. III. Планъ. Два триглифа *a a* заключаютъ въ своемъ промежуткѣ метопу *h*. *β β* показываютъ, какъ плита метопы внесена была промежъ триглифовъ *α α*.

На этихъ плитахъ метопы представлены въ горельефахъ. Нестрихованныя пространства *f f f* означаютъ пустыя мѣста между переднею и заднею стѣнами. Не облегченіе было причиною этихъ пустотъ, и не экономія насчетъ матеріаловъ; припомните анектотъ Фидія съ Аѳинянами, по случаю матеріала для изваянія Минервы во весь ростъ. Да если бы хотѣли сберечь матеріалъ, то для камней *G*, что позади метопъ, употребили бы не Пентелическій мраморъ, а другой матеріалъ, такъ какъ ихъ нельзя было видѣть, если только не

пугало архитекторовъ различіе въ матеріалахъ. Нельзя ли открыть основательнѣйшей причины этому явленію? — Если вѣрить преданіямъ, переходящимъ въ Греціи отъ отца къ сыну, по которымъ опасность отъ землетрясенія, столь частаго въ этомъ краю, уменьшается упругимъ камнесложеніемъ, то должно признаться, что подобное предположеніе можетъ легко объяснить способъ построенія фриза въ Пароенонѣ. Только въ построеніи фриза можно было воспользоваться этою тайною зодчества; остальныя части защищались тѣмъ, что, въ случаѣ землетрясенія, онѣ получали равномѣрный и единообразный толчекъ, отъ чего опасность уменьшалась, если не вовсе исчезала.

На рисункѣ видно, что почти каждый камень имѣетъ свой особенный центръ тяжести, сообщавшій ему силу постоянно удерживать свое мѣсто. Возможность сотрясенія, безъ потери мѣста, была, сверхъ того, сообщена камнямъ взаимнымъ сцѣпленіемъ съ разныхъ сторонъ крючьями. Главные крючья имѣли просторъ для движенія, въ случаѣ нужды, потому-что они впускались на глубину $4^1/_2$ сантиметровъ, какъ фиг. X показызываетъ. Отъ выпаданія защищались камни натискомъ вѣнца. По этому закону независимости

плиты легко помѣщаемы были между триглифами, и снаружи имѣли видъ одной непрерывной линіи. Это-то есть метопы, означенныя буквою *h*. Какъ облегчено было украшеніе этихъ мѣстъ скульптурою тѣмъ, что художнику можно было оканчивать каждую метопу въ своей мастерской, и только по окончаніи всей работы приносить къ храму и впускать ихъ въ пустыя мѣста, оставленныя между триглифами *β β*?
Но въ храмѣ Тезея построеніе метопъ боковыхъ, хотя онѣ *и не имѣли никакихъ рельефовъ*, совершенно то же. Тамъ онѣ были, по моему мнѣнію, раскрашены.

Не смотря на пустое пространство, фиг. I и II, камни *e* и *g* опирались на центральномъ камнѣ архитрава *b*, и потому верхняя тяжесть падала на средину колоннъ.

Фиг. I, II, III. Всѣ *q* означаютъ то же, именно завершеніе фриза, подведеннаго подъ перекладъ *r*. Начиная съ фиг I (фронтонъ въ разрѣзѣ) до фиг. IV (перекладъ на колоннахъ постика въ разрѣзѣ), лежали перекладины *r*, на коихъ утверждено кассетное поле; см. X листъ. Всѣ эти части, по недостатку мѣста, представлены на рисункѣ въ слишкомъ близкомъ разстояніи. Камень *e* въ фризѣ постика, фиг. IV, потому, кажет-

ся, не поставленъ на среднемъ камнѣ *b'* архитрава, чтобы лучше разложить на колоннахъ тяжесть кассетныхъ полей, которыя на 15 сантиметровъ уже надъ постикомъ, чѣмъ съ другой стороны; къ чему могла вести также основа кровли, теперь несуществующая.

Архитравъ. Сложеніе архитрава изъ трехъ каменныхъ перекладинъ основывалось на потребности возможно прочнаго утвержденія. И въ его двухъ боковыхъ камняхъ есть пустоты, не имѣвшія другаго назначенія, кромѣ уменьшенія точекъ соприкосновенія съ среднимъ камнемь и возможно большаго соединенія вь спайкахъ трехъ перекладинъ.

Фиг. III. Сложеніе камней по угламъ. Сущность построенія та же, что и объясненная выше. Особенность угловаго камнесложенія означена въ фиг. V *A B C*, и на листѣ X, фиг. I, *w*.

Фиг. V. Буква *A* — планъ сложенія угловъ. *D* разрѣзъ ихъ съ боку, *B* - видъ спереди, вдоль длинной стѣны (листъ V, фиг. I). *C* видъ вѣнечнаго камня *M* и основаній стропилъ, или *балкопріемниковъ n*, какъ я буду называть ихъ.

z-z показываютъ, на фиг. *A* и *D*, углубленія для украшеній по угламъ.

M суть вѣнечные камни; *m'* выдѣланъ на восхо-

дящей плитѣ фронтона, въ точкѣ, гдѣ она начинаетъ подниматься; толща этой плиты составлена по общему способу построенія (въ разрѣзѣ фиг. II. *m'*). *n n* суть пріемники восходящихъ на верхушкѣ фронтона каменныхъ перекладинъ; они поддерживали массу перекладинъ во всю ширину фронтона. Что это въ самомъ дѣлѣ пріемники для балокъ, въ томъ можно убѣдиться, разсматривая ихъ сзади, фиг. V. *A* и *C* въ точкахъ *n n*, и съ боку, фиг. II. *n*. Что самыя балки должны были имѣть значительную массивность, это доказываетъ въ фиг. I. пустое пространство *x*, позади верхней плиты фронтонной верхушки. Видъ фронтона съ боку, въ фигурѣ I, на листѣ V, доказываетъ, что можно возстановить прежнюю ширину фронтонной верхушки. Листъ X, фиг. I. объясняетъ это въ связи на планѣ. Остальныя стропила кровли входили, можетъ быть, глубоко въ мѣстѣ, означенномъ на фиг. V. листъ IX, *o q*, и разрѣзъ на этомъ листѣ поддерживаетъ также это предположеніе.

Фиг. VI. Видъ архитрава и завершенія фриза съ боку.

Фиг. VII. Завершеніе надъ западною дверью. Дверь имѣетъ 7,110 *П. М.*

Фиг. VIII. Завершеніе вставленныхъ плитъ

съ частію переклада, что въ портикѣ (см. X, фиг. I).

Фиг. IX. A. Видъ сверху на барабанѣ колоннъ; *a* было чисто выполировано; *b* выдолблено, какъ показываютъ *B C*. Въ *c* былъ, вѣроятно, деревянный колъ, на который ставили оба барабана колонны и ворочали до тѣхъ поръ, пока линія соединенія не дѣлалась незамѣтною. По моему мнѣнію, колонны были канелюрованы послѣ того, какъ поставлены.

Листъ X. Фиг. I. Планъ переклада и кассетнаго поля, у западнаго фронтона, портика и постика.

p p балки — сверху; *p′ p′* — снизу.

r и *q* кассетное поле, какъ полагать должно по найденнымъ обломкамъ. Чтобы дать понятіе о завершеніи при помощи кассетныхъ полей, я слѣдую аналогіи храма Тезея. Вслѣдствіе того получимъ:

r′ и *q′* завершеніе посредствомъ крышекъ (подвижныхъ), какъ *q′ q′* фиг. III доказываетъ: крышки лежали на плитахъ, поддерживаемыхъ перекладинами. Въ каждой изъ подобныхъ плитъ, въ храмѣ Тезея, было сдѣлано четыре квадратныхъ

отверстія для кассетныхъ крышекъ. При q', линіею ab, cd сдѣлалъ я два разрѣза, и такимъ образомъ представилъ кассетное поле въ трехъ частяхъ. Можетъ быть, что прежде было пять плитъ, изъ коихъ каждая имѣла три отверстія для кассетнаго поля.

x плиты для завершенія кассетнаго поля у каждыхъ двухъ балокъ.

q' и r' видъ кассетнаго поля, закрытаго сверху.

q'' и r'' полный видъ снизу.

Фиг. II. a b дѣлаетъ видъ яснѣе. — Крышки кассетъ (коробокъ) въ храмѣ Тезея были снизу выкрашены въ видѣ звѣздъ.

Фиг. I. Кажется, что кассетныя поля произведены были въ крылѣ постика только посредствомъ крѣпкихъ плитъ, положенныхъ сверху, что показываетъ форма длинной перекладины, H M и углубленія e k въ оныхъ; ибо h f есть вся его ширина.

s s s суть колонны портика и постика; s' s' три перекладины архитрава, лежащія на колоннахъ и достигающія до середины колонны.

t–t видъ сверху на фризъ съ триглифами и метопами; w сложеніе угла; wg — tu линіи соприкосновенія между описанными выше перекладинами фронтона, при ихъ восхожденіи; g покры-

шечныя плиты фронтона, какъ онѣ кажутся сверху.

v v отвѣсная стѣна, образующая лицевую сторону фронтона, по обѣимъ сторонамъ спай вѣнца.

K L M стѣны, отдѣляющія опистодомъ отъ постика.

Фиг. II. v v вертикальные спаи передовой стѣны.

Фиг. III. Двѣ перекладины *n*. Между ними кассетная система, только что разобранная нами.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ о живописи. Существованіе ея въ храмѣ Пароенона и происхожденіе изъ лучшихъ временъ Греческаго искусства готовъ я доказывать: ибо только формы украшеній и краски опредѣляютъ періоды искусства, что̀ бы ни говорили противъ или въ пользу этого положенія (*).

(*) *Broensted Dr.* Путешествія и изъисканія. Греція.

Chandler Dr.

Cokrell on the Aegina Marbles Journal of Science on the arts. Vol. VI.

Hiltorf architecture antique de la Sicile.

Kugler frz. Polychromie der Alten.

Quatremère de Quincy.

Конечно, живопись была дыханіемъ, сообщившимъ жизнь всему этому творенію. Собственно, одно XV столѣтіе представляетъ намъ архитектуру безъ красокъ и цвѣтовъ; но причиною тому была долгая ночь, отдѣлявшая время искусствъ древнихъ отъ періода ихъ возрожденія. Когда начали изучать древности, то случайное, видимое отсутствіе на нихъ красокъ, заставило новѣйшихъ идти въ архитектурѣ путемъ, который не согласенъ былъ съ преданіями о древнихъ произведеніяхъ зодчества. — Впрочемъ и они никогда не оставляли вовсе покрывать красками свои произведенія. Италія, Франція, Испанія и Германія доказываютъ нашу истину. Византійцы, Саксонцы, Норманны, Сарацины, Готеы, Мавры (*), Венеціанцы и Флорентинцы свидѣтельствуютъ о древней полихроміи. Южные Американцы доказываютъ также пристрастіе ко внѣшнему укра-

(*) *Cap. Maler* Maurische Polychromie.

Raoul Rochette.

Semper G. bemalte Architectur, Plastik der Alten.

Stuart и *Revett* примѣчанія.

Annali del Instituto di corrispondenza archeologica Vol. II p. 263.

Нынѣ открытыя надписи на строеніяхъ, изданныя *Dr. Ross.*

шенію зданій своими памятниками; на внѣшнихъ сторонахъ древнихъ жреческихъ домовъ найдете вы мозаику. Правда, эта мозаика состоитъ изъ сѣраго песчанника; но не случилось ли здѣсь того же, что съ остатками древнихъ Греческихъ храмовъ? Ихъ раскрашенные гіероглифы даютъ также пищу изъискательности. — На хижинахъ Тирольскихъ до-сихъ-поръ встрѣчается полихромія.

Должно признаться, что въ первыя времена возрожденія искусствъ, могли болѣе открыть касательно цвѣтовъ на древнихъ памятникахъ, чѣмъ нынѣ, если бы съ большею точностію принялись тогда за разъисканія. Сохраненіе красокъ зависитъ отъ мѣстъ, гдѣ памятники находятся, и воздуха, которому они подвержены. Поэтому совсѣмъ не должно удивляться, если видимъ храмы, лишенные красокъ въ мѣстахъ неблагопріятныхъ; по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ не найдете вы тутъ никакихъ слѣдовъ живописи. Такъ объясняется то, что говорили о карнизѣ храма у мыса Суніума, гдѣ слова: «Bellona Austriaca» написанныя экипажемъ одного суда, легко можно было прочесть въ 1827 года; они были написаны большими буквами и притомъ корабельною смо-

лою или черною масляною краскою; между тѣмъ какъ черезъ годъ едва можно было отличить легкій абрисъ словъ. Есть также доказательства, что краски хорошо сохранялись въ темномъ мѣстѣ, а на свѣтѣ и воздухѣ совершенно блѣднѣли, исчезали. Такъ, напримѣръ, одинъ сфинксъ, только что вырытый изъ развалинъ Помпеи, имѣлъ крылья, раскрашенныя зеленою, голубою и темною красками; а по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ краски эти сдѣлались вовсе непримѣтными.

Краски суть потребность для жителей юга, которые любятъ все пестрое, раскрашенное. Нельзя повѣрить, чтобы Грекъ довольствовался холодною, бездушною бѣлизною своихъ зданій. Мы видимъ одинъ скелетъ древнихъ произведеній зодчества. — Конечно, и въ теперешнемъ видѣ, они поражаютъ наши взоры своимъ величіемъ, выраженіемъ силы и соразмѣрности и прелестію отдѣлки въ частяхъ. Но если бы къ этому присоединились очарованія другихъ искусствъ; если бы герои зодчества совершили что̀ нибудь вмѣстѣ съ исполинами ваянія и живописи, тогда бы только произошло блистательное, совершенное единство. Кто останется безчувственнымъ при видѣ площади Св. Марка въ Венеціи!

Наши понятія объ искусствѣ, отъ привычки, сдѣлались невѣрными и притупляютъ даже чувство изящнаго. Парадоксы философовъ изгнали благодѣтельное вліяніе цвѣтовъ и потребность въ краскахъ. Это противорѣчитъ древнимъ образцамъ, хотя на нихъ же ссылаются нынѣ отвергающіе краски. Истинное искусство оттого сдѣлалось бы независимымъ. Конечно, должно удивляться постоянству, съ которымъ притупляютъ истинное чувство, замѣчая своенравный вкусъ въ архитектурныхъ произведеніяхъ нашего времени.

Въ помощь къ живописи, Греки призывали позолоту и украшенія изъ металловъ. Мы знаемъ о существованіи позолоты линій между спайками. Надписи свидѣтельствуютъ о металлическихъ украшеніяхъ, гдѣ ихъ теперь нѣтъ вовсе. Кассетныя поля въ Эрехтейскомъ храмѣ были украшены розеттами изъ металла. Пальметты въ волютахъ, какъ это видно изъ просверленныхъ отверстій, были также изъ металла. Треножникъ надъ цвѣткомъ въ Лизикратовомъ памятникѣ, находившійся тазомъ въ цвѣткѣ, а ногами утвержденный на кровлѣ, былъ также изъ металла. Щиты на архитравахъ Греко-Дорическихъ храмовъ были изъ металла. Слѣды гвоздей, видимыхъ на архитравѣ Пароенона, убѣждаютъ, что тутъ бы-

ли повѣшены трофеи или что нибудь подобное. Самыя фигуры были украшены металломъ, что видно изъ пробуравленныхъ дырочекъ. На одной фигурѣ, стоявшей во фризѣ по восточной сторонѣ, на самой головѣ было какое-то металлическое украшеніе, что доказываютъ пробуравленныя дырочки вокругъ этого мѣста, и пр. и пр. Такимъ образомъ богатство и красота храма были еще возвышены.

Послѣ этихъ соображеній, я предложу все, что найдено касательно цвѣтовъ въ украшеніяхъ, сколько это теперь можно доказать. Были раскрашены слѣдующіе предметы:

Яйца въ вѣнечномъ камнѣ фронтона; листья, одинъ на другой наброшенные надъ завѣнчаніемъ висячихъ плитъ; меандры надъ капителями триглифовъ и метопъ; также меандры въ завѣнчаніи архитрава; щиты на архитравѣ; украшенія на эхинусѣ неизвѣстной формы могли быть расписаны въ видѣ яицъ, — предположеніе, поддерживаемое скульптурными украшеніями въ Самосѣ, и надъ верхнею частію каріатидъ въ Пандрозіумѣ, въ Аѳинскомъ акрополисѣ. Нерѣдко, раскрашенныя формы украшеній объясняютъ значеніе и взаимное отношеніе разныхъ частей, что опять подтверждается іоническимъ памятникомъ

въ Аѳинахъ, въ акрополисѣ. Тамъ также можно встрѣтить скульптурныя украшенія, продолженныя въ краскахъ. Равнымъ образомъ и Дорическіе храмы этимъ смѣшеніемъ сходны между собою. Въ храмѣ Тезея украшенія анты, въ видѣ яицъ, были также разрисованы; въ большемъ и новѣйшемъ Парѳенонѣ, они были уже означены плоскостною скульптурою. То же имѣло мѣсто въ бусахъ надъ триглифами и метопами. Въ Парѳенонѣ были они совершенно изваяны; въ Тезеевомъ храмѣ расписаны. Если вѣрить аналогіи, встрѣчающейся въ Пандрозіумѣ, то на плитѣ надъ яичникомъ фронтона бусы были разрисованы.

Голубая, красная, зеленая были главными красками; онѣ встрѣчаются также въ отливахъ. Золото употребляемо было въ томъ мѣстѣ, гдѣ дѣйствіе его могло замѣнить всякую краску. Такимъ образомъ, въ яицахъ фронтоннаго завѣнчанія золото хорошо отражалось отъ голубаго неба. Равномѣрно позолота хорошо шла къ нѣжному переливу въ бѣлое по угламъ абахуса, въ яицахъ, вдоль колоннъ, при встрѣчѣ двухъ калиноръ. Подобнымъ образомъ щиты покрыты были позолотою; а можетъ быть, они сдѣланы были изъ

бронзы; въ такомъ случаѣ требовалось еще болѣе окрашеннаго грунта.

Я упоминаю о краскахъ только въ мѣстахъ, гдѣ могъ открыть ихъ. Но вѣроятно, что онѣ находились и въ другихъ мѣстахъ. Остатокъ позолоты въ Дорическихъ храмахъ Аѳинъ заставляетъ предполагать, что все было тамъ окрашено. Отсюда не были изъяты самыя колонны; напротивъ, колонны храма Юпитерова, памятника Лизикратова и въ Эрехтеѣ, были безъ позолоты. Корка, видимая на украшеніяхъ въ томъ и другомъ, имѣетъ цвѣтъ то темно-голубой, то бѣлый, то сѣрый, то голубой. Остатокъ корки окрашенія въ калинорахъ Пароенона далъ поводъ Фогелю въ Мюнхенѣ, къ разложенію, послѣ чего нашли тутъ желѣзо, глину, извѣстковую землю и часть гипса, — смѣсь, которой нельзя предполагать въ мраморѣ, который былъ также подвергнутъ химическому разложенію. Шаубертъ, въ Аѳинахъ, доказываетъ, что онъ нашелъ на стѣнахъ целлы желтую охру, въ кусочкахъ. Эти факты подтверждаютъ существованіе красокъ; но каковы онѣ были, этого нельзя сказать утвердительно; мы не хотимъ ставить предположеній на мѣсто истинъ. Замѣтимъ только, что бѣлый цвѣтъ, въ сліяніи съ другими, дѣлаетъ переходы

необыкновенно нѣжными, и потому иногда употребляется какъ краска, а иногда какъ переходъ.

Если стѣны целлы были окрашены, въ чемъ я не хочу сомнѣваться, такъ какъ онѣ служили нѣкотораго рода грунтомъ для колоннъ, то сіи послѣднія, будучи украшены позолотою, должны были производить пріятное дѣйствіе, и это очень согласно съ законами перелива цвѣтовъ.

Листъ VI. Фиг. VII. Живопись на перекладинахъ постика. Украшенія балокъ взяты съ видовъ храма Тезея.

Фиг. III. Окрашенная анта, сколько это можно было открыть изъ аналогіи съ тѣмъ, что представляетъ храмъ Тезея; подобные цвѣта могли быть и въ Пароенонѣ.

ЭДУАРДЪ МЕТЦГЕРЪ.

Примѣчаніе. На всѣхъ листахъ находятся масштабы, относящіеся къ Парижскимъ метрамъ такъ, какъ изображаемые предметы относятся къ существеннымъ. Если хотятъ узнать величину части предмета, то измѣряютъ его циркулемъ и прикладываютъ эту длину къ масштабу, и тогда получится величина въ Парижскихъ метрахъ. Численныя мѣры на оригинальныхъ рисункахъ были бы излишни, если принять вѣрность сихъ послѣднихъ. Числа должны были остаться, потому-что чрезъ нихъ можно вѣрнѣе обозрѣть отношенія частей другъ къ другу. Знаки, напр. 0,005 *П. М.* нужны для узнанія, въ какомъ отношеніи находятся числа къ предметамъ. — Если бы листъ VIII въ оригиналѣ имѣлъ настоящую величину, то въ текстѣ нужно бы только замѣтить, что въ оттискахъ принята *половина* настоящей величины.

На листѣ I принятъ масштабъ произвольно въ 30 метровъ, но его можно было принять и длиннѣе, и короче.

Не одинъ духъ древности наполняетъ Аѳины; геній новѣйшихъ временъ воздвигъ себѣ здѣсь алтарь, и я не знаю другаго, о комъ вспоминаешь такъ часто, какъ о немъ, когда находишься въ этомъ городѣ. Это тотъ мрачный, но увлекательный поэтъ, который не исключилъ изъ сердца, какъ Платонъ, все, что мѣшаетъ жить пріятно длятого, чтобъ оставить одно чистое наслажденіе и найдти «самую высокую гармонію»; но употреблялъ гармонію, чтобъ растрогать сердца описаніемъ всѣхъ безъ исключенія страстей человѣческихъ. Онъ возбудилъ до такой степени наше участіе своимъ восторгомъ и прелестными Гречанками, изображенными въ его поэмахъ, что мы безпрестанно о немъ вспоминаемъ, когда находимся посреди народа, которому онъ посвятилъ

послѣднюю часть своей жизни. — Эти сложныя воспоминанія о древности и о новѣйшихъ временахъ Греціи соединяются въ первомъ впечатлѣніи, которое производятъ Аѳины. Но какъ объяснить всѣ несовершенства и недостатки нынѣшняго города? Не одна его бѣдность насъ поражаетъ: надобно также привыкнуть не только къ совершенному отсутствію женщинъ, которыхъ здѣсь нигдѣ не видно, но и къ перевѣсу иностранцевъ всѣхъ націй надъ уроженцами въ собственной ихъ столицѣ. Идя по улицамъ, я вижу въ порядочномъ платьѣ только нѣкоторыхъ Италіанскихъ лавочниковъ, Баварскихъ солдатъ, чиновниковъ и нѣкоторыхъ изъ членовъ здѣшняго дипломатическаго корпуса. Только около кофейныхъ домовъ можно видѣть по вечерамъ нѣкоторыхъ Грековъ въ богатомъ отечественномъ платьѣ, которые, не имѣя, по видимому, никакаго дѣла, сидятъ и курятъ свои трубки, разговаривая вѣроятно о томъ времени, когда ихъ сабли не ржавѣли въ ножнахъ и бурная жизнь была полезна для отечества. Но кромѣ ограниченнаго числа сихъ поликаровъ, столь нѣкогда драгоцѣнныхъ своему отечеству, а теперь совершенно заброшенныхъ, можетъ быть даже вредныхъ, по давнишнимъ привычкамъ къ безначалію и войнѣ, мы видимъ въ Греческомъ одѣяніи

только нѣсколько ремесленниковъ, работниковъ и нищихъ. Мнѣ случилось разъ пройдти мимо харчевни и видѣть, какъ оттуда выскочилъ Баварскій полупьяный солдатъ и потихоньку пробирался къ своимъ товарищамъ. Нѣсколько Грековъ бросилось за нимъ въ погоню, требуя, съ громкими криками и сверкающими глазами, чтобъ онъ заплатилъ харчевнику долгъ свой. Это событіе, само по себѣ довольно незначительное, не изображаетъ ли теперешняго положенія Греціи? Не доказываетъ ли оно, какъ много она терпитъ обидъ въ высшихъ, равно какъ въ самыхъ низшихъ сословіяхъ? Станъ Баварскихъ солдатъ, получающихъ плату на счетъ Греческаго народа, расположенъ около самаго города; цѣль этого воинства — защищать короля отъ злонамѣренныхъ Грековъ. Вмѣсто деревянныхъ стѣнъ Ѳемистокла, въ гавани Пирея находятся двѣ эскадры, одна Французская, другая Австрійская. Высшіе и низшіе чиновники почти всѣ иностранцы. Здѣсь завели Kriegsministerium и Finanzministerium, которые посылаютъ Баварскихъ солдатъ противъ Майнотовъ и деньги въ Баварію. Не было, можетъ быть, средствъ распорядиться иначе, но по-крайней-мѣрѣ можно было все это сдѣлать половчѣе, и тѣмъ избѣгнуть толковъ, которые по-

всюду слышны на счетъ существующихъ здѣсь злоупотребленій (*).

Общество, разумѣя подъ этимъ словомъ гостинныя, въ которыхъ высшіе классы собираются, носитъ еще примѣтный характеръ ничтожества жителей и перевѣса иностранцевъ. Армія дипломатовъ прибавляетъ къ нимъ свои легіоны, которые, какъ бы раздѣлены ни были между собою, еще заглушаютъ языкъ и нравы Грековъ. По краткому знакомству съ здѣшнимъ обществомъ, я убѣдился, что, несмотря на многіе любопытные предметы въ этомъ городѣ, столь богатомъ для ученія, въ немъ должно быть очень тяжело жить, особенно для тѣхъ, которые не любятъ интриги и дорожатъ добрымъ именемъ.

Я имѣлъ честь въ прошедшую среду представляться канцлеру королевства Греческаго, графу Армансперґу и всей его семьѣ. Три прелестныя дочери, изъ коихъ одна помолвлена за потомка славной фамиліи Кантакузеновъ, украшаютъ его домъ. Два дня послѣ этого я получилъ приглаше-

(*) Съ того времени, какъ эти строки были написаны, Баварское войско было переведено изъ Греціи назадъ въ свое отечество, и дѣла этого королевства производятся нынѣ подъ управленіемъ министровъ, назначаемыхъ не регентствомъ, а самимъ королемъ Оттономъ.

ніе явиться во дворецъ, и былъ представленъ нашимъ посланникомъ его величеству королю Оттону. — Весьма кроткое и пріятное выраженіе отличаетъ лицо этого молодаго монарха. Станъ его высокъ и строенъ. На немъ былъ голубой Греческій мундиръ и онъ принялъ насъ въ тронной своей залѣ. Его положеніе возбуждаетъ всеобщее участіе. Нѣжно любимый матерью и всѣмъ своимъ семействомъ, онъ вдругъ долженъ былъ ихъ оставить, переселиться въ землю чуждую и посвятить свои силы и жизнь благу народа, еще непривыкшаго оцѣнять дары просвѣщенія и гражданскаго порядка. — Но высокая его цѣль служитъ сама собой ему утѣшеніемъ, и, несмотря на неудовольствія жителей противъ его министровъ и солдатъ, онъ самъ служитъ предметомъ всенародной любви, и должно надѣяться, что всѣ пожертвованія, имъ сдѣланныя, и не вознаграждаемыя блескомъ трона, будутъ со временемъ увѣнчаны успѣхомъ. Разговоръ нашъ, продолжавшійся около четверти часа, шелъ о странѣ, мною пройденной, особенно о берегахъ Альфея, и о карантинѣ. Эта послѣдняя статья весьма важна для Греціи, по ея положенію между землями, часто опустошаемыми чумою, и тѣми, въ которыхъ учреждены карантины. Вопросъ состоитъ въ

томъ: менѣе ли торговля потерпитъ отъ существованія полнаго карантина со стороны Италіи и свободнаго пропуска изъ Турціи, или раздѣленія этого карантина на два, наблюденіемъ половиннаго карантина для судовъ, приходящихъ изъ Турецкихъ владѣній? Этотъ послѣдній карантинъ теперь учрежденъ, но весьма слабо наблюдается по причинѣ трудности охранять пространныя берега и пристани, въ коихъ весьма легко морякамъ выгружать свои товары. Опытность нашего посланника, изучившаго въ подробности нужды и положеніе Греціи, даетъ ему большой вѣсъ при здѣшнемъ дворѣ, и король въ особенности дорожитъ его совѣтами.

Образъ жизни нашей въ теченіе истекшей недѣли странно разнится отъ времени, проведеннаго нами съ-тѣхъ-поръ, какъ мы путешествуемъ. Гостепріимный домъ нашего посланника открытъ для всѣхъ Русскихъ, и это есть благодѣяніе не для однихъ путешественниковъ, но и для живущихъ здѣсь постоянно; безъ этого пріюта они должны бы таскаться безпрестанно по трактирамъ для своего обѣда, и по гостиннымъ иностранныхъ посланниковъ для развлеченія. Большой домъ, въ которомъ живетъ нашъ посланникъ, имѣетъ прекрасный видъ на храмъ Юпитера Олимпійскаго, о

которомъ я еще не говорилъ, на почти изсохшую достопамятную рѣчку Илиссусъ и на горы Химетскія. Послѣ обѣда общество собирается на балконѣ, имѣя передъ собой эту классическую картину; курятъ трубки и разговариваютъ, наслаждаясь первыми прохладными минутами вечера. Къ сожалѣнію, минуты эти весьма часто бываютъ отравляемы непріятными впечатлѣніями. Не знаю почему Баварцы выбрали окресности храма Юпитера для своего кладбища. Рѣдко проходитъ день, въ который какой нибудь новый гость не приходилъ бы при звукахъ барабана увеличивать собою и безъ того уже многочисленное общество покойниковъ. Причину такой смертности должно полагать, во первыхъ, въ лихорадочномъ климатѣ, особенно злокачественномъ и вредномъ въ мѣстахъ болотистыхъ и на дорогѣ изъ Аѳинъ въ Пирей, на которой большая часть Баварскихъ солдатъ теперь работаетъ, а во вторыхъ въ невоздержности чужеземцевъ, которые ѣдятъ всѣ фрукты, попадающіеся имъ, а между тѣмъ не отстаютъ отъ своего пива. Мы проводимъ вечера въ прогулкахъ къ загородному дому, который посланникъ строитъ для пользы и увеселенія Аѳинской публики, или слушаемъ военную музыку, которая два раза въ недѣлю играетъ на открытомъ воздухѣ. Такимъ

образомъ мы, признаться, нѣсколько ослабѣли для трудовъ и, боясь жара, остаемся почти цѣлыя утра у себя дома.

Извѣстный въ Греческой революціи адмиралъ Міаулисъ скончался. Бренные остатки его перевезли на этой недѣлѣ съ большимъ торжествомъ изъ Аѳинъ въ окрестности Пирея; тамъ похоронятъ ихъ въ землѣ, ему принадлежащей, на морскомъ берегу, недалеко отъ могилы Ѳемистокла. Длинная программа о ходѣ всей церемоніи и объ участіи, которое разные военные и гражданскіе чины должны были принять въ ней, была публикована въ здѣшнихъ газетахъ. Мнѣ показалось, что весь напечатанный церемоніалъ слишкомъ отзывается западными нравами, и что простота, составляющая, наравнѣ съ отважностью, одну изъ главныхъ чертъ жизни Греческаго воина, потеряна изъ вида при пышныхъ похоронахъ. — Какая надобность внушать преждевременно Грекамъ столь безполезную и ложную роскошь? Она придетъ сама собою, послѣ волтеровскихъ креселъ, раздушенныхъ мужчинъ и лицемѣрныхъ изъявленій горести; а пока сихъ послѣднихъ улучшеній нѣтъ, пусть сыновья предаютъ прахъ своихъ родителей землѣ по древнему своему обычаю. Впрочемъ я церемоніи не видалъ: она должна была со-

вершиться въ 5 часовъ утра, чтобъ избѣжать жара, а я, надѣясь на медленность Баварцевъ, пришелъ на мѣсто въ половину шестаго и опоздалъ.

Здѣсь и въ Наполи-ди-Романія издаются двѣ газеты на Греческомъ и на Французскомъ языкахъ; но не думайте почерпнуть изъ нихъ свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Греціи: вы найдете въ нихъ только одну полемику и смѣсь теорій, другъ другу противорѣчащихъ и совсѣмъ несвойственныхъ пользамъ народа, еще непривыкшаго ни къ какому порядку. — Такія газеты можно бы издавать, не выходя изъ Парижа или Лондона.

Не стоитъ говорить о лицахъ, съ которыми я познакомился; они не принадлежатъ странѣ, мною посѣщенной и подобныя имъ встрѣчаются во всѣхъ городахъ. Стòитъ однако упомянуть объ одномъ родѣ людей, которые въ другихъ земляхъ не встрѣчаются, по-крайней-мѣрѣ по здѣшнему образчику. Это консулы разныхъ державъ. Ихъ происхожденіе по-большой-части Греческое; но, находя выгоду въ продажѣ своего отечественнаго усердія какому-нибудь изъ иностранныхъ посланниковъ, они промышляютъ тѣмъ, что заводятъ въ разныхъ портахъ, гдѣ они находятся, интриги и стараются провѣдать тѣ, которыми заняты ихъ противники. Они, по большой части, почитаютъ

себя большими политиками и, чтобъ внушить другимъ это мнѣніе и выказать свое усердіе, распространяютъ самыя ложныя свѣдѣнія о затѣяхъ, ими прекращенныхъ, и услугахъ, ими оказанныхъ. Бѣда тому, кто хочетъ составить себѣ мнѣніе о народѣ по ихъ словамъ.

Середа $^1/_{13}$ *Іюля.* — Переходъ отъ трудной дороги къ покойной теперешней жизни не обошелся для насъ безъ худыхъ послѣдствій. Брюлловъ получилъ отъ неосторожнаго купанья въ морѣ, въ которомъ сидѣлъ часа полтора во время полуденнаго жара, сильный солнечный ударъ. — Болѣзнь началась болью въ спинѣ и лихорадкой, и увеличилась невозможностью спать въ нашей прозрачной квартирѣ. Надъ его комнатой живетъ, къ несчастью, Греческое семейство, и если бы даже оно было не столь шумливо, то живущему вблизи его все таки нельзя было бы ничего дѣлать безъ его вѣдома, благодаря широкимъ скважинамъ въ потолкѣ, раздѣляющемъ два этажа. Нѣсколько ночей тому назадъ они, вѣроятно отъ безсонницы, стали около двухъ часовъ ночи колоть сахаръ надъ самой головой больнаго, который воображалъ, что бьютъ фальшивую мо-

нету во второмъ этажѣ. По рекомендаціи посланника, я просилъ лейбмедика короля, доктора Видмера, навѣщать нашего больнаго. Онъ уже два раза пустилъ ему кровь очень обильно, но лихорадка все его не оставляетъ, и больной часто бываетъ въ бреду. Очевидная опасность его положенія еще увеличивается тѣмъ, что эпидемическая лихорадка свирѣпствуетъ въ городѣ, и что̀ день, то похоронный поѣздъ какого нибудь Баварца проходитъ подъ нашими окнами. Но я благодарю Бога, что эта болѣзнь не открылась посреди пустыней Мореи, когда мы день и ночь проводили подъ открытымъ небомъ. — Что̀ бы тогда намъ дѣлать? Теперь, по-крайней-мѣрѣ, мы имѣемъ помощь искусства, и я могу проводить большую часть дня у постели Брюллова, который показываетъ рѣдкое терпѣніе и твердость. Это непріятное событіе остановило всѣ предпріятія, которыя я имѣлъ въ виду во время моего пребыванія въ Аѳинахъ. Но еще другое обстоятельство меня разстроило и безпокоитъ на счетъ успѣховъ нашего путешествія: докторъ Крамеръ принужденъ по разнымъ причинамъ оставить меня и возвратиться въ Италію. Потеря эта для меня очень чувствительна, потому-что я лишаюсь въ немъ равно трудолюбиваго и ученаго сотрудни-

ка. Я ему обязанъ всѣми надписями, которыя мы до-сихъ-поръ нашли, и разными топографическими замѣчаніями, что видно въ разныхъ отдѣленіяхъ моего журнала, гдѣ я привожу его свидѣтельство.

Въ понедѣльникъ былъ вечеръ у нашего посланника, и я имѣлъ случай видѣть большую часть дипломатической Аѳинской публики. Одна черта, отличающая это общество отъ блистательныхъ собраній, которыя мы видимъ во всей Европѣ и, по моему мнѣнію, пріятно его отличающая, та, что кавалерамъ подаютъ длинныя трубки и они, сидя на балконѣ, могутъ бесѣдовать и вмѣстѣ съ тѣмъ глядѣть на звѣзды, горящія надъ Химетомъ. Запахъ дыма не входитъ вовсе въ гостинную и не безпокоитъ дамъ. — Музыкантъ, пріѣхавшій изъ Молдавіи и играющій на флейтѣ довольно плохо, и чревовѣщатель забавляли гостей, занимавшихся то разговоромъ, то картами.

Я посвятилъ одно утро на посѣщеніе Фонаря Демосѳенова, развалинъ Олимпіума (храма Юпитера Олимпійскаго) и всей занимательной страны, которая его окружаетъ. Этотъ храмъ, безъ сомнѣнія, самый огромный размѣромъ своимъ во всѣхъ Аѳинахъ и, по описанію древнихъ, одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ въ мірѣ, — обратилъ на

себя гораздо менѣе прочихъ вниманіе путешественниковъ. Не оттого ли, можетъ быть, что онъ принадлежитъ больше къ Римскому, чѣмъ къ Греческому вкусу, что въ Римѣ много видно остатковъ въ его родѣ и что цѣль пріѣзжающихъ въ Грецію: изучать памятники, которые носятъ на себѣ отпечатокъ чистаго Греческаго вкуса? Но тѣ, которые въ своихъ замѣчаніяхъ слѣдуютъ своему собственному вкусу болѣе, чѣмъ какой нибудь предположенной себѣ системѣ, непремѣнно остановятся на нѣсколько времени у подошвы величественныхъ колоннъ, остающихся отъ прежняго зданія. Онѣ стоятъ внѣ теперешняго города на берегу рѣчки Илиссусъ и, по неимѣнію никакого другаго строенія въ ихъ сосѣдствѣ, весь городъ и южный скатъ акрополиса видны съ сего пункта. Это едвали не лучшій видъ Аѳинъ.

Что̀ же касается собственно до развалинъ, онѣ не только очень занимательны, какъ памятникъ времени, когда царственный Римъ простеръ свое вліяніе на Грецію, но какъ прекрасное художественное произведеніе. Это уже не низкій размѣръ Дорическихъ зданій, и не скромность въ главныхъ линіяхъ и во всѣхъ украшеніяхъ, но высота въ цѣломъ и пышность въ частяхъ. Изъ всѣхъ орденовъ архитектуры, это былъ самый свойственный

характеру Римлянъ; но это не мѣшаетъ однакоже почитать его Греческимъ и способнымъ въ такой же степени какъ Іоническій и Дорическій къ утонченностямъ вкуса. Хорагическій монументъ Лизикрата, болѣе извѣстный подъ названіемъ Демосѳенова фонаря, есть тому доказательство. Этотъ небольшой памятникъ можетъ служить въ Коринѳскомъ орденѣ образцемъ совершенства, точно такъже, какъ Эрехтей въ Іоническомъ. Храмъ Юпитера далеко отстоитъ отъ монумента Лизикратова красотой своей отдѣлки, какъ ясно видно по сравненію деталей, и этотъ упадокъ приписать должно большому измѣненію вкуса отъ временъ Перикла до Адріана (*). Со всѣмъ тѣмъ Олимпіумъ невольно поражаетъ насъ, и мнѣ особенно понравился потому, что напомнилъ Campo Vaccino. Весьма любопытно было бы для архитектора сравнить развалины древняго Рима съ

(*) Опредѣленіе правилъ вкуса въ архитектурѣ мудренѣе, чѣмъ во всѣхъ прочихъ искусствахъ. Шинкель, на вопросъ мой: въ чемъ состоитъ очевидное превосходство въ стилѣ Хорагическаго монумента надъ Олимпіумомъ, сказалъ между прочимъ, что изгибы и волуты Аканѳскаго листа относятся гораздо ближе въ первомъ, чѣмъ въ послѣднемъ къ архитектонической формѣ (σχημα) украшеній. Это замѣчаніе, обличающее въ Шинкелѣ мастера своего дѣла, будетъ всѣмъ понятно по сравненію деталей того и другаго строенія, описанныхъ въ книгѣ Стюарта (Antiquities of Athens).

развалинами этихъ и сосѣднихъ съ нимъ тріумфальныхъ воротъ, сооруженныхъ Римскимъ императоромъ на землѣ Греческой и съ помощью работниковъ Греческихъ.

Находясь уже у береговъ Илисса, рѣчки, прославленной въ исторіи и прекрасно описанной въ Платоновомъ Федрѣ, я продолжалъ путь свой по берегу, но искалъ понапрасну свѣжаго мѣста, столько очаровавшаго Сократа. Деревьевъ не видать нигдѣ; трава вовсе незелена и сгорѣла на окостенѣвшей почвѣ; сама рѣчка едва примѣтна, но она, вѣроятно, не много уменьшилась, потому-что Федръ предлагалъ Сократу ходить по ея теченію для освѣженія своихъ ногъ. На противномъ или лѣвомъ берегу рѣчки примѣтны остатки Стадіума; еще далѣе были Лицей и сады, куда собирались ученики Аристотеля. Въ этихъ, нѣкогда прохладныхъ мѣстахъ, Аѳинское юношество соединяло умственныя свои занятія и размышленія о высокомъ нравственномъ благѣ съ тѣлесными движеніями гимнастики. При усовершенствованіи души, тѣло также развертывалось въ способности гибкости и силѣ, которыя даны ему отъ природы. Здѣсь, наконецъ, возрождались эти высокіе идеалы о человѣкѣ, исполненіе коихъ мы видимъ въ прелестныхъ твореніяхъ Фидія.

Суббота $^{4}/_{16}$ *Іюля.* — Желая отправить въ Россію точные образцы архитектурныхъ украшеній, которые такъ трудно передать въ описаніяхъ и даже рисункахъ, я придумалъ снять слѣпки съ разбросанныхъ обломковъ Эрехтея и Пареенона. Но такъ какъ этого нельзя сдѣлать безъ вѣдома правительства, то я ходилъ сегодня къ антикварію, г. Россу, для исходатайствованія позволенія и получилъ его съ условіемъ, чтобъ формы, заказанныя мной для слѣпковъ, остались въ пользу правительства. На возвратномъ пути отъ г. Росса, который живетъ на покатости Акрополиса, я услышалъ громкую духовую музыку, и, слѣдуя звукамъ, пришелъ вплоть къ осмиугольной Башнѣ Вѣтровъ, которую Баварцы обратили въ школу трубачей. Полдюжина солдатъ, желая насладиться прохладою, входила во внутренность этого строенія и подымала такой шумъ въ святилищѣ

бурь и вѣтровъ, что не было никакой возможности тамъ оставаться. Эта башня, возвышающаяся въ сосѣдствѣ Агоры, служила прежде не только указателемъ вѣтровъ, но часами и календаремъ. Вода, проведенная въ нее изъ подъ грота Пана, на горѣ, приводила въ движеніе внутренній механизмъ. Украшенія состоятъ изъ скульптурныхъ изображеній восьми главныхъ вѣтровъ на восьми сторонахъ башни. Двѣ колонны при входѣ принадлежатъ къ Коринѳскому ордену.

Я посѣтилъ еще обращенный въ кладовую для мраморныхъ обломковъ храмъ Θезея; это одинъ изъ лучшихъ памятниковъ Греческой архитектуры и сохранился удивительно хорошо. Кровля, хотя частью возобновлена, показываетъ однако же древнюю систему каменныхъ перекладинъ, столь прочныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ столь красивыхъ для вида (*). Мѣры и подробности этого храма описаны довольно пространно въ Ликѣ. Онъ былъ начатъ до временъ Перикла, и многіе находятъ, что стиль его архитектуры еще чище Парѳенона. Онъ гораздо менѣе сего послѣдняго, но въ томъ же орденѣ и вкусѣ. Находясь теперь посреди

(*) Система сія подробно изложена выше, въ описаніи Парѳенона.

большаго пространства, не занятаго постройками и на самомъ краю города, онъ кажется съ нѣкотораго разстоянія чрезвычайно малъ и не производитъ никакаго дѣйствія. Замѣтивъ уже выше, что Греческіе храмы не имѣли никогда назначенія поражать своею наружностью, я долженъ еще припомнить, что всѣ окружавшіе ихъ домы были столь скромны, и улицы такъ узки и низки, что въ сравненіи съ ними храмы казались не только прелестными, но даже величественными. Ни у какого дома не было оконъ на улицу, но только дверь, ведущая во внутренность и иногда открытое мѣсто для лавки. Слѣдовательно стѣны домовъ не отличались ничѣмъ особеннымъ; колонны и фронтоны были запрещены частнымъ лицамъ, которымъ предоставлялось право украшать внутренность своихъ домовъ совершенно по своему произволу. Всѣ же торжественныя наружныя украшенія оставались принадлежностью только однихъ храмовъ (*).

Зданія частныхъ лицъ были слишкомъ скромны, чтобы удовлетворять вкусу публики, и по

(*) Доказательствомъ сему служитъ рѣчь Демосѳена, въ которой онъ негодуетъ на надменную пышность украшеній, присвоиваемыхъ въ его время частными домами и принадлежащихъ по справедливости только однимъ храмамъ.

этой причинѣ Греки были нѣкоторымъ образомъ принуждены *искать* красивое и не находили мелкимъ того, что показалось бы намъ таковымъ при теперешнемъ размѣрѣ и ложномъ блескѣ частныхъ домовъ.

Время, которое я могу посвятить Аѳинамъ, такъ коротко, и притомъ жары такъ утомительны, что я не чувствую въ себѣ довольно силы разсмотрѣть въ большой подробности всѣ здѣшніе памятники. Я вообще стараюсь осмотрѣть ихъ въ полномъ ихъ объемѣ, и хочу представить себѣ весь городъ такимъ, какимъ онъ былъ прежде.

Множество памятниковъ, сохранившихся во всей Греціи, особенно же въ Аѳинахъ, и показывающихъ совершенство ихъ отдѣлки, превосходитъ все, что можно видѣть въ нынѣшнихъ городахъ. Они тѣмъ болѣе должны удивлять насъ, что здѣшнее народонаселеніе было гораздо менѣе народонаселенія многихъ Европейскихъ столицъ. Употребленныя на нихъ суммы были неисчислимы, и это заставляетъ насъ заключить, что жители были побуждаемы къ столь огромнымъ пожертвованіямъ не однимъ правительствомъ, но воспитаніемъ, врожденнымъ вкусомъ и самыми нравами. Голубое небо манило ихъ изъ тѣсныхъ

домовъ на открытый воздухъ, а душа влеклась къ изящнымъ твореніямъ, красоту которыхъ понималъ весь народъ, одаренный въ то же время высшею способностію къ художествамъ. Что касается до простаго народа или черни, должно полагать, что онъ здѣсь жилъ точно такъже, какъ живутъ теперь въ Неаполѣ и Римѣ бѣдные люди. Лавочники сидѣли въ своихъ лавкахъ, а мелкіе торгаши, поденьщики и лѣнивцы останавливали прохожихъ, какъ это дѣлается даже теперь, или сидѣли по троттуарамъ, которые, будучи вышиною въ аршинъ, позволяли имъ свѣшивать ноги. Граждане, болѣе независимые, стремились между тѣмъ къ агорѣ или Пниксу; ученые соединялись въ рощахъ Академіи, или въ садахъ Лицея; праздные собирались въ трактиры для разговоровъ. Словомъ, всѣ классы и всѣ званія проводили большую часть своей жизни и имѣли самыя важныя занятія на открытомъ воздухѣ, и должны были не только гордиться своими памятниками, но оцѣнять ихъ, какъ мы цѣнимъ наши собственныя фамильныя сокровища. Въ этомъ смыслѣ патріотизмъ древнихъ былъ сильнѣе нынѣшняго; пожертвованія, ими дѣлаемыя, не почитались налогами. Они, по своему вкусу, посвящали все свое время и большую часть своихъ денегъ об-

*

щественной пользѣ. Рабы уменьшали ихъ труды, а простота домашней ихъ жизни — издержки; но тотъ, кто хотѣлъ наслаждаться семейнымъ уединенiемъ и спокойствiемъ, могъ лучше нашего укрыться отъ шумнаго свѣта. Любопытные сосѣди не могли заглядыватъ въ его домъ, который освѣщался только посредствомъ внутренныхъ дворовъ, и такъ удобно раздѣлялся на двѣ половины, что хозяинъ могъ въ одной изъ нихъ предаваться занятiямъ въ совершенномъ уединенiи, а въ другой пользоваться бесѣдою женщинъ. И въ домашнемъ быту, и въ кругу общества, всѣ стремились только къ одному — къ наслажденiю жизнью. Цѣль эта бывала часто предметомъ государственныхъ разсужденiй. Философы толковали о ней, а софисты прельщали юношество своими шарлатанскими, часто развратными мудрствованiями, потому-что главною ихъ темою было облегченiе науки и дозволенiе всякихъ наслажденiй. Дѣйствительно, народъ имѣлъ тогда гораздо болѣе наслажденiй всякаго рода, чѣмъ теперь. Однако не должно забывать и то, что въ то время было гораздо легче управлять государствомъ, чѣмъ нынѣ. Тогда было менѣе народонаселенiя и менѣе людей, пользовавшихся разными отдѣльными правами. Мы теперь менѣе украшаемъ города свои,

но гораздо болѣе жертвуемъ обществу и деньгами, и временемъ, и уваженіемъ къ мнѣнію другихъ; настанетъ время, когда пожертвованія эти еще увеличатся. Говорятъ, что въ Сѣверной Америкѣ есть уже одна колонія, основанная Овенномъ, гдѣ начальство имѣетъ право предписывать каждому семейству сколько ему должно имѣть дѣтей. Крайность эта есть противоположность той свободы, коей слѣды видны даже на остаткахъ изящныхъ произведеній Греческихъ.

Воскресенье $^{5}/_{17}$ *Іюля.* — Оставляю древности, чтобъ поговорить о своихъ товарищахъ, о себѣ и нынѣшнихъ Аѳинахъ. Болѣзнь Брюллова все въ одномъ положеніи и онъ еще не вышелъ изъ опасности. Во всѣ эти дни проводилъ я утро по большой части дома. Одинъ разъ былъ я приглашенъ къ канцлеру Армансперbegу, который угощалъ Русскаго посланника и трехъ Австрійцевъ, пріѣхавшихъ на фрегатѣ и имѣющихъ намѣреніе посѣтить Палестину. Это были генералъ Леппель, князь Шварценбергъ и князь Лобковицъ, находившійся при Австрійской миссіи въ Петербургѣ. За столомъ не было ничего особенно занимательнаго; но видно, что Аѳины, издревле славные своими поварами, (объ этомъ говоритъ Аристофанъ), пріобрѣтутъ опять этихъ артистовъ гораздо скорѣе, чѣмъ всѣхъ другихъ. Послѣ обѣда король

пріѣхалъ во фракѣ и разговаривалъ какъ съ домашними, такъ и съ гостями.

У его величества я также имѣлъ честь обѣдать съ пріѣхавшимъ изъ Константинополя Прусскимъ посланникомъ Мартенсомъ. Кромѣ свиты, состоявшей частью изъ Грековъ, частью изъ Баварцевъ, было нѣсколько старыхъ Греческихъ капитановъ. Мавро-Михалисъ, племянникъ того, который убилъ Каподистрія, Цавелласъ, который отмстилъ за смерть своихъ соотечественниковъ, заклеймивъ свое имя на челѣ нѣсколькихъ сотенъ Турецкихъ плѣнниковъ, и другіе, коихъ имена я не могъ упомнить, щеголяли за столомъ своими шитыми куртками съ фустанелью (полукафтанъ или родъ юбки). Я замѣтилъ, что король говорилъ съ ними по Гречески безъ примѣтнаго затрудненія. Случалось однако, что паликары, иногда не дослушавъ его, спрашивали другъ друга: «что онъ говоритъ?» Вчерашній вечеръ у канцлера было многочисленное собраніе, которое у него бываетъ каждую недѣлю два раза. Залы были полны дамами и кавалерами; король пріѣхалъ при мнѣ. Проѣзжая дорога проведена отъ дворца къ графу Арманспсргу, и такъ его величество не принуждено идти пѣшкомъ, какъ большая часть здѣшнихъ обывателей.

Почти все общество состояло изъ дипломатовъ и Баварцевъ, но явилось также нѣсколько Грековъ. Между прочими Никита *Туркопѣдъ*, и другія лица, извѣстныя въ исторіи революціи Греческой. Ихъ застѣнчивость при входѣ въ гостинную очень примѣтна и очень понятна. Они являются въ сферѣ, совершенно для нихъ новой, и тѣ, которые по торговымъ или другимъ дѣламъ не имѣли сношеній съ иностранцами, обнаруживаютъ неловкость и робость въ обхожденіи. Они, кажется, не знаютъ, дѣлаютъ ли они честь обществу, являясь въ немъ, или общество дѣлаетъ имъ честь, принимая ихъ. Впрочемъ провести одинъ вечеръ у Греческаго канцлера довольно интересно для того, кто хочетъ имѣть хоть поверхностное понятіе о смѣси общества въ здѣшнемъ краю.

По упомянутымъ выше причинамъ, я, въ теченіе минувшихъ дней, мало занимался Аѳинскими древностями; но обратимъ теперь вниманіе на нынѣшнее состояніе города и Греціи вообще.

Аѳины были, вѣроятно, во время Турокъ, нерегулярнымъ городомъ; — всѣ старинныя улицы, теперь существующія, застроены узко и безъ всякой симметріи. Зато онѣ прохладны и дома стоятъ не дорого. Должно полагать, что и древній городъ былъ самый нерегулярной, въ родѣ ста-

ринныхъ нѣмецкихъ городовъ. Къ сожалѣнію этотъ характеръ, повидимому предписанный самымъ климатомъ, измѣняется въ новыхъ постройкахъ, начатыхъ Баварцами. Огромный планъ съ улицами и площадьми, въ родѣ Берлина, уже сдѣланъ, и, если его приведутъ въ исполненіе, то солнце будетъ безпрепятственно палить жителей и въ домахъ, и на улицахъ. Но остается еще одна надежда: постройки и всѣ работы вообще чрезвычайно дороги, а у правительства очень мало денегъ. Что̀ же касается до жителей, то они строятъ дома свои такимъ образомъ, что, въ теченіе десяти или пятнадцати лѣтъ, они неминуемо должны обвалиться. Капиталы такъ рѣдки, что ихъ нельзя достать иначе, какъ за огромные проценты по 20 и даже по 30%. Въ слѣдствіе этого, желающій строить домъ имѣетъ весьма рѣдко достаточныя денежныя средства, чтобъ употреблять правильно высѣченный камень и долженъ выводить стѣны изъ разныхъ каменьевъ, необтесанныхъ и сложенныхъ на удачу. Эти постройки, немногимъ лучше нашихъ Малороссійскихъ хатъ, не долго устоятъ, и хозяинъ долженъ класть самую неумѣренную цѣну за самую скверную квартиру, чтобъ выручить свои деньги. Но если этимъ домамъ суждено скоро развалиться, за то

и строятся они скоро. Съ-тѣхъ-поръ, какъ я здѣсь, поднимаются новыя стѣны со всѣхъ сторонъ, и случается иногда, что иностранцевъ, прiѣзжающихъ въ Аѳины и требующихъ квартиры, ведутъ по улицамъ для выбора мѣста, въ которомъ черезъ три или четыре дня обѣщаютъ выстроить для нихъ домъ, не много хуже того, въ которомъ я теперь живу. Дороговизна простирается не на однѣ квартиры, но на всѣ потребности жизни. Переѣздъ двора изъ Навплiи въ Аѳины, ничѣмъ еще не запасенные, былъ вѣрно одною изъ главныхъ причинъ высокихъ здѣшнихъ цѣнъ, мало чѣмъ уступающихъ Лондонскимъ.

Впрочемъ, недостатокъ кредита примѣтенъ не въ одной столицѣ; онъ видѣнъ также и въ малоцѣнности недвижимыхъ имѣнiй вообще, и въ огромныхъ процентахъ, платимыхъ за капиталы. Обширныя земли, уступленныя Турками по окончанiи войны, остаются до сего времени безъ всякой пользы для помѣщика, потому-что обработыванiе ихъ, при наложенныхъ повинностяхъ, превзошло бы цѣну самаго имѣнiя. Нельзя въ теперешнемъ положенiи исчислить, какими огромными средствами обладаетъ Грецiя, ибо онѣ теперь не цѣнятся даже самыми уроженцами. Но мнѣ кажется, по моимъ собственнымъ наблюденiямъ и по

разговору, который я имѣлъ съ однимъ изъ самыхъ образованнѣйшихъ Грековъ, что материкъ Греціи былъ бы еще способнѣе Мореи къ пропитанію народонаселенія, если бъ оно даже увеличилось колонистами. Во-первыхъ Морея, какъ пуста она мнѣ ни показалась, населена уже теперь болѣе материка Греціи. Во-вторыхъ Греки Морейскіе, сошедши съ горъ въ болѣе плодородныя равнины, принадлежавшія Туркамъ, не уступятъ ихъ охотно иноземцамъ, которымъ нельзя отдать и горы, такъ какъ сіи послѣднія равномѣрно принадлежатъ теперешнимъ жителямъ. Въ-третьихъ Греки, обитающіе на материкѣ, предпочитаютъ напротивъ горы равнинамъ, потому-что тамъ воздухъ чище и вода лучше, и, наконецъ, въ-четвертыхъ, въ этой части Греціи гораздо болѣе равнинъ. Если эти подробности, при теперешнемъ бездѣйствіи, покажутся лишними, то скоро будутъ онѣ имѣть нѣкоторый вѣсъ, ибо при продолженіи мира, капиталы западной Европы непремѣнно будутъ привлечены на столь выгодное для нихъ поприще. Теперь находится здѣсь, въ родѣ ихъ предшественника, одинъ Англичанинъ, пріѣхавшій сюда съ предложеніями одной компаніи для учрежденія національнаго банка. Его кондиціи показались весьма умѣренными. Во первыхъ

онъ предполагаетъ ссудить деньгами подъ залогъ недвижимостей, а Греки цѣнятъ сіи послѣднія очень низко; во вторыхъ, онъ проситъ только 6% за капиталъ, отдаваемый имъ въ ссуду. Что̀ же касается до перваго пункта, то я полагаю, что онъ вѣрно устроитъ свои дѣла такъ, что не приметъ въ залогъ сухія горы, но только однѣ нивы и виноградные сады; а на второй пунктъ надо замѣтить, что онъ проситъ сверхъ 6% на капиталъ дозволеніе, пустить въ ходъ ассигнаціи на цѣну, равную капиталу, что тотчасъ же возвыситъ его процентъ до 12%. Греки довольно хитры въ ежедневныхъ денежныхъ дѣлахъ, но не очень опытны въ финансовыхъ оборотахъ, и я боюсь, что они прельстятся предложеніями, которыя имъ будутъ сдѣланы, и видя наличныя деньги, уступятъ лучшія части своего отечества иностраннымъ спекуляторамъ.

Учрежденное въ Греціи правительство не ознаменовало себя до-сихъ-поръ большимъ искусствомъ въ отношеніи къ финансамъ. Съ восшествія короля Оттона на престолъ издержки казенныя превышаютъ доходы почти цѣлой половиной и правительство спаслось отъ банкротства единственно посредствомъ займа, имъ сдѣланнаго, и коего двѣ первыя серіи уже истрачены. Эти

деньги пошли на жалованье арміи и чиновникамъ Баварскимъ, на обезпеченіе невыгодныхъ оборотовъ и на мелочныя, придворныя учрежденія, бывшія поводомъ къ неимовѣрнымъ злоупотребленіямъ. Между тѣмъ всѣ повинности очень высоки, а именно, 10% на продукты помѣстій частныхъ и 25% на продукты казенныхъ земель; пошлина на привозные товари, бывшая при Туркахъ только около 3, теперь возвышена до 12%. Все это, вмѣсто того, чтобъ привлекать въ ихъ нынѣшнее отечество Грековъ изъ Турціи, принудило, напротивъ, многихъ изъ нихъ перейдти къ Туркамъ и записаться въ *раи* въ разныхъ частяхъ Европейской и Азіатской Турціи, гдѣ повинности коммерческія остались на прежней, умѣренной ногѣ. Явно, что, при такомъ управленіи, несмѣтныя выгоды климата и почвы Греческой останутся безъ всякаго дѣйствія.

Неудовольствія, изъявляемыя жителями въ сѣверныхъ частяхъ Греціи, и разныя мѣстныя возмущенія, о которыхъ намъ говорили на дорогѣ въ Аѳины, до того увеличились, что правительство посылаетъ сильный отрядъ для усмиренія всей этой страны, и поручило команду онаго Шотландскому полковнику Гордону. Всеобщее чувство уваженія къ этому старику, принимавшему всегда

дѣятельное участiе въ благосостоянiи Грецiи, произвело то, что никто не ропщетъ на его назначенiе къ такой важной должности. Со всѣмъ тѣмъ паликары говорятъ съ основательностью, что еслибъ Грекъ предводительствовалъ въ этомъ походѣ, то одно его имя дало бы болѣе нацiональности предпрiятiю. Можетъ быть впрочемъ было бы и болѣе раздоровъ, и многiе изъ тѣхъ, которые пойдутъ теперь подъ начальствомъ иностранца, не покорились бы охотно своему земляку.

О выборѣ лицъ нельзя разсуждать; но что касается до системы военнаго управленiя въ Грецiи, то я имѣлъ продолжительный разговоръ съ однимъ уроженцемъ, предводительствовавшемъ долго партiею и участвовавшемъ болѣе или менѣе въ дѣлахъ Греческой революцiи. Я запишу на память нѣкоторыя слова его, потому-что они показались мнѣ достопамятными, какъ въ отношенiи къ землѣ, такъ и къ характеру, немного шарлатанскому, человѣка, говорившаго со мною.

«Вы не въ состоянiи», такъ началъ онъ: «судить о нашихъ нуждахъ и о системѣ, которую слѣдовало бы ввести у насъ. Вы знаете нашъ край только поверхностно, а характеръ народный еще менѣе, и только видѣли послѣдствiя того, что̀ Баварцы сдѣлали, когда они вздумали

составлять изъ Грековъ большое регулярное войско; но что слѣдовало сдѣлать, этого вамъ никакой иностранецъ не скажетъ, и всѣ впали бы въ ту же ошибку, если попеременно взялись бы управлять нами.» Я признался въ своемъ невѣденіи и просилъ его сообщить мнѣ тѣ свѣдѣнія, которыя одни Греки, а между Греками особенно онъ, въ состояніи былъ дать мнѣ. Онъ отвѣчалъ, что я не могу такъ легко, какъ воображалъ себѣ, узнать то, въ чемъ онъ убѣдился послѣ долгаго и тягостнаго опыта на поляхъ битвы и въ гражданской жизни. А такъ какъ я сужу по европейскимъ понятіямъ и по примѣру другихъ земель, гдѣ обстоятельства Греческія неизвѣстны, то онъ, не почитая нужнымъ входить въ разсмотрѣніе болѣе отвлеченныхъ предметовъ, отъ разрѣшенія коихъ зависятъ военныя учрежденія, скажетъ мнѣ только свое мнѣніе объ участіи, которое народъ долженъ принять въ защитѣ своей родины.

«Вы замѣтили, что у насъ такъ мало земледѣльцевъ и такъ много необработанной земли. Въ силахъ ли» продолжалъ онъ: «Греція, уже столь бѣдная народомъ, поддерживать большое войско? Но знаете ли вы, что самимъ Грекамъ, набраннымъ въ солдаты, эта служба вовсе не лестна? Тѣ, которые прославились въ сраженіяхъ противъ Турковъ,

и много разъ проливали съ восторгомъ кровь свою, не могутъ привыкнуть во время мира къ форменному ружью и къ ранцу. Это для нихъ какъ ноша для поденьщика, и унижаетъ въ ихъ мнѣніи достоинство воина. По обѣимъ этимъ причинамъ, чѣмъ ограниченнѣе число регулярныхъ войскъ, признанныхъ необходимыми для защиты отъ иноземнаго нападенія, тѣмъ лучше. Но вокругъ этого центра должно было бы составить изъ прежнихъ паликаровъ родъ милиціи, которая имѣла бы двойную цѣль — охранять границы и внутренній порядокъ, а въ случаѣ войны могла бы составить баталіоны и въ видѣ волтижеровъ присоединиться къ главному корпусу. Положите около 200 человѣкъ на баталіонъ. Распустите на земледѣльческую работу всѣхъ, которые не нужны на постоянную службу, учредите мѣстную милицію на отвѣтственности жителей каждой эпархіи; пусть они сами снабдятъ ихъ нужнымъ оружіемъ и выберутъ клефта, который долженъ ими командовать. Такимъ учрежденіемъ вы не отнимете много рукъ у земледѣлія, и то только на ограниченное время, а между тѣмъ этотъ партизанный и вольный характеръ, который такъ свойственъ Греку, будетъ сохраненъ.» — Чтò же, спросилъ я: дѣлать въ случаѣ возмущеній, како-

выя здѣсь такъ часто бываютъ? Для этого у меня были всегда два правила: ходить на возмущенныхъ съ войсками той части Греціи, которая, по старинной ненависти или ревности, находится съ ними въ враждѣ, а также схватывать всѣхъ родныхъ или друзей мятежниковъ, хотя бы они состояли у меня на службѣ, и наказывать ихъ, или, по-крайней-мѣрѣ, удалять ихъ отъ себя въ вѣрное мѣсто, пока всѣ мятежники не усмирятся. Это надо дѣлать даже съ тѣми родственниками, которые кажутся въ ссорѣ съ семействомъ, потому-что часто случается, что они, подъ личиной вражды, помогаютъ имъ доставленіемъ точныхъ свѣдѣній.»

Я не упомню всего, что этотъ патріотъ мнѣ сказалъ; но общее впечатлѣніе, оставленное во мнѣ его словами, было то, что онъ одаренъ природною тонкостью, которую показываетъ то въ истинномъ познаніи государственныхъ интересовъ, то въ хитростяхъ, кои онъ привыкъ употреблять въ обращеніи съ людьми.

Середа $\frac{27\ \text{іюня.}}{8\ \text{іюля.}}$ — Брюллову, слава Богу, гораздо легче, и по всему видно, что здоровье его возвращается; онъ рисуетъ разныя фигуры на сосновомъ столикѣ, который стоитъ возлѣ его постели. Планъ, сдѣланный г. Ефимовымъ храму неокриленной побѣды, былъ первымъ предметомъ, возбудившимъ его дѣятельность, потому-что этотъ храмъ прежде украшался статуей, которую Брюлловъ взялся списать, когда ресторировка будетъ окончена. Я поспѣшу отправить въ Академію Наукъ сей плодъ трудовъ нашихъ, который считаю не совсѣмъ безполезнымъ, потому-что настоящія пропорціи храма до-сихъ-поръ не были извѣстны (*).

Офицеры Русскаго брига Ѳемистокла пригласили меня къ себѣ на бригъ, стоящій теперь въ

(*) Этотъ рисунокъ возобновленнаго храма былъ помѣщенъ въ Журналѣ Минист. Народ. Просв. на 1836 годъ.

Пирейской гавани; я отправился верхомъ до этого города, и видѣлъ на дорогѣ нѣсколько остатковъ древнихъ, длинныхъ стѣнъ, соединявшихъ прежде городъ съ портомъ; но, по данному мнѣ совѣту, не останавливался, потому-что воздухъ тамошній очень нездоровъ. Баварскіе солдаты заняты теперь дѣланіемъ шоссе и умираютъ какъ мухи. Баркасъ дожидался насъ у берега. Мы сѣли въ него и плыли до брига, имѣя передъ собою вдали эскадры: Австрійскую, подъ командой Дандоло и Французскую, которую я недавно видѣлъ въ Наполи-ди-Романія. Нашихъ судовъ теперь здѣсь только два: корветта Ифигенія и бригъ Ѳемистоклъ; оба они заслужили своими морскими маневрами и военнымъ устройствомъ одобреніе иностранныхъ моряковъ. Одинъ бригъ и одна вооруженная яхта составляютъ весь Греческій флотъ въ Піреѣ; другіе корабли находятся въ разныхъ мѣстахъ, подвластныхъ королю Оттону. Позавтракавъ на Ѳемистоклѣ и посѣтивъ капитана Ифигеніи, мы поѣхали смотрѣть отрытые въ приморскихъ каменныхъ утесахъ гробы, извѣстные подъ именемъ гроба Ѳемистоклова и названные такъ, вѣроятно, по сосѣдству острова Саламина, близъ котораго этотъ великій человѣкъ прославилъ себя. Ликъ опровергаетъ, на основаніи

историческихъ доводовъ, это преданіе, и полагаетъ, что они принадлежали другимъ лицамъ, прославившимся на морѣ.

Еще видны нѣкоторые слѣды прекрасныхъ произведеній, украшавшихъ прежній Пирей; но теперь всего скорѣе бросаются въ глаза, какъ пріѣзжающимъ съ моря, такъ и Аѳинянамъ, новые, каменные магазины, построенные предпріимчивымъ Италіанцемъ Феральди.

Мы возвратились въ Аѳины до заката солнца. Ходя по городу съ первымъ секретаремъ Русскаго посольства, я увидѣлъ вдали длинную цѣпь Грековъ, идущихъ одинъ за другимъ. Я не могъ понять, для чего они шли такимъ образомъ; но скоро первый изъ нихъ, старикъ въ Греческомъ національномъ платьѣ, съ сѣдыми волосами, орлинымъ носомъ и яркими темными глазами, подошелъ къ моему товарищу и поцаловалъ его. Потомъ онъ спросилъ его по-Гречески о здоровьи и прибавилъ съ улыбкой, говоря о себѣ, что секретарь поцаловалъ только двѣнадцатимѣсячнаго ребенка. Это былъ знаменитый Колокотрони, который напомнилъ намъ этой шуткой, что годъ тому назадъ, онъ былъ осужденъ на смерть, и, получивъ прощеніе, съ того времени какъ бы началъ новую жизнь. За нимъ шли Никита Тур-

коѣдъ и другіе его приверженцы, торжествовавшіе съ нимъ его освобожденіе изъ тюрьмы, и показывавшіе ему городъ, столько измѣнившійся съ тѣхъ-поръ, какъ Турки изъ него вышли.

Въ тотъ же вечеръ увидѣлъ я другую характеристическую группу людей, собравшихся на открытомъ воздухѣ вокругъ двухъ мужчинъ, которые танцовали, или, лучше сказать, прыгали до изнеможенія *ромаику*, національный танецъ Грековъ. Не могу сказать, чтобы онъ мнѣ очень понравился. Музыка такъ же однообразна, какъ движеніе двухъ танцовщиковъ, которые другъ противъ друга прыгали, повторяя тѣже самые па и перемѣняя только мѣсто. Неаполитанская тарантелла и Шотландскій риль гораздо живѣе ромаики. — Суніумъ, нынѣшній мысъ Колонна или южный мысъ Аттики, славный своими архитектурными остатками и мѣстоположеніемъ, требуетъ, чтобы я по-крайней-мѣрѣ бросилъ на него бѣглый взглядъ, и такъ я рѣшаюсь завтрашній день отправиться въ эту сторону.

Воскресенье $^{12}/_{24}$ *Іюля.* — Чтобъ избавиться отъ слишкомъ сильнаго жара, я 9 числа выѣхалъ около 5 часовъ вечера изъ Аѳинъ, и отправился въ Суніумъ медленнымъ шагомъ, въ обществѣ молодаго Русскаго архитектора Кузьмина. Такъ какъ горы Химета, простирающіяся къ востоку отъ Аѳинъ, высоки и круты, то двѣ дороги, ведущія въ Суніумъ, обходятъ ихъ. Одна идетъ тотчасъ къ югу отъ Аѳинъ вдоль моря, другая немного къ сѣверу, до ската Химета, а потомъ на востокъ. По данному мнѣ совѣту, я пустился по послѣдней. Полная луна благопріятствовала нашему путешествію; мы остановились къ 11 часамъ ночи въ довольно опрятной деревенькѣ Мегалопило, и спали на молотильномъ дворѣ. На слѣдующее утро, выѣхавъ рано, мы стали держаться къ югу, и часа черезъ два пріѣхали въ деревню Кератія (богатую вишнями), а еще че-

резъ пять изнурительныхъ часовъ, проведенныхъ большею частію на буграхъ и каменьяхъ, покрытыхъ мелкимъ кустарникомъ, не дающимъ ни малѣйшей тѣни, мы остановились возлѣ колоннъ храма Минервы. Во все продолженіе пути, горы справа и слѣва ограничиваютъ горизонтъ, — съ одной стороны Химетъ, съ другой вершины Негропонта. Мы подошли такъ близко къ послѣднимъ, что дорога наша сошлась съ морскимъ берегомъ, въ который врѣзываются многіе заливы. Сильный морской вѣтеръ показывалъ всю ихъ важность для торговли и разныя мелкія суда, вѣроятно съ островов Греческихъ, стояли здѣсь на якоряхъ. Колонны храма стоятъ на самой вершинѣ мыса и видны на далекомъ разстояніи. Число стоящихъ еще на своихъ основаніяхъ колоннъ — двѣнадцать. Онѣ принадлежатъ къ Дорическому ордену и отличаются бѣлоснѣжнымъ цвѣтомъ, который, вѣроятно, происходитъ отъ вліянія морскаго вѣтра, столь ѣдкаго, что калиноры мраморныхъ колоннъ безпрестанно крошатся. Но окрестная природа такъ очаровательна, что невольно отвлекаетъ вниманіе отъ произведеній искусства. Кажется, будто отсюда видишь всю Грецію, всю поэтическую страну, о которой мы воображали, читая о славѣ и просвѣщеніи Грековъ. Голубое Греческое море

разстилается прямо направо и налѣво отъ подошвы горы до небосклона, съ которымъ наконецъ сливается. Множество острововъ, имѣющихъ видъ дикій и безплодный, разсыпаны на этой голубой равнинѣ, и, не смотря на ихъ наружное безплодіе, они изобилуютъ виноградомъ и на ихъ берегахъ возросло то племя отважныхъ матросовъ, которые принимали такое участіе въ славѣ древнихъ и новѣйшихъ временъ. Легкія барки летаютъ съ одного на другой до самого мыса, и смуглый житель неподвижнаго юга издалека направляетъ ладью, нагруженную произведеніями своей родины, на перистиль, который вѣнчаетъ берегъ Греціи. Есть нѣкоторыя лица, столь ясныя и радостныя, что кажется, будто на нихъ выражается одно счастье, и я сравнилъ бы съ ними Суніумъ.

Пробывъ на этой вершинѣ около четырехъ часовъ, мы поѣхали назадъ и возвратились въ Аѳины на второй день, т. е. вчера вечеромъ. На возвратномъ пути нашемъ между Суніумомъ и деревней Кератія, два вооруженные человѣка выскочили изъ кустовъ съ намѣреніемъ напасть на насъ; но видя, что насъ было трое и что мы также имѣли оружіе, они не остановили насъ, и на вопросъ мой: отчего они ходятъ съ ружьями? отвѣчали, что они имъ необходимы для защиты отъ кабановъ.

Мы провели спокойно и безъ новыхъ предпріятій вчерашній и сегодняшній день; завтра сбираемся посѣтить занимательнѣйшій изъ всѣхъ Греческихъ острововъ — Эгину.

Четвергъ $^4/_{16}$ *Іюля.* — Я возвратился вчера вечеромъ изъ Эгины, оставивъ на бригѣ Ѳемистоклѣ Брюллова, для котораго морской воздухъ здоровѣе Аѳинскаго. Эта поѣздка доставила мнѣ случай увидѣть другой пунктъ, совершенно отличный отъ всего того, что я до сихъ-поръ здѣсь видѣлъ. Эгина такъ богата древностями, что нигдѣ вниманіе не можетъ быть живѣе возбуждено, и она тѣмъ болѣе интересна для наблюдателя нынѣшняго положенія Греціи, что покойный президентъ сосредоточилъ на ней всѣ тѣ заведенія, которыя полагалъ полезнѣйшими для своей родины. Впрочемъ въ ней нѣтъ ни дѣятельности, ни богатства острововъ Архипелага. Она болѣе принадлежитъ материку Греціи, чѣмъ сіи послѣдніе, которые я скоро надѣюсь увидѣть.

Мы отправились третьяго дня рано поутру въ коляскѣ изъ Аѳинъ въ Пирей, и оттуда на

лодкѣ доплыли до брига Ѳемистокла, который стоялъ на якорѣ въ заливѣ Амбелаки близъ острова Саламины. Такъ какъ бригъ, въ ожиданіи приказанія отправиться въ Смирну съ депешами, не имѣетъ здѣсь никакаго занятія, то капитанъ охотно взялся отвезти насъ въ Эгину и велѣлъ тотчасъ сняться съ якоря. Раздался свистокъ и матросы, по-большой-части малые ростомъ, но крѣпкіе, какъ Геркулесы, начали вывертывать якорь, пока другіе, взлетѣвъ на реи, распускали паруса. Черезъ четверть часа мы поплыли подъ тихимъ, но попутнымъ вѣтеркомъ къ Эгинѣ и скоро увидѣли на горѣ колонны Юпитера Панелленійскаго. Еслибъ вѣтеръ былъ немного сильнѣе, мы прибыли бы часа черезъ два въ городъ, который стоитъ на противоположной сторонѣ острова; но погода была такъ тиха, что мы только къ вечеру приблизились къ нему. Капитанъ далъ намъ баркасъ и мы пустились на веслахъ до набережной, усѣянной купцами, матросами и множествомъ празднаго народа, который здѣсь прогуливается. Мы вышли на берегъ и, остановясь въ кофейномъ домѣ, гдѣ Баварцы играли на стертомъ почти билліардѣ разломанными шарами, стали дожидаться муловъ, чтобъ отправиться въ храмъ Юпитера. Между тѣмъ люди всякаго

званія, узнавъ о пріѣздѣ Русскихъ на военномъ баркасѣ, входили и выходили изъ комнаты и стояли у дверей и окошекъ. Одинъ былъ посмѣлѣе прочихъ. Худощавый, бѣлокурый Французъ, уже много лѣтъ находящійся здѣсь учителемъ словесности, представился намъ и предложилъ свои услуги, вызвавшись показать намъ древности Эгины. Подъ его руководствомъ, мы посѣтили обширное заведеніе Орфанотропа, учрежденное Каподистріемъ, и, какъ самое имя показываетъ, посвященное воспитанію сиротъ. Оно теперь обращено въ военную школу. Направо и налѣво отъ церкви, которая учреждена среди главнаго корпуса, открытое мѣсто служитъ музеумомъ для складки скульптурныхъ обломковъ, найденныхъ на островѣ. Очень было бы желательно, чтобъ во всѣхъ Греческихъ городахъ подобныя мѣста были учреждены для помѣщенія найденныхъ вблизи древностей. Драгоцѣнные для исторіи матеріалы остались бы тогда на самомъ мѣстѣ, гдѣ они были поставлены, и не было бы опасенія, чтобъ они смѣшались съ иноземными предметами, собранными со всѣхъ сторонъ, какъ случается, когда только одинъ главный музеумъ служитъ для всего королевства. Антикварій, историкъ и художникъ нашли бы занятіе на нѣ-

сколько недѣль, не выходя изъ этого хранилища. По совѣту нашего Французскаго чичероне, мы не замедлили отправиться въ Панелленіумъ, какъ скоро наши мулы были готовы. Солнце уже начинало клониться къ западу и мы хотѣли дойдти до храма засвѣтло. Намъ особенно совѣтовали взять ту дорогу, которая идетъ между древними гробами; но сколько мы этого ни повторяли нашему провожатому, онъ не понималъ насъ и показалъ намъ дорогу въ южномъ направленіи прямо въ долины, которыя пересѣкаютъ внутренность острова. Страна, хотя каменистая, оживлена разнаго рода деревьями и частыми дачами и хуторами. Виноградъ и оливковыя деревья составляютъ главныя произведенія острова. На самой вершинѣ одной изъ горъ, у подошвы коихъ мы проѣзжали, видны остатки города, въ свое время весьма значительнаго. Стѣны домовъ еще стоятъ, но, сколько я могъ понять изъ словъ провожатаго, ни одна душа не живетъ въ нихъ и, въ самомъ дѣлѣ, нельзя вообразить мѣста менѣе удобнаго для жительства. Это настоящее орлиное гнѣздо, висящее на крутой и самой неплодородной скалѣ, такъ что жители были бы принуждены ходить внизъ и очень далеко за всѣми нужными для жизни потребностями. Чандлеръ

полагаетъ, что это остатки древняго города Эа. Не смотря на всѣ наши старанія, мы пріѣхали цѣлымъ получасомъ послѣ захожденія солнца на возвышенность, занимаемую Панелленіумомъ. Мы могли однако въ сумеркахъ свѣтлаго Греческаго вечера хорошо видѣть самый храмъ и составить себѣ понятіе о волшебномъ видѣ, который является здѣсь взору чрезъ все пространство моря до Аѳинскаго акрополиса. Этотъ храмъ, равно какъ Суніумскій, показываетъ, что Греки украшали не одну землю своими прекрасными строеніями, но вводили, такъ сказатъ, самое море въ освященный предѣлъ. Панелленіумъ выстроенъ изъ такого же сѣраго камня, какъ храмъ Аполлона Эпикурейскаго въ Бассѣ, и имѣетъ тотъ же цвѣтъ, но размѣръ его гораздо менѣе и притомъ онъ сохранился хуже. Видя храмы, основанные, подобно Панелленіуму, на скалахъ, и выстроенные по всѣмъ правиламъ архитектурной прочности, въ такомъ жалкомъ и совершенномъ раззореніи, нельзя удержаться отъ мысли, что не одно время ихъ разрушило, но что и рука человѣка въ томъ также участвовала. Доказательствомъ тому служитъ неодинаковое состояніе храмовъ, выстроенныхъ въ одно и то же время; напримѣръ Ѳезейскій храмъ былъ выстроенъ около того же времени, какъ и

Эгинскій и сохранился удивительно хорошо, хотя стоитъ на низкомъ мѣстѣ, между тѣмъ какъ Панелленіумъ, выстроенный на высокомъ камнѣ, почти весь развалился. Христіане первыхъ вѣковъ, подъ византійскимъ владычествомъ, вѣроятно истребили большую часть Греческихъ храмовъ; а ученые нынѣшняго вѣка унесли самыя красивыя и драгоцѣнныя ихъ части, какъ лежавшія на землѣ, такъ и тѣ, которыя еще держались на мѣстахъ, куда рука скульптора ихъ поставила. Мы хотимъ теперь судить о Греческихъ зданіяхъ; но даже не видимъ ихъ холоднаго скелета, а еще менѣе краски жизни, которою они нѣкогда цвѣли. — Было уже темно, когда мы возвратились изъ Панелленіума и, полагаясь совершенно на муловъ относительно дороги, благополучно пріѣхали около полночи въ городъ, хотя раза два или три усталыя животныя заносили насъ на молотильные дворы. Мы провели остатокъ ночи на скамейкахъ кофейнаго дома, и съ разсвѣтомъ принялись опять осматривать памятники Эгины. Мы начали тѣмъ, что обозрѣли гробы, на которые накапунѣ нашъ Французскій чичероне обратилъ наше вниманіе. Они въ-самомъ-дѣлѣ чрезвычайно замѣчательны. Большая часть ихъ завалена землею, и по сей причинѣ нельзя судить о ихъ

внутреннихъ украшеніяхъ, но нѣкоторые очищены, и мы нашли въ одномъ изъ нихъ слѣды древней отдѣлки. Полагаютъ, что эти гробы служили жилищемъ большой части воинственнаго народа во время сраженія при Саламинѣ. Какъ большая часть подобныхъ мѣстъ, они вѣроятно также служили убѣжищемъ первымъ христіанамъ. Теперь церковь надмогильная учреждена въ одномъ изъ этихъ гробовъ. Г. Ефимовъ списалъ найденные въ ней остатки древней живописи.

Мы возвратились въ городъ, чтобы пройдти на противную его сторону, гдѣ показываютъ остатки театра и храма Венеры. Сей послѣдній имѣетъ обширную подстройку; но одна тощая колонна, уцѣлѣвшая отъ всего храма, выходитъ изъ земли. Видно, что много употребили камней прежняго храма на новыя постройки. Можетъ быть часть ихъ служила для сооруженія смирительнаго дома въ видѣ *паноптика*, который находится по сосѣдству. Большая разноцвѣтная мозаика, представляющая арабески, заслуживаетъ также вниманіе.

Къ 10 часамъ утра мы должны были возвратиться на бригъ, и тихій вѣтерокъ пригналъ насъ къ вечеру въ заливъ Амбелаки. Возвратъ мой въ

Аѳины былъ довольно печальный, ибо первая вещь, которую я увидѣлъ, проходя агору, были похороны, такъ сказать, гуртовыя. Лихорадка до того свирѣпствуетъ, что теперь везутъ возами Баварцевъ въ Олимпійскій храмъ. При мнѣ нагружали двѣ телеги семью тѣлами.

Конецъ первой части.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Съ дозволенія Г. Шинкеля я перевелъ это описаніе рисунка, имъ же сдѣланнаго по моей просьбѣ, и приложеннаго въ атласѣ. Любители изящнаго найдутъ и въ томъ, и въ другомъ много мыслей тонкихъ и глубокихъ о томъ усовершенствованномъ вкусѣ древнихъ, который, при всей образованности новѣйшихъ временъ, едва ли возродится.

ОПИСАНІЕ РИСУНКА,

представляющаго

АЛЬТИСЪ,

священную рощу вокругъ храма Юпитера въ Олимпійской долинѣ.

Ни въ какомъ мѣстѣ древности классическій геній не былъ разлитъ въ такой полнотѣ, какъ во внутренности священной рощи Олимпійской; нигдѣ роскошь искусства не превосходила такъ далеко всѣ произведенія новѣйшихъ временъ и не возносилась такъ высоко въ собственномъ незаимствованномъ характерѣ, какъ въ Альтисѣ. Безпрестанно образующійся снова міръ искусствъ произошедъ отъ почтеннѣйшихъ сказаній и высокаго чувства народа къ поэзіи, замысловато соединился съ прелестями природы, представляемыми прекрасною мѣстностью, и съ чувствомъ симметріи; въ этомъ счастливомъ соединеніи напечатлѣвался на окружающій міръ тотъ возвышенный характеръ, который представлялся сосредоточеннымъ въ обозрѣніи Альтиса. Благочестіе и пламенное стремленіе къ увѣковѣченію

своихъ дѣлъ, собрали въ священную Олимпійскую рощу изъ всего образованнѣйшаго древняго міра драгоцѣннѣйшее, изящнѣйшее и умнѣйшее въ такомъ изобиліи, что людямъ новѣйшихъ временъ не достаетъ воображенія, чтобы ясно представить себѣ изображеніе такого предмета; и даже сохранившіяся, къ счастію, до нашихъ временъ, описи и описанія этого священнаго мѣста, составленныя Павзаніемъ и другими, способны только еще болѣе смутить разсудокъ и задать воображенію новыя, неразрѣшимыя задачи.

Составить вѣрный планъ для совершеннаго возобновленія этого волшебнаго мѣста, невозможно въ наше время, исключая развѣ того случая, еслибы мы сдѣлали неожиданныя и обильныя открытія на самомъ мѣстѣ, на что не мало заставляетъ насъ надѣяться недавнее открытіе прославленнаго во всемъ мірѣ храма Юпитера. Распростертая нынѣ, вокругъ священной рощи, пустыня, которой природа сохранила древнюю прелесть посредствомъ травъ и цвѣтовъ, нигдѣ не представляетъ выразительныхъ примѣтъ древнихъ, священныхъ, столь часто воспѣтыхъ празднествъ: меланхолическая безлюдность царствуетъ надъ обширною равниною, лишь изрѣдка преры-

ваемая призывами пастуховъ и журчаніемъ водъ Альфея, катящихся по песчаному ложу.

Въ приложенномъ здѣсь опытѣ представить обзоръ одной части Альтиса, который состоялся при помощи рисунковъ и плановъ г. Давыдова, сдѣланныхъ на мѣстѣ искуснѣйшими художниками и сообщенныхъ мнѣ, выбранъ пунктъ, съ котораго фантазія можетъ держаться главныхъ предметовъ, дѣйствительно отъисканныхъ усиліями, сдѣланными въ новѣйшія времена, а къ нимъ прибавить другія, ближайшія произведенія священнаго мѣста, и въ нѣкоторой степени поставить каждый на надлежащемъ и соотвѣтствующемъ мѣстѣ.

Прежде всего представляется огромный храмъ Юпитера, во всемъ своемъ протяженіи, какъ онъ долженъ былъ открываться взору съ возвышенностей между горою Кроніонъ и рѣкою Кладеемъ. Храмъ принадлежитъ къ древне-Дорической архитектурѣ; число колоннъ лицевой и боковыхъ сторонъ извѣстно по ископаніямъ; форму крыши опредѣлили гипетросову. Акротеріи и наполненіе фронтонныхъ полей рельефами описаны достаточно. На верху фронтона стояла вызолоченная статуя Викторіи (богини побѣды); подъ нею былъ повѣшенъ золотой щитъ съ изображе-

ніемъ головы Горгоны — жертвоприношеніе Лакедемонянъ послѣ побѣды, одержанной ими надъ Ахаянами, Аѳинянами и Іонянами. По угламъ фронтоновъ стояли бронзовые треножники. Римскій полководецъ Муммій повѣсилъ двадцать позолоченныхъ щитовъ къ архитравѣ храма за побѣду, одержанную имъ надъ Ахеянами, Коринѳянами и Дорянами. На переднемъ фронтонѣ изображалась въ рельефахъ скачка Пелопса и Эномаія, работы Маконія Мендійскаго, Ѳракійскаго уроженца. На заднемъ фронтонѣ была изображена битва Лапитовъ съ кентаврами на сватьбѣ Пириѳоа — произведеніе Алкамена, современника Фидіева. Въ метопахъ, которыя были расположены въ вѣнкѣ надъ дверьми храма, были изображены дѣянія и подвиги Геркулеса въ горельефахъ. Во внутренности храма находилась Фидіева знаменитая колоссальная статуя Юпитера, сидящаго на тронѣ и окруженнаго безчисленнымъ множествомъ жертвенныхъ даровъ.

Въ нашемъ видѣ купы деревъ въ углубленіи закрываютъ частію храмъ Юпитера; онѣ принадлежатъ къ священному мѣсту Пелопса, которое, бывъ окружено стѣною, тянулось вдоль длинной стороны храма и хранило во внутренности своей

множество освященныхъ статуй, треножниковъ и алтарей (жертвенниковъ).

Предъ храмомъ и сейчасъ упомянутымъ мѣстомъ Пелопса, но въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, видѣнъ сооруженный Геркулесу алтарь, устроенный двумя уступами, къ которымъ всходили съ двухъ сторонъ по ступенямъ. На планѣ онъ представленъ наполненнымъ людьми, приносящими жертву или присутствующими при жертвоприношеніи. Алтарь этотъ былъ воздвигнуть Геркулесомъ Идейскимъ, или героями страны изъ пепла животныхъ, принесенныхъ въ жертву Юпитеру. Основаніе его имѣетъ въ объемѣ 125 футовъ а вышина его 22 фута. Дѣвы и женщины могли всходить только на первый уступъ. Прорицатели тщательно соблюдали обязанность обмазывать ежегодно алтарь тѣстомъ изъ золы, смѣшанной съ водою Альфея.

Между жертвенникомъ Геркулеса, храмомъ и пелопіумомъ простирается площадь, составляющая, можетъ быть, переднюю часть гиподрома, на которомъ разставлены разные дары и жертвы; уголъ стѣны пелопіума обозначается треножникомъ; другіе алтари и статуи украшали площадь; особенно замѣчательна была здѣсь деревянная колонна дома Эномаія, которая хранилась подъ кры-

шею, поддерживаемой четырьмя столбами; рисунокъ намекаетъ о ней.

Гипподромъ должно предполагать въ нѣкоторомъ разстояніи отъ храма, на низменномъ мѣстѣ, образуемомъ Альфеемъ. На рисункѣ представлены пространныя мѣста для зрителей, увѣнчанныя отдаленными купами деревъ, предъ которыми возвышаются многообразные памятники побѣдителей. Входъ съ бѣговой площади къ храму обозначается двумя высоко стоящими золотыми конями, потому-что эти животныя наиболѣе участвовали въ играхъ.

Между купами деревъ рощи за гиподромомъ видна блестящая поверхность Альфея, а за нимъ цѣпь возвышеній, идущихъ въ направленіи къ Самику и Плаціанѣ, заключаетъ видъ.

На переднемъ планѣ картины, къ которому мы должны возвратиться снова, видны террассы и улицы, которыми должны были быть архитектонически снабжены скаты Кроніонской цѣпи пригорковъ, и между деревьями рощи, по краямъ и бокамъ ея, полчище статуй побѣдителей и жертвоприношеній всякаго рода, принесенныхъ по случаю особенно-замѣчательныхъ происшествій.

Здѣсь, на право, замѣтна одна изъ колоссаль-

ныхъ статуй Юпитера, какихъ въ Альтисѣ было слишкомъ до пятидесяти. Предъ нею мраморный треножникъ на возвышеніи, на которое всходятъ по немногимъ ступенямъ, дабы благочестивый посѣтитель Альтиса могъ здѣсь принести свою жертву. Если эта статуя Юпитера есть та, которую соорудили Книдійцы, то это оправдало бы въ то же время рядомъ поставленную, описанную Павзаніемъ, статую рѣчнаго бога Альфея; за нею видна богиня побѣды въ бигѣ изъ бронзы — трофеи, какихъ сооружено здѣсь чрезвычайно много.

Далѣе, въ углубленіи, поставленъ также знакъ побѣды, съ двумя золотыми конями по сторонамъ, а рядомъ, на стѣнѣ пелоніума, замѣчаешь статуи юношей въ положеніи молящихся, которыя должно почитать жертвоприношеніемъ Агригентинцевъ за побѣду надъ городомъ Мотіе на Сициліанскомъ мысѣ Пахинумѣ, гдѣ Финикіяне и Африканцы обитали вмѣстѣ.

На площадкѣ, имѣющей видъ полукружія, воздвигнута богиня побѣды на колоннѣ, и считается произведеніемъ Пэонія изъ Менден: эта статуя сооружена изъ добычи, взятой Мессенянами у Акарнанцевъ и Эніадовъ. На передней стѣнѣ полукруглой площадки и ведущей къ ней аллеи, раз-

Staats-Bibliothek Bamberg

ставлены статуи побѣдителей на игрищахъ. Они представлены въ различныхъ положеніяхъ, приготовляясь къ бою.

Бронзовый Марсъ въ вооруженіи, съ поднятымъ копьемъ и защищающимъ щитомъ, юноши въ гимнастическихъ положеніяхъ, одна женская статуя, группа, изображающая молодаго мужчину и молодую женщину, нѣсколько кулачныхъ бойцевъ и, наконецъ, налѣво, группа изъ четырехъ позолоченныхъ коней, образуютъ передній планъ, сквозь который видны гипподромъ и дальнѣйшее пространство.

У подножія возвышенія, на которомъ находится зритель, можно предполагать подлѣ пелопіума храмъ Юноны а далѣе влѣво алтарь Геркулеса, Метроумъ, храмъ матери боговъ, и такимъ образомъ все замѣчательнѣйшее Альтиса частію представлялось бы взору, частію заставляло бы предполагать о себѣ, сколько это возможно теперь на простомъ ландшафтѣ, и воображенію былъ бы пріуготовленъ путь докончивать дальнѣйшее изображеніе этого чуднаго мѣста во всѣхъ направленіяхъ.

ШИНКЕЛЬ.

Staats-
Bibliothek
Bamberg

ОПЕЧАТКИ.

страница	53	*строка*	17	*напечатано:*	муловъ	*читай:*	муловъ,
»	62	»	9	»	противъ	»	противъ
»	64	»	14	»	долину	»	долину
»	99	»	1	»	расыпаны	»	разсыпаны
»	103	»	11	»	землею	»	землю
»	110	»	посл.	»	ɗазвалинъ	»	развалинъ
»	130	»	20	»	въвесьма	»	въ весьма
»	131	»	6	»	я на	»	я не
»	—	»	11	»	ежедоевному	»	ежедневному
»	165	»	посл.	»	Апостота	»	Апостола
»	171	»	5	»	тамже	»	тамъ же
»	192	»	9	»	развеселитъ	»	развеселить
»	202	»	посл.	»	дорогу,	»	дорогу.
»	205	»	1	»	дос тать	»	достать
«	—	»	3	»	нъса	»	насъ
«	210	»	1	»	гощася	»	щагося

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Orlov-Davydov, Vladimir P.

Putevyja zapiski vedennyja vo vremja prebyvanija na Ioničeskich ostrovach, v Grecii, Matoj Azii i Turcii v 1835 godu

Bd.: 1

St. Petersburg 1839

Bamberg, Staatsbibliothek -- Geogr.it.q.41(1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11450056-6